КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Три двери смерти

«ИНОСТРАНКА»

Три двери смерти
Рекс Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Три двери смерти
Предисловие
Оживший покойник
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

Цветов не посылать
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Дверь смерти
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.
В сборник «Три двери смерти» вошли повести, в которых Вулф расследует небольшие, но тем не менее очень интересные дела.

Рекс Стаут
Три двери смерти

© 1950 by Rex Stout Three Doors to Death

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Никиты Вуля, Анатолия Ковжуна, Александра Санина Серийное оформление Вадима Пожидаева

© Н. А. Вуль, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

⁂

Предисловие

Просматривая описания этих трех дел, мне показалось, что они могут дать человеку, незнакомому с Вулфом, неправильное представление о нем, а потому я подумал, что не помешало бы вставить предисловие. Оно рассчитано на тех, кто ранее не встречал Вулфа. Только в одном из этих дел за работу ему заплатили — я имею в виду деньгами. Возможно, кто-нибудь сделает совершенно нелогичный вывод, который в результате обернется досадой или даже неприятностями. Спешу пояснить: Вулф не раскрывает убийства просто так. Он делает это, чтобы зарабатывать на жизнь, в том числе и на мою. И если он не будет выплачивать каждую пятницу мне жалованье, то не сможет вести тот образ жизни, который ему нравится. Хочу обратить ваше внимание, что на самом деле в двух других случаях Вулф действительно что-то получил: в одном — удовлетворение оттого, что помог старому и дорогому другу, а в другом — садовника, заменившего Теодора.

Вот с учетом этого предупреждения мне и понравилась идея соединить три дела под одним названием, потому что они образуют сложную комбинацию пар. В двух из них Вулф не получил гонорар. В двух из них он должен был забыть документ, чтобы переломить ситуацию. В двух из них убийство было чисто семейным делом. В двух из них я познакомился с молодой женщиной, но не с той, которая была так близка к убийству. Поэтому я думаю, что, объединенные под одним общим названием, они будут немного более интересными, конечно, если люди не начнут мне звонить с просьбой, чтобы я уговорил Вулфа раскрыть убийство в качестве подарка. Я просто предупреждаю вас.

Арчи Гудвин

Оживший покойник

Глава 1

— «Домери и Нидер», — произнесла она ласкающим слух голоском; внимать ей было сущее удовольствие.

— Будьте любезны, по буквам, — вежливо попросил я.

Мне хотелось уточнить, как пишется «Домери». «Нидер» я уже успел занести к себе в блокнот. Именно такую фамилию носила моя собеседница — Синтия Нидер.

Выражение ее очаровательных светлых глаз тут же изменилось, будто девушка заподозрила, что я шучу. Она смотрела на меня так, словно я спросил, как пишется фамилия Шекспира или Чарли Чаплина. Судя по всему, я являл собой образ воплощенной невинности, поэтому посетительница вежливо улыбнулась и произнесла по буквам:

— «Дэ», «о», «эм», «е», «эр», «и», — при этом добавив: — Седьмая авеню, дом четыреста девяносто шесть. Вот до чего доводит зазнайство и самоуверенность. Считаешь, что имя твоей компании гремит на весь свет, а тут кто-то уточняет, как оно пишется. Интересно, как бы вы отреагировали,

если бы кто-нибудь поинтересовался у вас, как пишутся имя и фамилия Ниро Вулфа?

— Спроси́те — и узнаете, — предложил я, улыбнувшись в ответ, и протянул руку. — Давайте нащупайте пульс и задайте этот вопрос. Но умоляю, не просите меня произнести по буквам имя и фамилию Арчи Гудвина. Тогда вы действительно сделаете мне больно. Дело в том, что Арчи Гудвин — это я.

Вулф недовольно заворчал и заерзал в изготовленном на заказ, специально для него, кресле, стараясь поудобнее разместить свое массивное тело весом в несколько сот фунтов.

— Вы договорились со мной о встрече, — произнес он. — Полагаю, вам нужен частный детектив. Если так, скажите, зачем я вам понадобился. И не потакайте мистеру Гудвину, а то он тут же начнет вести себя как мартовский кот. Ему много не надо.

Я решил пропустить его колкость мимо ушей, хотя он был явно несправедлив. Я куда разборчивее мартовского кота. Моя снисходительность объяснялась довольно просто: Вулф только что купил новый «кадиллак-седан», а это означало, что у меня, Арчи Гудвина, появилась новая машина. Из четырех обитателей особняка Вулфа

из бурого песчаника на Тридцать пятой улице, рядом с Гудзоном, машину вожу лишь я один.

Сам Вулф полагает, что все движущиеся механизмы созданы с единственной целью — его погубить. Из дому он выходит редко, причем по делам — практически никогда. Сидит у себя в кабинете на первом этаже и шевелит в основном мозгами, да и то когда мне удается его к этому принудить.

Наш повар и дворецкий Фриц Бреннер машину водить умеет, но тщательно это скрывает, а кроме того, не имеет водительских прав.

Цветовод Теодор Хорстман, лелеющий орхидеи в оранжерее на крыше, предпочитает полезные для здоровья пешие прогулки и, несмотря на возраст, все еще пытается доказать их пользу на практике.

Таким образом, обязанность водить машину лежит на мне. Мало того что я главный помощник Вулфа в сыскной работе, бухгалтер и стенографист, назойливый овод, который не дает ему бить баклуши, и маховик, приводящий все в движение, так мне еще приходится выполнять работу шофера и мальчика на побегушках. Следовательно, новая машина, по сути, была моей. Потому-то в знак признательности я решил разок

спустить Вулфу колкость, когда он обозвал меня мартовским котом. Кроме того, машина обошлась нам довольно дорого, между тем как мы вот уже целую неделю сидели без дела. А сейчас в воздухе пахло заданием, а значит, и гонораром. У голубоглазой красотки явно водились деньжата. Ответь я Вулфу шпилькой на шпильку, он мог бы рассвирепеть, пойти вразнос и оскорбить заодно нашу гостью, лишив нас работы.

В итоге я лишь понимающе улыбнулся Синтии Нидер, взял ручку и блокнот и прочистил горло.

Глава 2

— «Домери и Нидер», — начала Синтия, — весьма достойная компания. Как и все те, что расположены на Седьмой авеню и Пятьдесят седьмой улице… Впрочем, вы не торгуете одеждой, потому название фирмы вам ничего не говорит… Однако, думаю, вашим женам оно наверняка знакомо.

Вулф содрогнулся.

— Мы не женаты, — твердо произнес я. — Оба. Именно поэтому ведем себя как мартовские коты.

— Вот как? Что ж, если бы вы были женаты, то ваши супруги непременно знали бы о «Домери и Нидер». Мы шьем платья, мужские костюмы, пальто — все высочайшего качества. Наш модный дом занимает определенное положение. Даже здесь, в Нью-Йорке. Фирму основали двадцать лет назад два человека — Джин Домери и Пол Нидер… Дядя Пол… брат отца. Она…

— Прошу прощения, — перебил ее Вулф, — чтобы сберечь наше время, сразу хочу предупредить, что не занимаюсь промышленным шпионажем.

— Я в курсе, — отмахнулась она. — И вообще, не затем сюда явилась. Я решила обратиться

к вам из-за него, из-за моего дяди. Дяди Пола. — Она нахмурила брови и уставилась в окно за столом Вулфа, словно что-то в нем увидела, потом едва заметно пожала плечами и снова перевела взгляд на Вулфа. — Наверняка вам нужно знать предысторию случившегося. Думаю, так все будет понятнее. Домери отвечал за деловую сторону — занимался организацией производства и управлением, сбытом продукции. А дядя Пол являлся дизайнером, модельером. Если бы не он, Домери нечего было бы продавать. Компания принадлежала им обоим — они имели равные доли. Когда мой дядя год назад покончил с собой… Понимаете, официально объявили, что он свел счеты с жизнью… Так вот, его доля перешла по наследству ко мне.

При этих словах у меня в голове промелькнули две мысли. Первая: я оказался прав, предположив, что наша гостья — весьма состоятельная особа. И вторая: похоже, нам предстоит доказать, что суицид на самом деле был убийством.

— Думаю, вам нужны подробности, — продолжила Синтия. — Несколько слов о себе. Я родилась и выросла на Западе, в Орегоне. Отец с матерью умерли, когда мне было четырнадцать. За мной прислал дядя Пол. Я перебралась в Нью-Йорк и

поселилась у него. Он не был женат. Не могу сказать, что мы хорошо ладили. Наверное, потому, что слишком похожи. Я, как и он, человек творческий. На самом деле все было не так уж и плохо. Просто мы постоянно ссорились. Впрочем, когда доходило до выяснения отношений, он всегда мне уступал. Он хотел заставить меня пойти в колледж. Однако я, как уже сказала, человек творческий. Мне было понятно, что учеба обернется пустой тратой времени. Мы ругались из-за колледжа чуть не каждый день. В итоге он заявил, что я должна сама зарабатывать себе на жизнь, раз уж не желаю учиться. И что, по-вашему, он сделал? Предложил мне работу модельера в компании «Домери и Нидер» по самой высокой ставке! Теперь понимаете, что за человек был мой дядя? Чудесный, на самом деле. Он обучил меня азам, помог разобраться в том, что такое дизайн… Само собой разумеется, он пошел на это только потому, что знал о моем необычном таланте.

— О каком именно? — скептически поинтересовался Вулф.

— Модельера. О каком же еще? — ответила Синтия таким тоном, словно все другие таланты просто не заслуживали упоминания. — Все это случилось три года назад. Мне было восемна-

дцать, опыта никакого… Два года ушло только на то, чтобы освоить профессию. Однако за это время мне несколько раз подвернулась возможность показать, на что я способна. И что самое удивительное, дядя охотно мне помогал. Обычно модельеры ревниво оберегают свои находки и приемы, но только не мой дядя. А потом он поехал в отпуск на Запад, и оттуда пришло известие, что он покончил с собой. Пожалуй, мне следует объяснить вам, почему меня не удивила весть о самоубийстве дяди.

— Пожалуй, — не стал спорить Вулф.

— Да потому, что я знала, как он несчастен. Хелен Домери погибла. Отправилась на прогулку верхом, лошадь понесла и сбросила ее на камни. Хелен разбилась. Она была женой Домери… Дядиного компаньона. Дядя сходил по ней с ума. Она была моделью в их модном доме… Гораздо моложе Домери… Думаю, дядя Пол за всю свою жизнь по-настоящему любил только ее… Всем сердцем. На этот счет у меня нет никаких сомнений. Хелен не отвечала ему взаимностью. Она вообще не любила никого, кроме самой себя. Полагаю, это не мешало ей, однако, строить ему глазки. Хелен нравилось держать дядю на коротком поводке. Его, которого не могли завлечь в свои сети дру-

гие женщины. А от нее это не требовало ровно никаких усилий.

Я не стал фиксировать в блокноте тот факт, что мисс Нидер не одобряла миссис Домери, хотя мог бы под этим подписаться.

— Смерть Хелен полностью сломила дядю, — продолжила Синтия. — Прежде я и представить себе не могла, что человек способен так сильно перемениться. Я еще жила в его квартире, поэтому все происходило на моих глазах. Три дня он молчал — ни словом не перемолвился со мной или с кем-то еще. Не выходил из дому — и это в самый разгар подготовки к показу осенней коллекции! Потом вдруг заявил, что должен отдохнуть. Через четыре дня я получила известие о том, что он покончил с собой. Тогда, в тех обстоятельствах, мне это не показалось странным.

— А сейчас? — спросил Вулф, заметив, что девушка замолчала.

— А сейчас кажется, — с напором ответила она. — Способ самоубийства меня не удивил. Дядя был склонен впадать в экзальтацию и тяготел к драматическим эффектам. Он был не только лучшим дизайнером Нью-Йорка, но и первоклассным шоуменом. Представлялось вполне естественным, что, задумав свести счеты с жизнью, он, как бы

сильно ни страдал, попытается эффектно обставить свое самоубийство. Так вот, он разделся и прыгнул в гейзер Йеллоустонского парка.

Вулф что-то негромко проворчал. Я посмотрел на девушку с восхищением: как спокойно, с какой выдержкой она сообщила о происшествии! Впрочем, она жила с этим вот уже год.

— Я читала в газете, что внизу, под гейзером, из-за давления в подземном канале, по которому бежит вода, ее температура значительно выше точки кипения.

— Верная смерть, — буркнул Вулф. — Так что же вас смущает в гибели вашего дяди?

— Да то, что на самом деле он не погиб. На прошлой неделе я видела его здесь, в Нью-Йорке. Он жив.

Глава 3

Моего оживления как не бывало. Я-то думал, что нам предстоит снять фальшивую личину суицида с убийства, а почуяв убийство, я всякий раз делаю охотничью стойку. В частном сыске убийство — нечто вроде стержня, на котором все держится. Согласитесь, газетный заголовок «Произошло убийство» так и притягивает взгляд. Синтия содрала этот броский анонс и заменила другим — «Человек остался в живых». Ничего интересного.

Кроме того, мне в голову пришла невеселая мысль: если дядя Пол жив, значит доля в компании по-прежнему принадлежит ему, а не нашей гостье. Отсюда следует логичный вопрос: а есть ли у нее деньги для оплаты наших услуг? Как мужчина, я по-прежнему не мог отказать ей в привлекательности: голос и внешность выше всяких похвал. Однако в профессиональном плане она лишилась для меня притягательности.

Короче говоря, я расслабился и швырнул блокнот на стол. Кстати сказать, мой стол расположен таким образом, что стоит мне сделать пол-оборота в своем вращающемся кресле, и я

поворачиваюсь лицом к Вулфу, еще пол-оборота — и я уже напротив красного кожаного кресла, стоящего возле его стола.

Именно в это кресло мы обычно сажаем посетителей. Некоторые в нем не смотрятся. Однако Синтия, в клетчатом коричнево-желтом жакете нараспашку поверх темно-желтого, шелкового вроде бы платья и в кокетливом подобии коричневой шляпки, надетой набок, выглядела просто превосходно.

Почерпнувший от Лили Роуэн и из других надежных источников некоторые сведения о модной женской одежде, я решил, что, если Синтия сама придумала этот наряд, Вулфу следует засунуть куда подальше свои сомнения касательно ее таланта.

Тем временем Синтия продолжила рассказ о воскресшем дяде:

— Это произошло неделю назад, третьего июня, в прошлый вторник. Мы устроили для журналистов показ нашей осенней коллекции. Мы не устраиваем показы в отелях, поскольку у нас есть собственный демонстрационный зал на двести посадочных мест. Во время показов для прессы мы впускаем посетителей только по билетам. Иначе народу набьется столько, что яблоку будет

негде упасть. Дядю я увидела, когда демонстрировала собственный ансамбль в сине-черных тонах из легкой саржи. Он сидел в пятом ряду, между Агнес Пембертон из «Вога» и миссис Гумперт из «Геральд трибьюн». Не спрашивайте, как мне удалось его узнать. Сама не понимаю. Однако я нисколько не сомневаюсь, что…

— А почему вы могли бы его не узнать? — строго спросил Вулф.

— Да потому, что он отпустил бороду, нацепил очки и прилизал волосы, расчесав их на левый пробор. Понимаю, мое описание звучит нелепо, а дядя Пол всегда чурался эксцентричности. Правда, борода его была аккуратно подстрижена, и потому он не очень сильно выделялся. Хорошо хоть я узнала его далеко не сразу. Иначе просто встала бы столбом на сцене и разинув рот уставилась бы на него. Потом, в костюмерной, Полли Зарелла спросила Бернарда Домери… Это племянник Джина Домери… Так вот, Полли спросила Бернарда, что это за мужик такой заросший сидел в зале. Бернард ответил, что понятия не имеет. Наверное, журналист из «Дейли уоркер». Понятное дело, бóльшую часть приглашенных на показ мы знаем. Бóльшую, но далеко не всех. Когда я вышла демонстрировать следующую

модель — свободное сзади пальто длиной до щиколотки из гобеленовой ткани, — то неосознанно скользнула взглядом по бородачу и совершенно неожиданно поняла, кто это. Не догадалась, а именно поняла. Меня это настолько потрясло, что я прибавила шагу, торопясь уйти со сцены. В раздевалке все мои силы ушли на то, чтобы подавить дрожь. Мне хотелось броситься в зал и поговорить с ним, но как я могла? Это значило сорвать показ. Мне предстояло еще четыре выхода. В частности, я должна была продемонстрировать гвоздь коллекции — облегающее черное в белую полоску платье и жакет из той же ткани, со слегка присборенными у плеч рукавами и двойной юбкой. Одним словом, мне надо было остаться до конца показа. Ну а потом, когда я бросилась в зал, его уже не было.

— Ну-ну, — пробурчал Вулф.

— Да, так все и произошло. Я вышла из зала к лифтам, но он пропал бесследно.

— И с тех пор вы его не видели?

— Не видела.

— Кто-нибудь еще его узнал?

— Не думаю. Уверена, что нет, иначе бы поднялся шум. Только представьте: человек восстал из мертвых!

Вулф согласно кивнул и спросил:

— А многие ли из присутствующих были знакомы с вашим дядей?

— Да практически все. Он был очень знаменит — почти так же, как вы.

Вулф пропустил комплимент мимо ушей.

— Вы уверены, что видели именно вашего дядю?

— Абсолютно. У меня нет ни малейших сомнений.

— Вы выяснили, под чьей личиной он приходил?

— Мне так и не удалось ничего о нем выяснить, — покачала Синтия головой. — Не хотелось расспрашивать слишком много народу, а те, к кому я обратилась, ничем не смогли помочь. Понимаете, — замявшись, добавила она, — пригласительные билеты на показ распространяются довольно свободно. Я не говорю, что мы раздаем их первым встречным на улицах, но человеку со связями не составит труда добыть приглашение. А у моего дяди, разумеется, связи были.

— Вы кому-нибудь рассказали о случившемся?

— Никому. Ни единой живой душе. Все это время я пыталась сообразить, что мне делать.

— А почему бы вам обо всем не забыть? — пред-

ложил Вулф. — Говорите, вы унаследовали после дяди половину… — Он поморщился. — Этой самой вашей компании?

— Да.

— Что-нибудь еще? Движимое или недвижимое имущество, ценные бумаги, счета в банке?

— Ничего. Он не оставил после себя никакого имущества, за исключением мебели в своей квартире. Адвокат сказал, что у дяди не имелось ни ценных бумаг, ни банковских счетов.

— Негусто, — хмыкнул Вулф. — Но вам теперь принадлежит половина компании. Она кредитоспособна?

— Полли Зарелла говорит, что в прошлом году наши доходы перевалили за два миллиона и дела продолжают идти в гору, — улыбнулась Синтия.

— Ну так махните на все рукой. Допустим, вашему дяде нравится носить бороду и прилизывать волосы. Что в этом такого? Если вы загоните его в угол, заставите побриться, смыть фиксатуар и снова стать самим собой, то лишитесь доли в растущих доходах. Они снова начнут отходить к нему. Я не стану заламывать цену за этот совет.

— Нет, — она решительно помотала головой, — я хочу знать, что происходит. Мне надо выяснить, на каком свете я живу. Я… — Она запнулась и

прикусила губу, пытаясь сдержать свои чувства. Природа их оставалась для меня непонятной, но они явно готовились вот-вот вырваться наружу. Взяв себя в руки, она выдавила: — Я очень расстроена.

— В таком случае не торопитесь с решением. — Вулф был с ней на редкость терпелив. — Решения надо принимать на холодную голову. Кроме того, — он погрозил пальцем, — несмотря на всю вашу убежденность, вы можете заблуждаться. Допустим, вы узнали его, в отличие от всех остальных, потому что делили с ним кров и близко его знали. Однако есть и другие, знавшие вашего дядю не менее близко. Особенно хорошо его должен знать компаньон, мистер Домери. По вашим словам, они проработали бок о бок двадцать лет. Мистер Домери присутствовал на показе? Он видел бородача?

Глаза Синтии широко распахнулись.

— Ой! — воскликнула она. — Разве я не… Мне показалось, я вам уже сказала… Конечно же, на показе был Бернард Домери, племянник Джина. Я о нем точно говорила… Но Джин Домери, компаньон моего дяди… его нет в живых!

Тут глаза Вулфа, полузакрытые на протяжении почти всего разговора, впервые приоткрылись

пошире.

— Да ну, черт побери! И что же с ним случилось? Тоже прыгнул в гейзер?

— Нет, погиб в результате несчастного случая. Джин утонул. Поплыл рыбачить и свалился за борт.

— Где это случилось?

— Во Флориде. У Западного побережья.

— Когда?

— Дайте подумать… Сегодня девятое июня… Получается, полтора месяца назад. Может, чуть больше.

— Он был в лодке один?

— Нет, с племянником Бернардом.

— С ними был кто-нибудь еще?

— Нет.

— И половина компании, принадлежавшая Джину, отошла племяннику?

— Да, но… — Синтия нахмурилась и взмахнула рукой. Как я заметил, она любила жестикулировать, причем делала это воистину грациозно, сущее загляденье. — Там все чисто.

— Что именно?

— Глупый вопрос, — решительно произнесла она. — Я просто хочу сказать, что, если бы в гибели Джина было что-то подозрительное, полиция

Флориды непременно начала бы расследование.

— Допустим, — не без раздражения согласился Вулф. — Однако что за удивительная череда смертей! Миссис Домери упала с лошади и разбилась. Мистер Нидер прыгнул в гейзер. Мистер Домери свалился за борт и утонул. Это не мое дело, слава тебе господи, но на вашем месте я бы так не полагался на полицию Флориды. Вернемся к вашему дяде, — резко продолжил он. — Чего вы от меня хотите?

На этот вопрос у нее имелся ответ.

— Я хочу, чтобы вы нашли моего дядю. Я желаю его видеть.

— Превосходно. Дело это может оказаться долгим и недешевым. Вы готовы внести аванс в размере двух тысяч долларов?

Синтия даже глазом не моргнула.

— Конечно, — произнесла она тоном миллионерши. — Я сегодня же отправлю вам чек. Надеюсь, вы понимаете, что, как я уже упоминала в самом начале, речь идет о строго конфиденциальном расследовании. Никаких отчетов по телефону. Письменные отчеты передавать мне лично в руки. Ничего не пересылать по почте. Кроме того, у меня есть к вам одно предложение. — Она устремила взгляд ясных голубых глаз на

меня, после чего снова перевела их на Вулфа. — Я бы с радостью поведала вам все, что знаю о коллегах дяди. Вот только сомневаюсь, что эти сведения будут вам полезны. Родственников, кроме меня, у него нет. Близких друзей, насколько мне известно, тоже. Кроме Хелен Домери, он никого больше не любил… Ну, быть может, питал теплые чувства ко мне… Думаю, питал… При этом он обожал свою работу и не мыслил жизни без мира моды. Полагаю, в прошлый вторник он явился на показ в первую очередь потому, что не смог остаться в стороне. По-моему, он не понял, что я узнала его. Так, может быть, явится снова? Если да, то, скорее всего, сегодня. Сегодня мы устраиваем большой показ осенней коллекции для оптовиков. Именно поэтому я и попросила вас о встрече сегодня утром. На этот раз ему даже не понадобится билета. И у меня такое чувство, что он непременно придет. Я знаю, вы практически никогда не отлучаетесь из дому по делам. Но почему бы вам не послать на показ мистера Гудвина? Он сядет в первом ряду. Если я увижу дядю, подам условный сигнал. Единственное, нам надо быть осторожными, чтобы не испортить показ…

Вулф покивал ей.

— Превосходно, — объявил он.

Глава 4

В тот же июньский понедельник в 14:55 я вошел в дом 496 по Седьмой авеню и проследовал на лифте на двенадцатый этаж.

Поскольку отсюда было всего десять минут ходьбы до особняка Вулфа, изначально я намеревался пойти пешком. Однако Вулфу не терпелось начать тратить аванс, еще и не полученный даже. Он вызвал лучшего в мире сыщика на вольных хлебах Сола Пензера. Вместе с Солом мы загрузились в такси, за рулем которого сидел наш старый знакомый Херб Арансон, к чьим услугам мы часто обращались.

Теперь они оба остались в машине, припаркованной у тротуара. Поскольку Синтия не хотела, чтобы мы брали дядюшку Пола в оборот при большом скоплении народа, оставалось лишь сесть ему на хвост. Вести слежку в Нью-Йорке — дело непростое. Одному с этим не справиться. Поэтому мы хорошо подготовились: я буду следовать за объектом на своих двоих, а Сол — на колесах.

Перед уходом Синтия сообщила еще кое-какие подробности. Хотя по завещанию дяди ей отходила принадлежавшая ему половина компании, в

права наследования она пока не вступила. Закон весьма щепетилен, когда речь идет об умерших, чьи останки не обнаружены.

Поскольку одежду Пола нашли рядом с гейзером, никто всерьез не сомневался в том, что он сварился в кипятке, хотя свидетелей самоубийства не имелось. В кармане его куртки было два письма — адвокату и племяннице Синтии. Они были написаны рукой Пола — с этим никто не мог спорить. Однако из-за юридических тонкостей процедура вступления в наследство тянулась, словно резина.

Насколько я понял, Джин Домери, который свалился за борт и утонул, тоже оставил завещание, и уже полтора месяца тянулась подобная же канитель с передачей его доли племяннику Бернарду. Такая вот картина нарисовалась у меня в голове, когда Синтия в двух словах описала свое положение в компании. Она пока по-прежнему работала манекенщицей, а моделированием в основном занимался некий Уорд Роупер, чье имя она произносила с тем же отвращением, что Уинстон Черчилль — имя Муссолини.

Когда Вулф стал задавать Синтии вопросы, я также узнал кое-что новое о Хелен Домери. Синтия не исключала, что Джин Домери знал

об отношениях жены и компаньона, но все же в этом сомневалась — уж очень ловка и хитра была Хелен. Вулф поинтересовался обстоятельствами смерти миссис Домери, и Синтия рассказала следующее. Все случилось за городом на узкой тропинке, когда Хелен и Джин, как обычно по воскресеньям, отправились прокатиться верхом на собственных лошадях. Джин был единственным свидетелем гибели жены. Впрочем, добавила Синтия, теперь уже не так и важно, кто или что послужило причиной трагедии, поскольку сам Джин Домери тоже мертв.

Таким образом, если верить Синтии, заняться расследованием убийства нам не светило. Подвигнуть Вулфа к расследованию могло только наличие клиента с деньгами и веским поводом их потратить. Синтия не отвечала этим условиям. Ее дядя был жив, а за поимку убийцы Хелен Домери девушка не заплатила бы и цента. Что же касается Джина Домери, Синтия соглашалась с выводами полиции Флориды, не усмотревшей в его гибели ничего подозрительного.

Таким образом, когда я вышел из лифта на двенадцатом этаже, меня не мучили ни волнения, ни тревоги.

Я увидел открытые настежь двустворчатые

двери и нескольких мужчин на пороге. Приблизившись, я наблюдал, как грузная дама, ехавшая со мной в лифте и поспешившая выйти из него первой, попыталась зайти внутрь, но один из мужчин заступил ей дорогу и вежливо спросил:

— Разрешите, пожалуйста, уточнить, из какой вы фирмы.

— Универмаг «Дрисколл», отдел пальто и костюмов, город Талса.

— Прошу прощения, — покачал головой мужчина, — но для вас в зале место не предусмотрено.

Неожиданно его лицо осветилось сердечной улыбкой. Я уж было подумал, что он смилуется над приезжей, но обнаружил, что улыбка предназначалась другой даме, худощавой особе с большими, торчащими, как у свиньи, ушами, которая также ехала со мной в лифте.

— Добрый день, мисс Диксон, — сказал улыбающийся мужчина. — Буквально минуту назад о вас спрашивал мистер Роупер.

Мисс Диксон равнодушно кивнула и зашла внутрь. Я аккуратно обошел толстуху из Талсы, которая тряслась от ярости, не в силах что-либо предпринять, и тихим, хорошо поставленным голосом сказал мужчине:

— Моя фамилия Гудвин. Ассоциация «Ткани

Британии». Я здесь по приглашению Синтии Нидер. Мне подождать тут, пока вы справитесь у нее?

Он окинул меня взглядом, но я даже глазом не моргнул. Бояться нечего. На мне был шерстяной костюм, сшитый у Бреслоу, и рубашка с галстуком под стать.

— В этом нет необходимости, — наконец заключил он и жестом пригласил меня в зал.

Внутри оказалось битком народу. У меня ушло несколько минут, чтобы отыскать свободное место поближе к сцене, откуда я разгляжу сигнал Синтии. Она должна была левой рукой сдвинуть прядь волос вправо.

Я не видел смысла излишне осторожничать, поэтому, прежде чем сесть, медленно огляделся, как будто искал вокруг знакомые лица. Людей в зале набралось почти две сотни. И я с удивлением обнаружил, что треть присутствующих — мужчины, хотя Синтия объяснила, что на показ соберутся не только оптовики со всей страны, но и директора магазинов и отделов, президенты, вице-президенты, журналисты, пишущие о моде, торговцы тканями и прочая публика.

Ни одного бородача я не заметил.

Прежде чем опуститься на сиденье, я взял с

него блокнот и карандаш. На каждом листе блокнота в верхнем углу было отпечатано: ДОМЕРИ И НИДЕР и адрес компании. Кинув взгляд на соседей, я понял, что должен записывать туда номера моделей, которые собираюсь приобрести.

Справа от меня сидела полная седовласая дама; по ее шее, сразу под ухом, текла капелька пота. Слева расположилась привлекательная женщина с очаровательным ротиком. Она была довольно молода, но для меня все же старовата. И та и другая лишь скользнули по мне равнодушными взглядами.

Все обшитые деревянными панелями стены высокого зала были сплошь покрыты эскизами и фотографиями. Помимо них и нас, сидящих в креслах, ничего примечательного тут не наблюдалось, за исключением высокого подиума в пространстве между стеной позади него и первым рядом кресел. В стене виднелись две двери, отстоявшие друг от друга на двадцать футов. Через одну-две минуты после того, как я опустился в кресло, левая дверь отворилась и вышла женщина. По возрасту она годилась мне в матери, но и только. Моя мать и за год не израсходует столько помады, сколько было на губах женщины. Кроме того, моя матушка никогда бы не согласилась на

такие внушительные плечики, чего бы там ни требовала высокая мода.

Дама на мгновение застыла, обводя присутствующих взглядом, затем повернулась и дала знак кому-то невидимому за дверью. Затем она прикрыла дверь и направилась к креслу в конце первого ряда, по-видимому оставленному специально для нее. Не успела она сесть, как дверь снова открылась и вышла девушка, на которой я не задумываясь женился бы. Я аж зубы стиснул, чтобы не присвистнуть. Поначалу мне показалось, что мои чувства разделяют все присутствующие на показе мужчины, поскольку зал замер в напряжении. Только потом до меня дошло, что заставило напрячься оптовиков. Им предстояло сделать ставку: либо пан, либо пропал. На кону стоял их бизнес. Они должны были выбрать из множества моделей, вложить в закупки многие тысячи долларов и не промахнуться, решая, что будет пользоваться популярностью у покупателей, а что — нет.

Любой, будь он даже слеп на один глаз, остановил бы выбор на этой девушке, но тут выбирали не девиц. Манекенщица взошла на подиум, приблизилась к переднему краю, широко развела руки в стороны и произнесла ясным, привет-

ливым голосом: «Шесть-сорок-два». Модель шесть-сорок-два представляла собой ансамбль из платья и пальто, вроде бы шерстяных. Да, пожалуй, это была шерсть. Цвет я назвать затрудняюсь — такого оттенка бывают кленовые листья в октябре. Девушка старательно демонстрировала свой наряд. Прошлась в одну сторону, потом в другую, несколько раз взмахнула руками, будто желая доказать, что швы выдержат, даже если она ввяжется в драку или займется сбором падалицы в саду. Затем повернулась спиной к публике, чтобы продемонстрировать, как одежда сидит на ней сзади. В общей сложности она повторила номер модели раза четыре через равные промежутки времени, четко и любезно. Произносила его так, словно сообщала некую тайну своим закадычным друзьям, в которых души не чаяла. Когда же манекенщица сняла пальто, перекинула его через руку и, вздернув подбородок, улыбнулась зрителям в заднем ряду, кое-кто даже зааплодировал.

Она скрылась за правой дверью, и тут же отворилась левая, выпустив еще одно прелестное создание, на котором я тоже не раздумывая женился бы. Эта была блондинкой, в серой меховой накидке, отороченной ярко-красным. «Три-во-

семьдесят и четыре-девятнадцать».

Прислушавшись к шепоту соседей, я уяснил, что 380 — номер накидки, а 419 — красного вечернего платья, которое девушка продемонстрировала, сняв накидку. Сверху спереди платье было довольно простеньким, прикрывая все, что нужно, а сзади оказалось еще проще — начиналось только от талии, целиком оголяя спину. Сидевшая справа от меня дама прошептала своей соседке: «Черт подери, у меня как раз есть клиентка, которая бы такое платье с руками оторвала, вот только я не рискну ей его продать!»

Хочу сразу же кое-что прояснить. За весь показ перед нами предстало шесть девушек, считая вместе с Синтией Нидер, и я не задумываясь женился бы на каждой. А почему нет? Каждая продемонстрировала около дюжины нарядов. Кто-то из этих прелестниц появлялся на сцене реже, кто-то — чаще. Под конец я был настолько ошеломлен и обескуражен, что просто не знал, как поступил бы на месте оптовиков, которым приходилось выбирать модели. Скорее всего, купил бы все.

Вечером, доложив Вулфу о том, что поездка прошла впустую, я принялся рассуждать:

— Только подумайте, что было бы, женись я на

всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру попросторнее. Где-нибудь между Пятой и Мэдисон-авеню, в районе Шестидесятых улиц. Представьте себе: очаровательный осенний вечер. Я сижу в гостиной и читаю газету. Потом отбрасываю газету в сторону и хлопаю в ладоши. Заходит Изабель. На ней кухонный передник до середины икры с двойным подолом. В руках кувшин с молоком и тарелка сэндвичей с ветчиной. Она соблазнительно произносит: «Два-девяносто-три» — и грациозным движением ставит на стол рядом со мной тарелку и кувшин, не проливая ни капли, а затем удаляется. Появляется Франсина. На ней обтягивающая пижама: верх с накладными плечиками и штаны с заниженной талией. Она, кружась, приближается ко мне и четыре раза повторяет: «Девять-тридцать-один», потом прикуривает мне сигарету и, танцуя, уходит. Наступает очередь Делии. На ней стильный бюстгальтер из кружева ручной работы с выступающими…

— Пф! — резко произнес Вулф. — А потом заходит еще одна, нагая. В руках у нее корзина со счетами, твоя чековая книжка и ручка.

Что тут поделаешь? К прекрасному полу Вулф относится предвзято.

Однако вернемся к показу. Он длился больше двух часов и, судя по аплодисментам, прошел весьма успешно. По всей видимости, дела «Домери и Нидер» и дальше будут идти в гору. На мой взгляд, звездой показа стала Синтия, в чем со мной были склонны согласиться остальные присутствующие. Ее наряды срывали настоящую овацию, в которую, не скрою, вносил немалую лепту и я. Как гость Синтии, я считал своим долгом от души хлопать именно ей. Из комментариев соседки справа, дамы явно осведомленной, я узнал, что все демонстрируемые наряды Синтия придумала сама. Прочие туалеты создал Уорд Роупер, в прошлом помощник Пола Нидера. По словам авторитетной дамы справа, Уорд был хорошим имитатором, но не более того.

Тем же вечером я все в подробностях изложил Вулфу. Сделал это по нескольким причинам. Во-первых, знал, что ему будет скучно, а мне хотелось его позлить. Во-вторых, желал показать, что не спал во время показа, хотя толку от этого — кот наплакал.

Поскольку результатов от моей поездки было негусто, сперва я изложил их на одном дыхании:

— Следуя указаниям Синтии, я проник в зал, нашел себе место в пятом ряду, окинул взглядом

посетителей, числом около двухсот, однако ни одного бородача не увидел. Затем я сел. Мисс Нидер выходила на сцену четырнадцать раз. Условного знака так и не подала. Когда она появилась после окончания показа, ее тут же окружила толпа. Опять же согласно инструкциям, я не стал пробиваться к ней. Спустился вниз, сел в машину, сказал Солу, что на сегодня у нас больше нет дел, и сунул Хербу Арансону десятку.

— Что дальше? — проворчал Вулф.

— Дальше надо думать, а это уже ваш удел. Мы не вправе пойти против воли клиента и поставить на уши полицию. Можем обратиться к частным сыскным агентствам, чтобы они прочесали город. Или попытать счастья на очередном показе для оптовиков, который, как вы знаете, состоится в четверг в десять часов утра. Или же вспомнить, что именно мисс Нидер говорила о личных бумагах дяди.

— Она даже не уверена, существуют ли эти бумаги, — устало отозвался Вулф. — По ее предположению, если они и были, их забрал и спрятал Джин Домери, а теперь в них вцепился мертвой хваткой его племянник Бернард. При всем том она считает, что способна их отыскать.

— Прекрасно. Значит, вы признаёте, что она

способна думать. Почему бы вам тоже не пораскинуть мозгами? Пока вы только возражаете, а думать отказываетесь. Вы подумайте.

Этот разговор состоялся у нас перед обедом. Если Вулф после нашей беседы все-таки решил пораскинуть мозгами, то тщательно это скрывал. Покончив с едой, он вернулся в кабинет и засел за книгу. Ну разве не отвратительно? Как-никак нам поручили расследование.

Вот тогда-то я, дабы сохранить лицо, стал подробно рассказывать о показе в «Домери и Нидер». По крайней мере, это мешало ему читать.

Изложение фактов заняло у меня около часа. Затем я перешел к комментариям: «Только подумайте, что было бы, женись я на всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру…» Впрочем, об этом я уже рассказал.

На следующее утро, во вторник, Вулф все так же бездельничал. Когда мы раскручиваем дело, он обычно, пока я завтракаю, дает мне задание, прежде чем отправиться в оранжерею, где с девяти до одиннадцати проводит время с Теодором и орхидеями, а тут ни словом не обмолвился. В одиннадцать утра Вулф спустился из оранжереи, зашел в кабинет, сел за стол, устроился поудобнее, позвонил Фрицу принести пива —

два коротких звонка — и снова взялся за книгу. Даже когда я показал ему чек от Синтии на две штуки баксов, полученный с утренней почтой, Вулф лишь равнодушно кивнул. Я возмущенно фыркнул и быстрым шагом направился на улицу. Чтобы заняться хоть чем-нибудь, я решил сходить в банк и положить деньги на наш счет. Вернувшись, я обнаружил, что Вулф по-прежнему поглощен чтением и приступил уже ко второй бутылке. Похоже, он все-таки решил отправить меня в четверг на очередной показ коллекции для оптовиков.

В час дня мы с Вулфом через прихожую прошли в расположенную напротив кабинета столовую, где Фриц подал на ланч куриную печенку с половинками жаренных в масле помидоров, украшенных рубленым сладким перцем и петрушкой, а потом рисовые лепешки с медом. Я не особенно налегал на печенку, поскольку очень уж люблю рисовые лепешки Фрица. Когда в дверь позвонили, я уминал пятую, а то и шестую.

Когда мы едим, дверь всегда открывает Фриц. Кстати сказать, Вулф является ярым противником атомных бомб — в первую очередь потому, что их взрыв может отвлечь людей от еды. Поскольку дверь в прихожую была открыта, я увидел, как

Фриц идет открывать. Мгновение спустя до меня донесся его голос. Он убеждал кого-то обождать в кабинете, пока Вулф не закончит с ланчем. Что ответил посетитель, я так и не услышал, но различил звуки приближающихся шагов. Мгновение спустя на пороге столовой показался мужчина, одних лет с Вулфом, крепко сбитый, мускулистый, краснолицый и очень злой.

Это был наш приятель — инспектор Кремер, возглавлявший отдел по расследованию убийств. Он подошел вплотную к столу и обратился к Вулфу:

— Здрасте! Извините, что помешал.

— Доброе утро, — учтиво приветствовал инспектора Вулф, для которого утро длится, пока после ланча не допит кофе. — Если вы еще не ели, могу предложить вам…

— Нет, спасибо. Я занят и тороплюсь. Вчера к вам приходила некая Синтия Нидер.

Вулф отправил в рот кусок рисовой лепешки. Боже милосердный, мелькнуло у меня в голове, никак нашу клиентку убили!

— Ну? — с напором произнес Кремер.

— Что «ну»? — резко ответил Вулф. — Вы констатировали факт. Какой реакции вы от меня ждете? Вообще-то, я ем.

— Хорошо. Значит, ее визит к вам — признанный факт. Что ей было нужно?

— Мистер Кремер, вам прекрасно известны мои привычки и правила, — произнес Вулф, сдерживая раздражение. — Я никогда не обсуждаю дела за столом. Я пригласил вас к столу. Вы отказались. Если вы обождете меня в кабинете…

Кремер грохнул кулаком по столу. Звякнула посуда. Я подумал, что Вулф запустит в инспектора кофейником — самым тяжелым из всего, что стояло под рукой. Увы, остаться за столом и насладиться этим зрелищем я не мог. В тот самый миг, когда Кремер хлопнул по столу, в дверь снова позвонили. Я решил, что на сей раз не могу доверить встречу посетителя Фрицу. Пройдя через прихожую к парадной двери, я заглянул в стекло с односторонней видимостью, и у меня словно гора с плеч свалилась. Наша клиентка была жива и вроде бы невредима. Именно она и застыла в ожидании на крыльце.

Распахнув дверь, я прижал палец к губам и прошептал: «Ни звука», краешком глаза приметив полицейскую машину, припаркованную у тротуара прямо напротив крыльца. За рулем сидел знакомый мне коп из убойного отдела, который не без интереса на нас поглядывал. Я помахал

ему рукой, знаком предложил Синтии войти, закрыл дверь и, взяв девушку под локоток, завел ее в сообщающуюся с кабинетом гостиную, окна которой выходили на улицу.

Она выглядела напуганной, всеми брошенной и замученной, но при этом решительной.

— У нас в столовой полицейский инспектор по фамилии Кремер. Расспрашивает о вас. Желаете с ним увидеться?

Синтия ахнула и посмотрела на меня так, словно силилась вспомнить, кто я такой.

— Я с ним уже виделась. — Она огляделась, заметила кресло, подошла к нему и села. — Они мне… Они допрашивали меня… Несколько часов…

— Зачем? Что случилось?

— Мой дядя… — Она подалась вперед и закрыла лицо руками, но потом посмотрела на меня и произнесла: — Я хочу видеть Ниро Вулфа. — Затем снова уткнула лицо в ладони.

Я понял, что Синтия еще не скоро будет в состоянии связно разговаривать, поэтому сказал:

— Оставайтесь здесь. Сидите тихо. Стены тут звуконепроницаемые, но шума поднимать все равно не стоит.

Вернувшись в столовую, я обнаружил кофейник на прежнем месте, однако битва была в самом

разгаре. Вулф стоял, оцепеневший от ярости.

— Нет, сэр, — произнес он своим самым ледяным тоном, — я не закончил «жрать», как вы изволили выразиться. Я бы с удовольствием съел еще две лепешки и выпил кофе. Но вы вломились в мой дом и помешали мне завершить ланч. Не будь вы представителем закона, мистер Гудвин живо вышиб бы из вас дух и вышвырнул вон.

Вулф пришел в движение, протопал к двери, пересек прихожую и проследовал в кабинет. К тому моменту, когда Кремер опустился в красное кожаное кресло, Вулф уже сидел за столом и шумно сопел, поджав губы.

— Ладно, замнем для ясности, — хрипло произнес Кремер, пытаясь помириться, но Вулф не проронил ни слова. — Я всего-навсего хочу узнать, зачем к вам приходила Синтия Нидер. Вы имеете полное право поинтересоваться, зачем мне это нужно. Я бы и сам сказал, если бы вы не вышли из себя просто потому, что я заявился к вам, когда вы набивали брюхо. Произошло убийство. — (Вулф по-прежнему хранил молчание.) — Прошлым вечером. Между восемью часами вечера и полуночью. В офисе компании «Домери и Нидер», на двенадцатом этаже дома четыреста девяносто шесть по Седьмой авеню. Минувшим

вечером Синтия Нидер находилась в офисе между девятью и половиной десятого — она сама в этом призналась. Насколько нам известно, больше в конторе никого не было. Она заявила, что пришла за эскизами. Однако у нее концы с концами не сходятся. Тело обнаружили сегодня утром на полу посреди офиса. Жертву ударили по затылку деревянной палкой, которую используют, чтобы поднять или опустить оконную раму. Латунный крюк, сидящий на конце палки, с десяток раз вогнали в лицо погибшего — его гарпунили, как рыбу.

Вулф прикрыл глаза. Я же решил поддержать Кремера: как-никак начальник убойного отдела, получает жалованье за расследование убийств и к делу своему подходит ответственно.

— И кого же убили? — дружелюбно осведомился я.

— Не опознан никем, — язвительно произнес он без тени ответного дружелюбия. — Совершенно никому не знаком. Документов у него при себе не было. — Он замолчал и вдруг гаркнул: — А вдруг ты его знаешь?

— С какой стати? Может, вы его опишете?

— Мужчина, телосложение среднее, около сорока лет, каштановая борода, шатен, волосы

зачесаны на левый пробор, в очках, но стекла в них простые. Знаешь такого?

Мне показалось весьма занятным, что описание Кремера во многом совпало с приметами, упомянутыми Синтией. Вот что значит изменить внешность до неузнаваемости!

Глава 5

Вулф по-прежнему хранил молчание.

— Извините, — ответил я. — Ни разу в жизни такого не встречал.

Кремер оставил меня в покое и переключился на Вулфа.

— Вы, наверное, согласитесь, что в сложившихся обстоятельствах, — продолжил он все тем же язвительным тоном, — у меня есть право знать, зачем к вам приходила мисс Нидер. Она соврала нам дважды, прежде чем созналась, что прошлым утром была у вас. Всеми правдами и неправдами пыталась это скрыть и наотрез отказалась рассказывать, зачем просила вас о встрече. Добавьте к этому тот факт, что всякий раз, когда вы имеете хотя бы отдаленное отношение к человеку, который, в свою очередь, имеет отдаленное отношение к убийству, всегда оказывается так, что вы знаете всё. Так стоит ли объяснять, почему мне так важно услышать, зачем она к вам обратилась? Я приехал расспросить вас об этом лично, потому как прекрасно знаю, что вы за человек.

Наконец Вулф нарушил обет молчания:

— Мисс Нидер под арестом?

Кремер собрался ответить, но тут зазвонил телефон. Я снял трубку. К аппарату попросили инспектора. Он подошел к моему столу и стал говорить, точнее, слушать. В основном что-то невнятно бурчал и лишь один раз переспросил: «Что, здесь?» Тон его голоса мне не понравился. Я начал рассуждать и достаточно быстро, благодаря элементарной логике, пришел к неутешительному выводу.

Когда Кремер повесил трубку, я, не дав ему и рта раскрыть, обратился к Вулфу:

— Отвечая на ваш вопрос, спешу сообщить, что она не под арестом. Полицейским пришлось ее отпустить. У них нет на нее ничего серьезного. Они сели ей на хвост. И вот сейчас мистеру Кремеру сообщили, что она у нас. Она действительно здесь — сидит в гостиной. Я отправил ее туда и велел ждать, поскольку знаю, что вы очень не любите, когда вас отвлекают от еды. Мне привести мисс Нидер?

Кремер вернулся к красному кожаному креслу, сел и бросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Маленький заносчивый ублюдок!

Я пропустил его слова мимо ушей, посчитав, что не могу отнести к себе оскорбление. Судите сами: во мне почти шесть футов роста, а вешу я

сто восемьдесят фунтов. Маленьким меня никак не назовешь.

Тем временем Кремер повернулся к Вулфу:

— Интересное получается дельце. Стоило нам ее отпустить, как она тут же кинулась сюда. Теперь понимаете, отчего я так сильно хочу узнать, зачем она вчера приходила к вам?

— Арчи, — обратился ко мне Вулф, — ты говоришь, мисс Нидер сейчас в гостиной?

— Да, сэр.

— Это она звонила в дверь, когда мистер Кремер колотил по столу, стараясь стряхнуть с него посуду?

— Да, сэр.

— Что она сказала?

— Что хочет вас видеть, а больше ничего. Ее допрашивали несколько часов. И она устала молоть языком.

— Веди ее сюда.

Кремер начал было возражать, но я не стал его слушать. Подошел к двери в гостиную, звуконепроницаемой, как и стена, открыл ее и вежливо произнес, так чтобы слышали все:

— Вас спрашивает инспектор Кремер. Вы не могли бы к нам зайти?

Синтия встала, замялась, но, взяв себя в руки,

перешла в кабинет. Я поставил для нее напротив Вулфа одно из желтых кресел — поближе к себе и подальше от Кремера. Синтия удостоила меня кивком, села, посмотрела Кремеру прямо в глаза, перевела взгляд на Вулфа и сглотнула.

Вулф, нахмурившись, смежил веки, так что между ними остались лишь узенькие щелочки, и посмотрел на нашу гостью.

— Мисс Нидер, — угрюмо произнес он, — я работаю на вас. Вы внесли аванс. Вы подтверждаете мои слова?

Она кивнула, на секунду задумалась, стоит ли ей говорить, и в итоге сказала:

— Да, конечно.

— В таком случае для начала дам вам несколько советов. Полиция имела право вас задержать как важную свидетельницу, и в этом случае вы могли выйти на свободу только под залог. Однако этого делать не стали. Вам подарили иллюзию свободы, чтобы пустить следом хвост. Впрочем, если в какой-то момент вам понадобится куда-нибудь съездить незаметно для полицейских, в этом нет ничего сложного. Мистер Гудвин — мастер уходить от слежки. Он объяснит вам, как это делается.

Слова Вулфа не произвели на Кремера особо-

го впечатления. Инспектор вытащил сигару и стал катать ее между ладонями. Никогда не мог уразуметь, зачем он это делает. Обычно сигару разминают, чтобы она лучше раскуривалась, но инспектор почти никогда ее не закуривал, предпочитая просто жевать.

— Насколько я понимаю, — продолжил Вулф, — мистер Кремер и его сотрудники заставили вас признать, что вчера вы приходили ко мне. Однако вы отказались объяснить им, что послужило причиной вашего визита. Это так?

— Да.

— Хорошо. Очень разумно с вашей стороны. Вас подозревают в убийстве, поэтому пока не спешите разглашать свои маленькие секреты. У всех нас есть тайны, которые мы раскрываем, лишь когда не остается другого выхода. Однако мое положение сильно отличается от вашего. Я не адвокат, а потому сведения, которые вчера вы сообщили мне, увы, не защищены правом на конфиденциальность. В силу профессии я вынужден поддерживать хорошие или по меньшей мере сносные отношения с полицией, иначе лишусь лицензии частного детектива. Я не могу пойти на открытый конфликт с полицейским инспектором. Кроме того, я уважаю мистера

Кремера. Более того, я восхищаюсь им и хочу ему помочь. Все это я говорю вам для того, чтобы вы правильно поняли мои дальнейшие действия. — Синтия открыла было рот, но Вулф выставил вперед ладонь, останавливая ее, и девушка не проронила ни слова, затем он обратился к Кремеру: — Поскольку целая армия ваших сотрудников вот уже несколько часов усиленно ведет розыск, думаю, вы успели выяснить, что вчера мистер Гудвин присутствовал на показе осенней коллекции «Домери и Нидер».

— Да, я в курсе.

— Но не сочли нужным об этом упомянуть.

— Просто не успел.

— Решили попридержать эти сведения в резерве? — улыбнулся Вулф; более гадкой улыбки на его лице я еще не видел. — Итак, вы слышали, что минуту назад я сказал мисс Нидер. Она приходила ко мне вчера утром, чтобы посоветоваться насчет своего дяди.

— Вот как? Какого еще дяди?

— Мистера Пола Нидера. Его нет в живых. Мисс Нидер унаследовала его половину компании. Если вы покопаетесь в старых газетах, то узнаете, что чуть больше года назад он покончил с собой, прыгнув в один из гейзеров Йеллоустонского пар-

ка. Мисс Нидер рассказала мне не только об этом, но и о многом другом: текущем положении дел в компании, ее теперешнем статусе, смерти дядиного компаньона и его супруги, ну и так далее. Я не запомнил всего того, что она мне говорила, да и не ставил перед собой подобной цели. По сути дела, она вывалила на меня мешанину фактов, которые ваши сотрудники с легкостью могут извлечь из других источников. Однако я пришел к некоторому заключению. И это, пожалуй, единственное, что может вам помочь. Я пришел к выводу, что мисс Нидер сама толкнула дядю в гейзер. Это она убила его. Потом испугалась, что ее выведут на чистую воду, и пришла ко мне в надежде, что я помогу ей выйти сухой из воды.

— Да что вы такое… — Синтия просто не находила слов. — Вы…

— Закройте рот! — резко оборвал ее Вулф и повернулся ко мне. — Арчи, у тебя сложилось аналогичное впечатление?

— Именно, — уверенно произнес я.

Синтия прекрасно владела собой. Она закрыла рот, как ей и велели. Если бы Кремер не глядел на нас так пристально, я бы рискнул ей подмигнуть или хотя бы ободрить взглядом.

— Спасибо, что поделились своими выводами,

— проворчал Кремер. — Она призналась в этом сама? Сама сказала, что убила своего дядю?

— Ну что вы! Нет, конечно.

— Чего именно она хотела от вас?

Вулф расплылся во все той же гадкой улыбке:

— В этом-то вся и суть. Именно потому я и пришел к выводу, что дядю убила она. Она толком не удосужилась объяснить, чего ей от меня надо. Так что я не могу ответить на ваш вопрос.

— В таком случае скажите, какое задание вы дали Гудвину, когда отправили его на показ осенней коллекции в «Домери и Нидер»?

Вулф нахмурился и повернулся ко мне:

— Ты не припоминаешь, Арчи?

— Как такое забудешь? — пришел я на помощь, причем с радостью. — Вы велели смотреть в оба, держать ушки на макушке, а после обо всем доложить вам. — Просияв, я глянул на Кремера. — Никакие танцовщицы с Багамских островов не сравнятся с красотками, которых я видел. Только представьте: вы сидите в кресле и смотрите, как на подиум одна за другой поднимаются шесть очаровательных…

— Черт подери, вы лжете! — прохрипел Кремер.

Вулф едва заметно, на одну восьмую дюйма,

поднял подбородок.

— Мистер Кремер, — холодно произнес он, — я устал. Коль скоро вы уже здесь, мистер Гудвин не может вышвырнуть вас за дверь. Однако нам никто не помешает оставить вас здесь, а самим подняться наверх. Вы не хуже меня знаете, что полицейское удостоверение не дает вам права на всевластие и произвол. — Вулф отодвинулся с креслом от стола и встал. — Вы утверждаете, что я лгу. Докажите это. Вспомните базарный скандал, который вы закатили в моей столовой. Да я и за меньшее стал бы вам врать днем и ночью. Теперь относительно убийства бородача. Какое я имею к нему отношение? А мистер Гудвин? Ха! Попробуйте увяжите нас с этим преступлением, если сможете. Если же вы, окончательно потеряв голову, решите нас задержать как главных свидетелей, мы преподадим вам несколько уроков изворотливости и лжи. И не думайте, что мы попросим выпустить нас под залог. Мы утрем вам нос habeas corpus ad subjiciendum[1] так, что вообще свернем его напрочь! — Вулф перевел взгляд

[1] Сноски: 1

Ты должен доставить в суд личность заключенного*(лат.).* В английском уголовно-процессуальном праве судебный приказ о доставлении в суд лица, содержащегося под стражей, для выяснения правомерности содержания его под стражей.

на нас. — Пойдемте, мисс Нидер. Идем, Арчи.

Обогнув красное кожаное кресло, Вулф направился к двери в прихожую. Я поспешил за ним, по дороге подхватив под локоть Синтию. Мне представлялось, что наш путь лежит в оранжерею, расположенную на крыше.

Когда мы вышли в прихожую, я стал гадать, поместимся ли мы втроем в персональный лифт Вулфа, не уронив при этом достоинства. Однако мне так и не удалось это выяснить.

Я уже раскрыл рот, желая сказать Вулфу, что мы с Синтией поднимемся по лестнице, но тут мимо нас пронесся Кремер. Не удостоив нашу компанию взглядом, он направился к выходу, рывком открыл дверь, выскочил на крыльцо и с грохотом захлопнул ее за собой.

Я подошел к двери и запер ее на цепочку. Теперь, если явится посетитель, будем общаться с ним через щель шириной в два дюйма. Вполне достаточно, чтобы просунуть бумаги, если он принесет их с собой.

Вулф отвел нас обратно в кабинет, жестом предложил сесть, после чего строго спросил Синтию:

— Так это вы убили его?

Девушка посмотрела ему в глаза и сглотнула. Затем она понурила голову и прикрыла лицо

руками. Плечи у Синтии затряслись, и она зарыдала.

Глава 6

Это было ужасно. Кроме прерванной трапезы, лишь одна-единственная вещь могла столь же сокрушительно и бесповоротно лишить Вулфа душевного равновесия — женский плач. И если первое приводило его в ярость, то второе повергало в панику.

— Она сейчас успокоится, — попытался я приободрить шефа. — На нее просто слишком много…

— Сделай так, чтобы она перестала реветь, — в отчаянии прошептал он.

Я подошел к Синтии, силой развел руки, которыми она прикрывала лицо, взял за подбородок и впился поцелуем ей в губы. Девушка рванулась в сторону, оттолкнула меня и воскликнула:

— Что, черт подери, вы делаете?!

Гнев и возмущение гораздо лучше слез. Я повернулся к Вулфу и с укоризной изрек:

— Ее нельзя винить. Думаю, дело тут не в страхе или в отчаянии. Скорее всего, она просто голодна. Бьюсь об заклад, у нее маковой росинки во рту не было с самого завтрака.

— Боже всемогущий! — вытаращил глаза Вулф.

— Мисс Нидер, это правда? Вы что, с тех пор ничего не ели?

Она покачала головой:

— Они продержали меня все утро… А потом, когда отпустили, я хотела как можно быстрее добраться до вас…

Вулф уже надавил на кнопку. Поскольку дверь кухни отделяло от кабинета всего пять шагов, через несколько мгновений на пороге стоял Фриц.

— Живо подай сэндвичи и пиво, — велел Вулф. — Вы хотите пива, мисс Нидер?

— Вам совершенно не обязательно меня кормить.

— Вздор! Пиво? Красное вино? Молоко? Бренди?

— Скотч с водой. Скотч вполне подойдет.

В результате нам пришлось прерваться минут на двадцать, а то и больше. Вулф весьма трепетно относится не только к своим трапезам. Когда Фриц принес поднос, Синтия сразу же взяла стакан со скотчем, а вот когда дело дошло до сэндвичей, засмущалась. Нам с Вулфом пришлось ее уговаривать. Впрочем, стоило ей только попробовать домашний паштет, как всякая надобность в уговорах отпала. Чтобы девушка спокойно поела, Вулф, желая создать непринужденную атмосфе-

ру, завел со мной неспешный разговор о записях прорастания сеянцев орхидей. О Кремере даже не заикался — уж слишком свежи были воспоминания Синтии об инспекторе. Когда она покончила с сэндвичами, я убрал поднос на стол рядом с большим глобусом, оставив девушке стакан со скотчем, после чего сел на свое место.

— Ну как? Вам лучше? — спросил Вулф, настороженно глядя на Синтию.

— Да, гораздо лучше. Похоже, я и в самом деле была очень голодна.

— Хорошо. — Вулф откинулся на спинку кресла и вздохнул. — Итак, стоило полиции вас отпустить, как вы тут же направились ко мне. Значит ли это, что вам нужна моя помощь в этих новых обстоятельствах?

— Конечно нужна. Я хочу…

— Прошу меня извинить, но дело пойдет гораздо быстрее, если разговор буду вести я. Мистер Кремер вполне способен направить сюда своих сотрудников с ордером, поэтому давайте будем лаконичными. Прежде чем мы двинемся дальше, я хочу получить ответы на несколько вопросов. Итак, во-первых: это вы убили того человека? Адвокаты сотрудничают с убийцами и прекрасно с этим справляются. Однако я не адвокат. А кроме

того, я гнушаюсь брать деньги с убийц. Так это вы его убили?

— Нет. Я хочу…

— Мне достаточно одного «нет». Если это правда. Вы говорите правду?

— Да. Я не убивала его.

— В силу ряда причин я склонен вам поверить. Вот, например, если бы вы не смогли сейчас есть… Впрочем, не будем пока на этом останавливаться, — оборвал себя Вулф и перевел взгляд на меня. — Как думаешь, Арчи, мисс Нидер — убийца?

Я посмотрел на нее, поджав губы. Наши глаза встретились. Не буду отрицать, девушка выглядела какой-то взъерошенной и неухоженной, лишь отдаленно напоминая ту красавицу, которая всего сутки назад вышагивала по подиуму в бальном платье из тонкой швейцарской кисеи с оборками на плечах. Она явно угодила в передрягу, но вряд ли кого-то убивала.

— Нет, сэр, — покачав головой, сказал я Вулфу. — Доказательств у меня нет, но я голосую против. По тем же причинам, что и вы. Кроме того, добавлю, что едва ли смог бы прервать поток ее слез поцелуем, если бы она с десяток раз всадила крюк в лицо бедолаги. Нет, ни за что на свете.

— Тогда с этим все ясно, — кивнул Вулф. —

Итак, она никого не убивала. Конечно, в ходе расследования могут всплыть факты, неумолимо свидетельствующие об обратном. Что ж, в таком случае мы пожалеем о своем простодушии. Еще один вопрос, мисс Нидер: тот человек, которого вы видели неделю назад и приняли за дядю, и убитый — одно и то же лицо?

— Да, — отозвалась Синтия и тут же добавила: — Это дядя Пол. Я видела его. Я отправилась…

— Не торопитесь. В свое время мы доберемся и до этого. Поскольку, по крайней мере теоретически, я исхожу из того, что вами движут честные намерения, то допускаю, что ваш вчерашний рассказ не был пустой болтовней и вздором. Вчера вы сообщили, что неделю назад видели человека, которого приняли за дядю. Сейчас этого уже недостаточно. Мне требуется больше информации, и я надеюсь, что она у вас есть. Почему вы так уверены, что это ваш дядя?

— Да я просто сразу поняла, что это он, — уверенно ответила Синтия. — Может, сильно постаравшись, я бы сумела вам объяснить, как узнала его, но теперь в этом нет необходимости. Сейчас я уже могу доказать, что это был мой дядя. Я как раз пыталась вам рассказать. Помните, я говорила о личных бумагах дяди? Мол, их забрал

Джин Домери и теперь они у Бернарда. Прошлым вечером я отправилась их искать и увидела… Увидела на полу труп. Сами можете представить… — Замолчав, она сделала выразительный жест.

— Да, могу, — согласился Вулф, — продолжайте.

— Я заставила себя подойти поближе и осмотреть тело. Лицо человека было страшно обезображено, но борода и эти прилизанные волосы… Мне хотелось что-нибудь предпринять, но у меня сдавали нервы. Пришлось присесть, чтобы взять себя в руки. Теперь говорят, я провела там пятнадцать минут. Не думаю, что у меня ушло столько времени, чтобы собраться с духом… Впрочем, может, полицейские и правы. Одним словом, я подошла к телу, задрала штанину на правой ноге и стянула носок. Я нашла то, что искала: два маленьких шрама примерно в четырех дюймах над щиколоткой. Эти шрамы мне знакомы. Дядю однажды покусала собака. Я их внимательно осмотрела. Затем вынуждена была снова присесть… — Она умолкла с открытым ртом. — Ах вот оно что! — неожиданно воскликнула девушка. — Теперь я понимаю, как набежало пятнадцать минут! Я совсем забыла о том, что присела во второй раз…

— Затем вы ушли? Что вы делали дальше?

— Вернулась к себе домой и позвонила мистеру Демаресту. Я не…

— Кто такой мистер Демарест?

— Он адвокат. Друг дяди Пола, его душеприказчик. Я не стала ему говорить о том, что на прошлой неделе видела дядю, поскольку не имела ни малейших доказательств. Решила сперва отыскать дядю, поговорить с ним, потому и обратилась за помощью к вам. Однако когда я вернулась домой, то сочла, что мне остается одно: позвонить мистеру Демаресту. Так я и сделала. Но мне сказали, что он вышел…

— Черт подери! — громыхнул Вулф. — Почему вы не позвонили мне?

— Ну… — Синтия затравленно посмотрела на него. — Я же вас совсем не знаю… Во всяком случае, знаю не настолько хорошо, чтобы обращаться к вам в подобной ситуации. Откуда мне было знать, во что вы поверите, а во что нет?

— Ну-ну, — язвительно отозвался Вулф, — то есть вы решили утаить от меня случившееся, даже не подумав, что я могу заглянуть в газету и прочесть об убийстве. И что насчет адвоката? Он готов защищать вас в суде?

Девушка покачала головой:

— Мне так и не удалось с ним поговорить. Я перезвонила ему в половине двенадцатого ночи. Думала, что в столь поздний час он уже точно дома. А его все еще не было. Понимаете, я находилась в таком состоянии, что мне даже в голову не пришло оставить сообщение с просьбой перезвонить. Я хотела перезвонить ему в полночь, а пока прилегла на диванчик и, хоть в это трудно поверить, уснула. Когда я проснулась, на часах было почти семь утра. Я все хорошенько обдумала еще раз и решила никому ничего не говорить. Когда наступает сезон показов, в здании после рабочего дня вертится много посторонних. Я понадеялась, что люди, ехавшие со мной в лифте, меня не запомнят. Кроме того, охрана хорошо меня знает и я, забежав в офис, не стала расписываться в книге. У нас с этим вообще не очень строго. Правда, я очень глупо поступила? — (В ответ Вулф глухо застонал.) — Само собой разумеется, наутро я должна была как ни в чем не бывало явиться на работу. Это далось мне непросто, но я справилась. Когда я пришла в офис, туда уже набилась куча народу: полицейские, сыщики… Не прошло и трех минут, как меня увели в костюмерную на допрос. Я как последняя дура соврала им, что прошлым вечером не заходила в офис, а они

уже знали, что я там была. — Синтия всплеснула руками. — Когда меня отпустили, я позвонила мистеру Демаресту в офис, но мне сказали, что он ушел на ланч. Тогда я поехала к вам.

Глава 7

Вулф громко и очень глубоко вдохнул.

— Ну что ж… — произнес он, открыв и снова полуприкрыв глаза. — Вы говорите, что вам нужна моя помощь в этих новых обстоятельствах. И чего же вы хотите? Чтобы я отвел от вас приговор за убийство?

— Приговор? За убийство? — вытаращила глаза Синтия. — За убийство собственного дяди? Я бы ни за что… — У нее снова задрожал подбородок.

— Сбавьте обороты! — зарычал я на Вулфа. — Или вы хотите, чтобы я снова полез к ней с поцелуями? Она не плакса. Это вы перегибаете со своей прямолинейностью. Используйте эвфемизмы. Образную речь.

— Она ведь еще не проголодалась? — раздраженно предположил Вулф, но все же пошел на попятную. — Мисс Нидер, если вы подыскиваете человека, который бы защищал вас в суде, и ничего другого вам не нужно, наймите адвоката. Я на эту роль не гожусь. Если же вы хотите изловить убийцу своего дяди и сомневаетесь, что с этим делом справится полиция, то я к вашим услугам. Так кто же вам нужен — адвокат или я?

— Вы, — ответила Синтия; ее подбородок уже перестал дрожать.

Вулф одобрительно кивнул в знак того, что она приняла здравое решение.

— Тогда мы знаем, что делаем. — Он кинул взгляд на стену, где висели часы. — Через двадцать минут мне надо будет идти в оранжерею, где я ежедневно работаю с орхидеями с четырех до шести. Пока главный вопрос заключается в следующем: кто знает, что убитый — Пол Нидер? Кому это известно, кроме вас?

— Никому, — уверенно произнесла девушка.

— То есть в вашем присутствии никто ни словом, ни жестом не выдал, что знает убитого или хотя бы подозревает, что убитый — мистер Нидер?

— Никто. Все сказали, что никогда его раньше не видели и не имеют ни малейшего понятия, кто это и каким образом он проник в офис. Конечно… его лицо было в таком состоянии, что… как догадаешься…

— Разумеется. Однако мы будем исходить из того, что убийца знал, кто его жертва. Надо быть полным ослом, чтобы полагать иное. Также предположим, что убийца уверен: никто, кроме него, не знал о воскрешении вашего дяди. Таким

образом, у нас преимущество. Вы уверены, что никоим образом не выдали себя, когда на прошлой неделе увидели вашего дядю?

— Да, уверена.

— Прекрасно. Это тоже будет нашим преимуществом. Однако обратите внимание на следующий момент: если тело предадут земле неопознанным, вам, возможно, придется еще долго ждать вступления в права наследства. Более того, вы не сможете заявить свои права на тело и устроить подобающие похороны. Вдобавок не исключено, что от полицейских будет больше толку, если открыть им личность убитого.

— А они мне поверят?.. Смогут держать все в тайне, пока не поймают убийцу?

— Возможно, но я бы на это не рассчитывал. Не исключено, им взбредет в голову, что вы убили дядю ради его доли в компании. В этом случае друзей и знакомых попросят опознать тело. В частности, за этим наверняка обратятся к мистеру Демаресту. Это и есть одна из причин, по которым я не хочу ничего рассказывать полиции. Другая причина — сегодняшнее поведение мистера Кремера. После того, что он тут устроил, я вообще ничего не собираюсь ему рассказывать. Но вас я останавливать не буду. Вы хотите пове-

дать все инспектору?

— Нет.

— Ну и не надо. А сейчас… — Вулф посмотрел на часы. — Вы можете предположить, кто убил вашего дядю?

— С чего бы?! Конечно же нет.

— Что, вообще никаких версий?

— Нет!

— Сколько человек работает в офисе?

— Около двухсот.

Вулф фыркнул и нахмурился:

— Кто-нибудь из них мог проникнуть в офис после окончания рабочего дня?

— Без ключа — исключено. Вплоть до первого показа для прессы и даже до первого показа оптовикам в офисе каждый вечер оставалось немало народу — подготовка шла в авральном порядке. В остальное время после работы никто не задерживается. Именно поэтому я вчера вечером отправилась на поиски бумаг.

— И что же, вчера вечером никто не работал?

— Нет, не было ни единой живой души.

— У кого есть ключи от офиса?

— Дайте подумать, — сосредоточенно произнесла она. — У меня. У Бернарда Домери… У Полли Зареллы… У Роупера. Вот и все. Хотя нет, еще есть

у мистера Демареста. Как душеприказчик дяди, он присматривает за его долей бизнеса.

— Кто открывает офис утром и закрывает вечером?

— Полли Зарелла. Вот уже долгие годы это ее обязанность. Так уже было заведено, когда я пришла в компанию.

— Таким образом, всего имеется пять ключей?

— Да, их всего пять.

— Ну и как прикажете доверять вашим словам? — фыркнул Вулф. — Я сам могу назвать еще двух человек, располагавших ключами. А вы о них не упомянули. Что, у вашего дяди не было ключа? Скорее всего, прошлым вечером он открыл офис именно своим ключом. А Джин Домери? Что, и у него ключа не было?

— Я говорила только о тех, кто имеет ключи теперь, — с оттенком возмущения ответила Синтия. — Разумеется, у дяди Пола был ключ. Про Джина Домери я ничего не знаю, но если в день гибели у него был при себе ключ, сейчас он покоится на дне океана. Если же Джин его с собой не взял, значит ключ у Бернарда.

— Итак, — кивнул Вулф, — мы знаем, что, не считая вас, ключами располагают как минимум четыре человека: мисс Зарелла, мистер Доме-

ри-младший, мистер Роупер и мистер Демарест. Вы можете собрать их здесь сегодня вечером в половине девятого?

— Как это — здесь? — вытаращила глаза Синтия.

— Так — здесь. У меня в кабинете.

— Боже милосердный! — воскликнула пораженная Синтия. — Но я же не могу приказать им явиться к вам. Я не могу попросить их помочь вывести на чистую воду убийцу моего дяди, потому что они не знают, что погибший — мой дядя! Кроме того, не забывайте, что все они… ну, кроме Бернарда… значительно старше и считают меня ребенком. Более того, даже Бернард на семь лет старше. Мне как-никак всего двадцать один год, да и тот еще толком не ис… О боже!

Она замерла как громом пораженная, словно кто-то пронзил ее крюком.

— Ну что еще? — с напором спросил Вулф.

— Завтра же мой день рождения! Завтра мне исполняется двадцать один.

— Ну и?.. — вежливо поинтересовался босс.

— Меня будут поздравлять! — воскликнула она.

— Возможно, — согласился Вулф. — Только в этом году он будет не особенно веселым.

— Поаккуратнее, — предупредил я его. — Это одна из самых важных дат в жизни девушки!

Вулф поспешно отодвинул кресло, встал и посмотрел на меня:

— Арчи, сегодня вечером мне бы хотелось встретиться с людьми, о которых мы сейчас говорили. Сойдет и шесть вечера, но я бы предпочел, чтобы они подошли после обеда, к половине девятого. Поезжай с мисс Нидер. Она подозревается в убийстве, обратилась ко мне за помощью, и потому у нее есть все основания ждать поддержки и понимания от указанных лиц. Как-никак ей принадлежит половина компании. Кроме того, один из тех, кого я хочу видеть, — ее компаньон, другой — адвокат, а двое остальных — наемные работники. Можно ли мечтать о большем?

Он вышел за дверь и направился к лифту.

Глава 8

Честно говоря, я подозревал, что уже успел перемолвиться парой слов с Бернардом Домери. Однако, как оказалось, я ошибался. Очевидно, совладельцы компаний на Седьмой авеню не подрабатывают швейцарами во время показов коллекций. Вопреки моим ожиданиям мужчина, придирчиво осмотревший меня с головы до ног, прежде чем пропустить в демонстрационный зал, и давший от ворот поворот даме из Талсы, не был Бернардом Домери. Того человека я так больше и не видел.

Расследуя убийство, управление полиции обычно идет на определенные уступки компаниям. В частности, позволяет им функционировать в обычном режиме. Колесики и шестеренки мира коммерции должны вращаться без остановки. Стопорить их можно только в самом крайнем случае.

Хотя с момента обнаружения трупа прошло всего восемь часов, единственным видимым напоминанием о случившемся служил курносый детектив, слонявшийся у входа в офис «Домери и Нидер». Эксперты собрали что могли и отбыли.

Когда мы приблизились к входу, узнавший меня детектив пристал с расспросами. Я любезно и с расстановкой объяснил, что работаю на Ниро Вулфа, а тот — на мисс Нидер. Насчет Кремера я не беспокоился. Он прекрасно знал, что, если откроет военные действия против Вулфа, тот исполнит свои угрозы. Более того, инспектор понимал, что повел себя как последний кретин, не дав Вулфу доесть две рисовые лепешки и выпить кофе. Вот если дело примет скверный оборот, допускал я, Кремер с отчаяния может взорваться и чего-нибудь натворить, но пока — сегодня и завтра — волноваться не стоит.

Посовещавшись, мы с Синтией решили начать с ее компаньона и уселись ждать Бернарда Домери у него в кабинете. Сам он пока был в демонстрационном зале — общался с клиентами. Раньше этот кабинет принадлежал его дяде Джину. Комната светлая и просторная, богатые ковры, дорогая мебель, эскизов и фотографий на стенах едва ли не больше, чем в зале.

— Беда в том, — нахмурившись, принялась объяснять Синтия, — что Бернард — человек крайне нерешительный. Это особенно заметно, когда нужно предпринять важный шаг. Такое впечатление, что он готов обращаться за советом

к астрологам и гадалкам. Зато потом, когда решение принято, его уже не свернуть с избранного пути. Он делается упрямым как осел. Когда требуется его согласие, я прибегаю к хитрости: веду себя так, словно речь идет о сущей безделице…

Дверь распахнулась, и на пороге показался мужчина. Закрыв за собой дверь, он подошел к девушке:

— Извини, Синтия, но я никак не мог прерваться. Беседовал с мисс Догерти из универмага «Буллокс-Уилшир». С ней явился Брэкетт. Она считает, что ты превзошла саму себя. Особенно она без ума от тех трех… Так… А это кто?

— Это мистер Гудвин, помощник Ниро Вулфа. Знакомьтесь. Мистер Гудвин, это мистер Домери.

Я встал и протянул руку. Бернард ее пожал.

— Какой Ниро Вулф? Частный детектив? — спросил он.

Я кивнул в знак согласия. Ликование по поводу интереса, проявленного мисс Догерти из «Буллокс-Уилшир» к продукции компании, тут же испарилось. Бернард посмотрел на Синтию, покачал головой, не адресуя ей это движение, и, вместо того чтобы сесть за стол, опустился в кресло для посетителей. Со слов Синтии мне было известно, что он на четыре года моложе меня,

Бернард и выглядел моложе. Да, мне не понравилось, как он просиял с порога, увидев Синтию. Вполне естественно, я узрел в нем соперника. При всем том я не мог отрицать, что Бернард хорошо сложен, изысканно одет и, более того, умеет носить дорогую одежду. Одним словом, не урод.

Так вот, ликование и восторги угасли.

— Ужасная история, — нахмурился он. — Но какое отношение к ней имеет Ниро Вулф?

— Я с ним встретилась и решила его нанять, — ответила Синтия.

— Зачем? С какой целью?

— Ну… согласись, мне же была нужна помощь. Верно? Вспомни, как со мной обошлась полиция. Они же знают, что вчера вечером, кроме меня, здесь никого не было. И как мне было поступить?

— Но это же чудовищная глупость! Ты имеешь право приходить сюда когда заблагорассудится!

— Хорошо, я с тобой согласна. Но пойми, они меня едва не арестовали.

— Тогда тебе нужен адвокат. Где Демарест? Это он тебя отправил к Вулфу?

Синтия покачала головой:

— Я еще не успела с ним встретиться, но собираюсь это сделать, как только…

— Черт подери, в первую очередь ты должна была обратиться к нему!

— Не трать понапрасну свое время, объясняя, что мне следует делать. Я с этим как-нибудь сама разберусь. Я пришла сюда, чтобы кое о чем тебя попросить.

Решив, что начало беседы получилось неважным, я поспешил вмешаться.

— Вы позволите присоединиться к вашему разговору? — любезно поинтересовался я.

Бернард хмуро на меня посмотрел.

— Вся эта история с убийством — бред чистой воды, — пожаловался он. — Нам надо жить дальше. Так, словно ничего не случилось! Ничего! Вот и все.

— Точно, — согласился я. — Такая линия поведения свидетельствует о мужестве и непричастности к преступлению. Однако могут возникнуть сложности. Если одному из вас предъявят обвинение в убийстве и отправят за решетку, потребуется недюжинная сила воли, чтобы и дальше закрывать глаза…

— Боже милосердный, но зачем?! К чему? Зачем кому-то из нас убивать человека, которого мы никогда знать не знали и видеть не видели? В первую очередь полиции надо выяснить, каким

образом он проник к нам в офис. Вот чем им сейчас надо заниматься!

— Я с вами совершенно согласен, — искренне произнес я. — Но вот какая беда: вы мыслите логически, а полицейские — нет. Так что факт остается фактом. Одного из вас непременно арестуют по подозрению в убийстве. Первые кандидаты на арест — те, кто располагает ключами от офиса. В данный момент стражи закона склонны отдать предпочтение мисс Нидер, поскольку им известно, что вчера вечером она была в офисе. Доказать ее вину в суде будет значительно сложнее. Тем не менее пока полиция может запросто арестовать мисс Нидер прямо во время одного из показов осенней коллекции. Вы ведь этого не хотите? Тогда позвольте отнять у вас еще одну минуту.

— Мы чертовски заняты, — пробормотал Бернард.

— Я буду краток. Мисс Нидер наняла мистера Вулфа. Через час она побеседует со своим адвокатом Демарестом. Ну а тем временем…

Дверь отворилась. Вошел мужчина. Он обернулся, чтобы аккуратно прикрыть дверь, после чего направился к нам. Заговорил он прямо на ходу:

— Добрый день, Синтия. Добрый день, Бернард.

Что, во имя всего святого, здесь происходит? — Тут он заметил меня. — Кто вы такой, сэр? Слуга закона? В каком-то смысле я тоже. Меня зовут Демарест. Генри Р. Демарест, адвокат-консультант.

Он подошел ко мне, чтобы пожать руку. Пришлось снова встать.

— Арчи Гудвин, — представился я, — помощник частного детектива Ниро Вулфа.

— Ого! — Его брови поползли вверх. — Самого Ниро Вулфа? — Адвокат повернулся к остальным, обратив ко мне спину и толстый загривок. — Что происходит? В офисе обнаруживают труп, а я узнаю об этом от полицейского, который начинает меня расспрашивать о ключах. Позвольте полюбопытствовать: почему меня не поставили в известность о происшедшем?

— Мы были заняты, — грубо ответил Бернард, — причем не делами компании. Сюда явилась вся полиция Нью-Йорка.

— Вчера вечером я пыталась вам дозвониться, — добавила Синтия, — но вас не было дома. А сегодня вы ушли на ланч. Поэтому я обратилась за помощью к Ниро Вулфу. Уж очень не хочется, чтобы меня осудили за убийство. Потом мистер Гудвин приехал со мной сюда. Прошлым вечером я забежала в офис на пятнадцать минут, и меня

за это едва не арестовали.

Демарест кивнул в ответ. Вел он себя достаточно вольно. Кинув шляпу на стол Бернарда, адвокат уселся прямо в кресло хозяина кабинета, после чего снова кивнул Синтии:

— Я в курсе. Узнал все подробности от друга, который работает в офисе окружного прокурора. И все же, дитя мое, тебе следовало сразу же мне позвонить. Я просто обязан быть рядом с тобой. А ты, вместо того чтобы обратиться ко мне, предпочла отправиться к Ниро Вулфу. Почему?

Адвокат начал меня раздражать. Кроме того, Синтия многозначительно на меня покосилась. В ее взгляде ясно читалось: «Я что, напрасно плачу вам деньги? За работу!» Я бросился в бой:

— Мистер Демарест, вполне вероятно, на ваш вопрос смогу ответить и я. В тот самый момент, когда вы вошли, я собирался все объяснить. Вы ведь знаете, как обстоят дела?

— Я знаю, как они обстояли полчаса назад.

— Тогда вы в курсе. Я как раз растолковывал мистеру Домери, что мисс Нидер предпочла бы избежать ареста. Главным образом по этой причине она и обратилась к Ниро Вулфу. Она ему платит не за рутинный труд. Что я понимаю под «рутинным трудом»? В частности, установление

личности всех тех, кто входил и выходил из здания после окончания рабочего дня. Одна лишь эта задача адски сложна, учитывая, сколь невнимательными бывают лифтеры. Дела подобного рода лучше всего доверить полиции, равно как и снятие отпечатков пальцев, лабораторные анализы, проверку алиби и прочее в том же роде. Понятное дело, пять человек, располагающих ключами от офиса, — тема для отдельного разговора. Их алиби будут проверять с особой тщательностью. За ними станут следить днем и ночью. Да что я вам объясняю — вы сами всё прекрасно понимаете. За это заплатят городские власти, а не мисс Нидер. Такой работой мистер Вулф не занимается.

— Если исключить все перечисленное вами, остается мало чего, — заметил Демарест.

— Вполне достаточно, чтобы мистер Вулф не скучал. Насколько я понимаю, мистер Демарест, вам доводилось слышать о моем боссе и потому вы знаете, что у него свои методы ведения расследования. Как раз сейчас он занимается совершенным здесь убийством. Вот, собственно, почему я здесь. Он прислал меня договориться с вами о небольшой встрече, которая состоится сегодня вечером у него. На эту встречу мистер Вулф хочет пригласить мисс Нидер, мисс Зареллу,

мистера Домери, мистера Роупера и вас. Именно эти пять человек, включая вас, являются счастливыми обладателями ключей от офиса. Если не возражаете, Вулф будет рад видеть вас в половине девятого. В ходе встречи вам предложат закуски и освежающие напитки.

Бернард и Демарест издали некие звуки. Первый нетерпеливо хмыкнул, а вот второй, похоже, усмехнулся.

— Значит, нам назначают аудиенцию, — произнес адвокат.

— Я никогда бы даже мысленно не посмел облечь приглашение мистера Вулфа в подобную форму, — осклабился я.

— Вы — нет, а нам это вполне по силам. — Он снова усмехнулся. — Мы счастливые обладатели ключей от офиса. Позвольте кое-что сказать. По вашим словам, мисс Нидер видит главную задачу Вулфа в том, чтобы помочь ей избежать ареста. Совершенно очевидно, что он решил выполнить эту задачу, выдав полиции настоящего преступника, который отправится под суд и будет наказан. Вполне допускаю, что это может оказаться делом непростым, дорогостоящим — и совершенно излишним. Если мисс Нидер прибегнет к моим услугам, я гарантирую тот же

результат, причем сил потрачу и денег возьму с нее в десять раз меньше. Согласитесь, будет справедливо, в первую очередь по отношению к ней, предложить ей выбор. — С этими словами он повернулся к девушке. — Синтия, деньги твои, решать тебе. Чего ты хочешь? Ты предпочтешь заплатить Ниро Вулфу, чтобы он действовал своими методами?

На секунду я подумал, что девушка заколебалась. Я ошибся. На самом деле она подбирала слова.

— Да, я предпочту заплатить Ниро Вулфу, — твердо сказала она. — Мне никогда раньше не доводилось нанимать частного детектива. Меня подозревают в убийстве. Если вы считаете, что сейчас не самый подходящий случай искать помощи у сыщика, то когда вообще к ним обращаться?

— Так я и думал, — удовлетворенным тоном произнес Демарест. — Именно это я и предполагал. Гудвин, вы сказали, нам назначено на половину девятого?

— Это время — самое оптимальное. Когда мистер Вулф не занят мыслями о еде, у него гораздо лучше работает голова. Так вы приедете?

— Разумеется, приеду. Я предпочитаю эконо-

мить силы и не тратить их понапрасну. Мне куда проще съездить к мистеру Вулфу, чем отговорить мисс Нидер от сотрудничества с ним. — Адвокат улыбнулся Синтии. — Дитя мое, мне бы хотелось поговорить с тобой наедине.

— Простите, а вы могли бы с этим подождать еще несколько минут, пока я обо всем не договорюсь? — спросил я. — Ну как, мистер Домери? Вы составите нам компанию?

У Бернарда явно испортилось настроение. Со всей очевидностью можно было заключить, что он задумался о чем-то невеселом. Сидел ссутулившись и переводил взгляд с Синтии на Демареста, с него на меня, а потом снова на Синтию.

— Ну так как? — поторопил я его.

— Не знаю, — буркнул он. — Я подумаю.

Синтия тихо фыркнула.

Демарест с раздражением посмотрел на Бернарда:

— Все как обычно. Ты подумаешь. Да о чем тут думать?

— О бизнесе, — заявил Бернард. — Дела и без того плохи, ведь у нас в офисе обнаружили убитого человека. Если мы все впятером отправимся на встречу с частным детективом, то фактически признаем, что имеем к этому убийству некое

отношение. Разве не так?

— Я наняла мистера Вулфа сама, — резко ответила Синтия.

— Я знаю, Синтия, — ответил он умоляющим тоном, будто бы чувствуя вину за собственную нерешительность. — Но ведь нам, черт подери, надо думать и о бизнесе, так? Возможно, эта встреча нецелесообразна. Я просто даже не знаю.

— Сколько вам нужно времени на раздумья? — любезно поинтересовался я. — Его не так уж и много. Сейчас уже пять вечера. Полутора часов будет достаточно? Вы сможете принять решение к половине седьмого?

— Думаю, да, — неуверенно ответил Бернард и затравленно огляделся, словно был забившимся в норку сурком, а мы — охотничьими собаками, роющими землю, чтобы до него добраться. — Я дам вам знать. Как с вами связаться? Где вас можно будет найти?

— Сложный вопрос, — отозвался я. — Мне нужно пригласить на встречу еще двоих: мисс Зареллу и мистера Роупера. Вы мне очень поможете, если вызовете их к себе в кабинет. Или этот шаг вам тоже надо обдумать?

Демарест усмехнулся. Синтия бросила на меня предостерегающий взгляд, в котором читалось:

«Будьте осторожны, не злите его».

— Чего мне надо, а чего не надо, я как-нибудь разберусь сам! — запальчиво ответил Бернард, затем встал и подошел к столу. — Мистер Демарест, вы не могли бы пересесть?

Адвокат выбрался из кресла Бернарда. Домери сел, снял телефонную трубку и произнес в нее:

— Попросите, пожалуйста, мистера Роупера и мисс Зареллу зайти ко мне в кабинет.

Глава 9

Они вошли вместе.

Как оказалось, Полли Зареллу я уже видел. Именно она перед показом вышла из левой двери и дала сигнал к началу. Как и прежде, за исключением возраста, ничего общего между ней и своей матерью я не увидел. Губы покрывал такой же толстый слой помады. Платье на ней было другое, но опять же с плечиками. Синтия поведала мне, что Полли — важная шишка, занимает пост директора по производству и, как никто, умеет обращаться с иголками и ножницами. Однако повстречай я мисс Зареллу на улице, подумал бы, что она профессионалка совсем иного рода.

После того как меня представили, Бернард предложил вошедшим присесть, а затем сказал:

— Сразу хочу извиниться за то, что отнимаю у вас время, но сегодняшний день и так пошел коту под хвост. Мистер Гудвин хочет кое о чем вас попросить.

Когда они уставились на меня, я одарил их ободряющей улыбкой:

— Поскольку вы люди занятые, я буду краток. Снова суета и кутерьма. И все из-за убийства у

вас в офисе. Мисс Нидер попала в переплет. Мало того что она была здесь прошлой ночью, так еще пыталась это отрицать во время допроса. Потому полицейские сейчас уделяют ей излишне пристальное внимание. В надежде это исправить она обратилась за помощью к моему боссу, Ниро Вулфу. Мистер Вулф хотел бы побеседовать с людьми, у которых есть ключи от офиса. Вас таких пятеро, и все вы сейчас здесь. Он прислал меня спросить, не могли бы вы сегодня подъехать к нему к половине девятого вечера? Разумеется, на встрече будет присутствовать и мисс Нидер. Явится и мистер Демарест. Мистер Домери еще обдумывает приглашение и даст знать о своем решении чуть позже. Мы действуем в интересах правосудия. Наша встреча поможет во многом разобраться и вернуться к нормальной работе. Кроме того, приехав к мистеру Вулфу, вы окажете любезность самой мисс Нидер. Итак, вас ждать?

— Нет! — решительно отрезала Полли Зарелла.

— Нет? — вежливо переспросил я.

— Нет, — повторила она. — Я и так уже потеряла сегодня уйму времени. Весь вечер я буду работать с закройщиками.

— Поймите, мисс Зарелла, речь идет об очень важной встрече.

— Я так не думаю. — (Вместо «думаю» она произнесла «тумаю».) — В офисе нашли труп. Труп убрали — и дело с концом. Теперь надо просто об этом забыть. Именно так я сказала полицейским, теперь повторю и вам. Мисс Нидер ничего не угрожает. Если бы ей что-то угрожало, я бы билась за нее вот этими руками. — Полли выставила руки с загнутыми на манер когтей пальцами. — Я бы сражалась за нее, потому что она лучший модельер во всей Америке. А может, и в Европе или даже во всем мире. Но она в безопасности. В полной безопасности.

Она встала и направилась к двери, но Синтия вскочила и, преградив ей путь, схватила ее за руку.

— Я считаю, вам следует задержаться и послушать, что скажет мистер Роупер, — заметил я. — Итак, мистер Роупер?

Уорд Роупер прочистил горло.

— Мне кажется, — выговорил он таким вкрадчивым, приторным голосом, что хотелось его удавить, — в данных обстоятельствах это не самый верный шаг.

Убедившись, что Синтия остановила Полли, я сосредоточился на Роупере. Ему было под пятьдесят, не старый еще, так что, реши я удавить его,

возраст вряд ли меня остановил бы. Он выглядел подтянутым, элегантным и вышколенным — хоть отдавай в услужение королеве, только где такую королеву найдешь? Голос Роупера идеально соответствовал внешности.

— И что же с этим шагом не так? — спросил я.

Роупер наклонил голову набок и смерил меня изучающим взглядом:

— Я бы сказал, практически все не так. Я понимаю и разделяю желание мистера Домери все хорошенько обдумать. Участие во встрече означало бы, что все пятеро из нас имеют отношение к убийству, а это сущая нелепость. Я допускаю, что кто-то из нас замешан в этом деле, и весьма основательно, но остальные четверо совершенно ни при чем. Совершенно.

— К чему, черт подери, ты клонишь?! — распаляясь, спросил Домери.

— Ни к чему, Бернард. Ни к чему особенному. Я просто объясняю свою реакцию на предложение.

Совершенно очевидно, настало время заканчивать игры в дипломатию. Я поднялся, встал рядом с Синтией, так чтобы видеть всех присутствующих, не выкручивая при этом шею.

— Шутить изволите? — с напором в голосе спросил я. — Так вот, если хотите знать мое мнение,

паршиво это у вас получается. — Я вперил взгляд в Бернарда. — Ну как, мистер Домери, вы хорошо подумали? Решение приняли?

— Конечно же нет! — возмутился он. — Вы за кого себя принимаете? Кто вы вообще такой?

— В данный момент я наемный работник мисс Нидер. — Я обвел взглядом присутствующих. — Вы все, за исключением Демареста, ведете себя как слабоумные! Кто я такой? А кто такая мисс Нидер? Как думаете? Маленькая девочка, которая просит вас оказать ей любезность и помочь? Черт бы вас побрал, идиоты, да ей принадлежит половина этой компании! — Я посмотрел на Бернарда. — Вы кто такой? Вы ее деловой компаньон, у вас равные доли… Да если она пожелает, может сделать с вами что угодно. А вы еще говорите, что подумаете, помогать ей или нет. Похоже, вы окончательно рехнулись! — Я повернулся к Полли и Роуперу. — А вы кто такие? Персонал, наемные служащие. Вы работаете в компании, половина которой принадлежит ей. Я от ее имени обращаюсь к вам с разумной, здравой просьбой. Только послушайте, что вы несете в ответ! Что касается вас, Роупер: я знаю, вы хороший подражатель. Насколько я понимаю, вы, мисс Зарелла, прекрасно руководите производством. Но при этом

ни одного из вас нельзя назвать незаменимым. В данном деле мы с мистером Вулфом представляем интересы мисс Нидер. И потому я приказываю вам сегодня в половине девятого вечера явиться в офис Ниро Вулфа, расположенный в доме номер девятьсот двадцать четыре по Тридцать пятой улице. — Повернувшись, я встретился взглядом с Синтией. — Мисс Нидер, вы подтверждаете мои полномочия?

— Да, — ответила она скрипучим голосом, словно ей что-то попало в горло. Кашлянув, она повторила: — Да, подтверждаю.

— Браво! — Я повернулся. — Вы приедете, мисс Зарелла?

Полли смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых, как мне показалось, застыло восхищение. Впрочем, я могу и ошибаться.

— Ну разумеется, — ответила она так же решительно, как минуту назад сказала «нет». — Если это так важно, как вы говорите, я непременно приеду.

— Прекрасно. Что скажете вы, мистер Роупер?

Роупер пожевал губу. Понятное дело, человеку его положения было сложно вот так взять и проглотить угрозу увольнения.

— После ваших слов я, право, не знаю, что и

сказать, — завел он елейным голосом, в котором чувствовалась дрожь. — Конечно, это правда, что в будущем мисс Нидер, возможно, станет владелицей половины компании, успеху которой отчасти способствовал и я, прослужив здесь верой и правдой четырнадцать лет. Так вот, это случится, если мисс Нидер никуда не денется…

— Куда она может деться? Объяснитесь.

— Разве вы не понимаете? — развел руками Роупер. — Это же очевидно. Понятное дело: ваша задача — помочь ей выйти сухой из воды. Вы — сторона заинтересованная и потому не можете быть объективным. Но полиция, как правило, в вещах подобного рода не ошибается, а мнение полиции вам известно. — В елейных интонациях слышалась злоба. — Именно это я имел в виду. Что же касается вашего…

Уорд замолчал, потому что Бернард вдруг пришел в движение. Компаньон Синтии встал из-за стола и в четыре широких шага приблизился к стулу, на котором сидел Роупер. Озадаченный модельер поднялся, причем столь поспешно, что едва не опрокинул свой стул.

— Уорд, я тебя уже предупредил прошлым вечером, — начал Бернард, и по его тону было ясно, что шутить он не намерен. — Я уже сказал

тебе один раз — следи за своим поганым языком. — Он стиснул кулаки. — А теперь извинись перед Синтией. Живо!

— Извиниться? Но что я такого…

Бернард дал ему пощечину. От души. Я не мог не одобрить поступок моего соперника. Дать пощечину этой гнуси — куда лучше моей идеи удавить его. И правильно сделал, что ударил его открытой ладонью. Бить Роупера кулаком — слишком много чести. От первой оплеухи голова модельера мотнулась влево, от второй, оказавшейся еще сильнее, — вправо.

Тут меня как громом поразила одна мысль.

— Только не увольняйте его! — вскричал я. — Этот вариант мисс Нидер не устроит! Ей нужно, чтобы сегодня вечером он был у Вулфа.

— Раз нужно, значит будет, — мрачно ответил Бернард, даже не повернувшись в мою сторону; сделав шаг назад, он, полыхнув взглядом, посмотрел на Роупера. — Чтоб был на встрече, Уорд. Ты меня понял?

Дела шли прекрасно, и я решил закрепить успех.

— А вы тоже приедете, мистер Домери? — спросил я.

Какого черта?! Дело-то решенное. Он же сам

только что приказал Роуперу явиться на встречу. Однако, вопреки моим ожиданиям, Бернард повернулся ко мне и ответил:

— Я приму решение позже. И дам вам знать. Позвоню. Ваш номер есть в телефонной книге?

Демарест фыркнул от смеха.

Глава 10

Я предпочитаю всегда держать свое слово. Пообещал закуски и освежающие напитки — изволь обеспечить. На столе рядом с глобусом разместились тарелки со спелыми оливками, плошки с молочным пудингом по-турецки, три вазы с орешками и целая батарея разнообразных бутылок — от пива до лучшего бренди из коллекции Вулфа. Рядом с каждым гостем был поставлен маленький столик. Без четверти девять, когда последний из приглашенных занял свое место, на столике Синтии стоял стакан скотча с водой, у Демареста — стакан «Тома Коллинза»[2], у Полли Зареллы — рюмка и бутылка «Токайской эссенции»[3]. Лишь на столиках Бернарда Домери и Уорда Роупера не было ничего, кроме салфеток. Бернард позвонил около семи и обещал прибыть на встречу.

---

[2] Сноски: 2

«Том Коллинз» — коктейль из джина (или вермута) с лимоном (или лаймом) и сахаром, разбавляемый содовой водой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

[3] Сноски: 3

«Токайская эссенция» — сладкое вино, приготовляемое методом слабого брожения из заизюмленных ягод винограда. После длительной выдержки становится густым и сахаристым, как сусло.

Если полицейские следили за присутствующими, подумал я, то, скорее всего, сейчас у нас на Тридцать пятой улице должна была скопиться целая ватага стражей закона.

До обеда я справился еще с одним непростым делом. Мне надо было рассказать о том, как прошла встреча в «Домери и Нидер». Вулф желал знать все, вплоть до мельчайших подробностей, так сказать, и либретто, и оркестровую партитуру. Требовалось изложить все, оставив время на вопросы и закруглившись до обеда. Если мы опоздаем к столу, Вулфу придется обедать второпях, а значит, весь вечер он будет в дурном расположении духа. Я посчитал, что даже без хандрящего Вулфа вечер вряд ли окажется веселым, — еще одна причина сдержать обещание насчет закусок и освежающих напитков.

Поскольку разработка мизансцены в грядущей пьесе была доверена мне, я решил усадить Синтию в красное кожаное кресло — мне так больше нравилось. Полли Зарелла настояла на том, чтобы сесть поближе ко мне. Возможно, ею руководил материнский инстинкт. Справа от Зареллы устроился Демарест, за ним — Роупер и Бернард. Мне показалось, что я разместил их очень удачно: если Бернарду взбредет в голову

снова отвесить Роуперу пощечину, ему не придется далеко идти.

— Спасибо, что приехали, — с официальным видом произнес Вулф.

— У нас не было другого выхода, — заявил Демарест. — Нас заставил ваш Гудвин.

— Вас, мистер Демарест, насколько мне известно, никто не заставлял.

— Отнюдь. Меня тоже заставили. Просто я чуть раньше остальных сообразил, что сопротивление бесполезно.

— Так или иначе, вы здесь, — пожал плечами Вулф и закатил глаза. — Полагаю, мистер Гудвин довел до вашего сведения, что в силу моих предпочтений и темперамента, а также под давлением обстоятельств сфера моей деятельности в ходе расследования весьма ограниченна. Отпечатки пальцев, работа с документами, поминутное скрупулезное восстановление очередности событий, слежка — все это не для меня. Если в данном случае убийцу можно отыскать и изобличить путем тщательной проверки каждого, кто входил и выходил из здания вчера вечером, что возможно, но не неизбежно, полиция справится с этой работой. В делах такого рода они мастера. Лично у меня на это не хватает терпения. Тем не менее

давайте для начала выясним, чем занимался каждый из вас с восьми вечера до полуночи. Я полагаю, вы уже рассказали об этом полиции, поэтому вам не составит труда повторить это еще раз мне, поскольку я представляю интересы мисс Нидер. — Взгляд Вулфа остановился на Демаресте. — Может, начнем с вас, сэр?

— Если бы ваш помощник задал мне сегодня днем аналогичный вопрос, то, возможно, значительно бы все упростил. Я не стал об этом рассказывать, поскольку мне было очевидно, что мисс Нидер желает собрать нас всех здесь.

— Ну так расскажите сейчас.

— Извольте. Я буду краток. Разумеется, вы хотите знать всё. Вчера днем для оптовиков проводился показ осенней коллекции «Домери и Нидер». Вы прекрасно об этом знаете, поскольку на показе присутствовал ваш человек. В результате показа назревавший в компании конфликт достиг апогея. Вот уже два года мистер Роупер все сильнее и сильнее завидует художественным талантам мисс Нидер. Ее дар модельера давно не дает ему покоя. Все началось еще до гибели Пола Нидера. Реакция публики во время показа говорила сама за себя. Мисс Нидер одарена гораздо щедрее мистера Роупера. Они, образно выража-

ясь, в совершенно разных весовых категориях. Исход демонстрации привел мистера Роупера в ярость. Он захотел уволиться. Но он по-прежнему нужен компании «Домери и Нидер». Его, как и раньше, можно использовать в меру сил и способностей. Поэтому было важно успокоить мистера Роупера. Поскольку мисс Нидер пока не вступила в права наследства, юридически я несу ответственность за половину компании. Мистер Домери счел нужным поставить меня в известность о случившемся и попросить о помощи. Прошлым вечером, во вторник, мистер Домери, мисс Зарелла, мистер Роупер и я встретились за обедом в ресторане. Затем мы поехали домой к мистеру Домери, где и продолжили обсуждать сложившееся положение. Мистер Роупер требовал заключить с ним новый контракт. Со мной была моя жена. Таким образом, нас было пятеро. С половины седьмого мы были вместе. Разошлись глубоко за полночь. — Тут Демарест улыбнулся и спросил: — Ну как, прояснилась ситуация после моего рассказа?

Ага, прояснилась, как же! Пока мне в голову пришла только одна, совершенно безумная версия: они убили Пола Нидера вчетвером, по очереди всаживая крюк в лицо бедолаги, а су-

пруга адвоката, миссис Демарест, считала удары. Меня сложно обескуражить, но после краткой речи Демареста я раскрыл от изумления рот, что со мной случается крайне редко.

— Разумеется, прояснилась, — спокойно ответил Вулф и перевел взгляд на Бернарда. — Вы это подтверждаете, мистер Домери? Все сказанное — правда?

— Да, это правда, — отозвался Бернард.

— А вы что скажете, мисс Зарелла?

— Это правда!

— Вы, мистер Роупер?

— А я не подтверждаю, — заявил Роупер, в елейном голосе которого вновь зазвучала злоба. — Как можно говорить, будто мисс Нидер гораздо талантливее меня? Это же сущая нелепость! Да у меня три толстенные папки с вырезками из журналов «Вименс веар дейли», «Вог», «Харперс базар» и «Гламур»…

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — отреагировал Вулф. — Мы примем во внимание вашу поправку. Вернемся к моему вопросу. Вы подтверждаете рассказ мистера Демареста о событиях вчерашнего вечера?

— Нет. Меня совершенно не требовалось, как он изволил выразиться, успокаивать. В этом не было

ни малейшей необходимости. Я просто хотел…

— Черт подери, вы подтверждаете, что провели вчерашний вечер вчетвером, если не считать миссис Демарест, и были вместе с половины восьмого до глубокой ночи?!

— Да, подтверждаю.

Вулф заворчал. Мгновение спустя он заворчал снова и повернулся ко мне:

— Арчи, стакан мисс Нидер пуст. Стакан мистера Демареста — тоже. Будь любезен, прими меры.

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и принялся указательным пальцем рисовать круги на подлокотнике. Он был совершенно сбит с толку.

Я взял на себя роль радушного хозяина. Поскольку Демарест попросил еще порцию «Тома Коллинза», на это ушло некоторое время. Полли Зарелла от моих услуг отказалась, заявив, что может подливать себе в рюмку токайское самостоятельно. На этот раз Роупер не стал воздерживаться от выпивки и попросил приготовить ему «Би энд Би», смешав бренди с ликером «Бенедиктин». Похоже, после того как Демарест при всех заявил, что Синтия гораздо талантливее Уорда, модельера обуяла жажда. Время от времени я поглядывал

на Вулфа. Он трудился, упорно размышлял, то втягивая губы, то выпячивая их.

Закончив разливать напитки, я вернулся на свое место.

Вулф приоткрыл глаза.

— Итак, — светским тоном произнес он так, словно и не было долгой паузы, — вполне понятно, отчего полиция проявляет интерес к мисс Нидер. Только у нее из всех обладателей ключей нет алиби. Кстати, мистер Домери, как получилось, что мисс Нидер не пригласили на встречу? Разве ей не принадлежит половина компании?

— Ее интересы представлял я, — заявил Демарест.

— Однако весьма вероятно, что вскоре ей придется делать это самой. Вы не считаете нужным советоваться с ней при решении важных вопросов?

— Черт побери, ну как вы не понимаете?! — вспылил Бернард. — Это же очевидно. Если бы она присутствовала на встрече, Роупер вообще вышел бы из себя. Он же ее видеть не может.

— Я категорически возражаю… — начал Роупер, но Вулф его перебил.

— Допустим, — произнес он. — Скажите, это правда, что мисс Нидер постоянно устраняют

от управления компанией, причем делают это намеренно?

— Да, это правда! — с жаром кивнула Полли.

Трое мужчин одновременно сказали «нет», причем все трое наперебой полезли с объяснениями, но Вулф снова не дал им договорить.

— Мы закончим гораздо быстрее, если вы доверите вести беседу мне. Разве я сказал, что мисс Нидер недооценивают? Вы все, за исключением мистера Роупера, признаёте, что она талантливый модельер. Кроме того, один из вас сегодня днем быстро и решительно вступился за ее честь. Мистер Домери, вы ударили мистера Роупера за один лишь намек на виновность мисс Нидер. И это притом, что мистер Роупер нужен компании. Решившись на такой поступок, вы рисковали потерять модельера. Тем не менее вы очертя голову кинулись ее защищать. Как-то это плохо сочетается с вашим нежеланием выполнить ее просьбу и приехать сюда на встречу.

— Нежелание? Об этом не было и речи. Мне просто надо было все обдумать. Только и всего.

— Похоже, вы подолгу обдумываете каждый свой шаг. Верно?

— Даже если и так, вам какое до этого дело? — ощетинился Бернард.

— Для меня это очень важно, — пояснил Вулф. — Я взялся помочь мисс Нидер избежать ареста по подозрению в убийстве. И я считаю, что в этом деле существенную роль может сыграть ваша привычка все тщательно обдумывать. Мне надо знать, прав ли я в своих предположениях или нет. — Он перевел взгляд на адвоката. — Мистер Демарест, вы давно знакомы с мистером Домери?

— Шесть лет. Мы познакомились после того, как он окончил колледж и стал работать в компании дяди.

— Вы близко с ним знакомы?

— И да и нет. Я был близким другом Пола Нидера, компаньона дяди Бернарда.

— Прошу вас, хорошенько подумайте, прежде чем ответить на мой следующей вопрос: Бернард всегда подолгу размышлял, прежде чем принять то или иное решение? Не замечали ли вы кардинальной перемены в этой черте его характера?

— Мне даже думать не надо, — улыбнулся Демарест. — Он был очень решительным, даже напористым молодым человеком. Все изменилось месяца полтора назад, когда ему пришлось возглавить компанию после смерти дяди. Но согласитесь, это вполне естественно, разве не так? Только представьте, какая ответственность

легла бременем на его плечи в столь молодом возрасте.

— Возможно, вы правы. Мисс Зарелла, вы согласны с мистером Демарестом?

— Конечно! — как всегда с жаром, произнесла Полли. — Бернард очень изменился. Он был совсем другой!

— А вы как считаете, мисс Нидер?

— Ну… — нахмурилась Синтия. — Возможно, у людей сложилось такое впечатление…

— Бросьте! — оборвал ее Вулф. — Вы сейчас виляете. Когда мистер Роупер высказал подозрение, что вы причастны к убийству, мистер Домери тут же кинулся вас защищать. Вам нет необходимости отвечать ему тем же. У него железобетонное алиби. Вы согласны, что полтора месяца назад мистер Домери сильно изменился?

— Да, он изменился, но мистер Демарест объяснил, что стало тому причиной.

— Мистер Демарест действительно так считает. Ну вот мы и сдвинулись с мертвой точки. — Вулф перевел взгляд на Бернарда. — Мистер Домери, как доверенное лицо мисс Нидер, я хочу задать вам несколько вопросов. Они могут показаться неуместными, не относящимися к делу и даже дерзкими. Если вы не сочтете их оскорбительны-

ми, готовы ли на них ответить?

Сейчас Бернард напоминал человека, который подозревает, что к нему кто-то подкрадывается сзади, но по каким-то ему одному известным причинам не желает оборачиваться.

— Может, и отвечу, — произнес он. — А что за вопросы?

— Спасибо за ваше согласие, — любезно поблагодарил Вулф. — Ваши родители живы?

— Да.

— Где они проживают?

— В Лос-Анджелесе. Мой отец — профессор. Он преподает там в университете.

— Они в курсе вашей коммерческой деятельности?

— Не особенно. Знают, чем я занимаюсь, но в общих чертах.

— У вас есть братья или сестры?

— У меня две сестры. Обе младшие. Сейчас они учатся в колледже.

— Имеете ли вы родственников, с которыми часто видитесь или переписываетесь?

Бернард посмотрел на Синтию.

— Хочешь, чтобы я и дальше излагал свою биографию? — спросил он.

— Мнение мисс Нидер по данному вопросу не

имеет значения, поскольку она не знает, к чему я веду, — отрезал Вулф. — Возможно, вы уже об этом догадались, а возможно, и нет. Вы не считаете мои вопросы оскорбительными?

— Нет, но они кажутся мне глупыми.

— Тогда уважьте меня… или мисс Нидер в моем лице. Итак, у вас есть родственники, с которыми вы часто видитесь или переписываетесь?

— Нет.

— Я практически закончил. Не стану называть никаких имен, поскольку те, что мне известны, уже можно скинуть со счетов. Для меня совершенно очевидно, что, когда вам нужно принять важное решение, вы не спешите за помощью к мистеру Демаресту, раз уж он обратил внимание на происшедшую с вами перемену. Вы не спрашиваете совета ни у мисс Зареллы, ни у мистера Роупера, коль скоро их реакция на приглашение мистера Гудвина явиться сюда сегодня вечером нисколько на вас не повлияла. Что ж, придется мне воспользоваться общими категориями. Есть ли такой банкир, или адвокат, или какой-либо иной человек, или группа лиц, чье мнение нередко является для вас определяющим при решении деловых вопросов? Итак?

— Такого человека не существует. Да, конечно,

я обсуждаю деловые вопросы с другими людьми… В том числе и с мистером Демарестом…

— Ха! Только не рассказывайте мне про мистера Демареста. Он заметил, что вы переменились. Итак, мистер Домери, у вас последний шанс кого-нибудь назвать.

— Мне не надо никого называть. В этом нет необходимости. Я здоров телом и душой, дееспособен и уже давно достиг совершеннолетия.

— Я в курсе. Мне также известно, что по природе своей вы напористы и решительны. Именно поэтому мы не стоим на месте, а делаем определенные успехи. — Вулф погрозил ему пальцем. — Еще один вопрос. Последний. Вчера мисс Нидер в ходе беседы со мной допустила, я полагаю в шутку, что, перед тем как принять решение, вы сверяетесь со звездами или ищете ответ в магическом кристалле. Это так?

— С чего, черт возьми, ты это взяла?! — каркнул Бернард, глянув на Синтию.

— Я же сказал, что, возможно, она пошутила, — ответил Вулф. — А может быть, все-таки мисс Нидер права? Может, вы обращаетесь к гадалкам? Или сами гадаете на кофейной гуще?

— Нет!

Вулф кивнул:

— Больше вопросов не имею, мистер Домери. Еще раз большое спасибо. Вы удовлетворили мое любопытство. — Он обвел присутствующих взглядом. — Полагаю, вы имеете право знать, кого именно прошлым вечером убили в офисе «Домери и Нидер». Это был мистер Пол Нидер, бывший совладелец компании.

Глава 11

Все присутствовавшие уставились на Вулфа. Повисла такая гробовая тишина, что урони кто-нибудь булавку, и то было бы слышно.

— Что вы сказали? — резко переспросил Демарест.

— Клянусь молоком моей матери! — вскочив, закричала Полли Зарелла. — Я так и знала! Это был Пол. Когда меня заставили взглянуть на тело, я заметила, что у покойника руки Пола, изумительные, изящные руки художника. Только я тогда подумала, что это невозможно! — Подскочив к столу Вулфа, она свирепо на него посмотрела и забарабанила кулачками. — Объяснитесь! Я желаю знать, что произошло!

Мне пришлось встать и поспешить Вулфу на помощь, иначе Полли запросто могла забраться на стол и начать колотить уже по его животу, и тогда вечеринка бы точно закончилась.

Другие тоже отреагировали на новость, но не так бурно, как Полли. Возможно, не в последнюю очередь их отрезвила решительность, с которой я вернул Полли на ее место. Наконец шум улегся, и все услышали голос Вулфа:

— Само собой разумеется, вы хотите знать подробности. Со временем вы их непременно узнаете. Ну а пока мне нужно исполнить свои непосредственные обязанности. Поскольку, как я сказал, мистер Нидер был убит вчера вечером, он не кончал с собой год назад. Только инсценировал самоубийство. Неделю назад мисс Нидер увидела его в вашем демонстрационном зале. Чтобы остаться неузнанным, мистер Нидер надел очки, отпустил бороду и зализал волосы, зачесав их на пробор. Тем не менее племянница узнала его. Однако мистер Нидер ушел раньше, чем ей удалось с ним поговорить. Явившись в офис прошлым вечером, мисс Нидер увидела тело и убедилась, что перед ней действительно ее дядя, — опознала его по шрамам на ноге. Не будем пока спешить с дальнейшими подробностями. Суть в следующем: на сей раз мистер Нидер действительно расстался с жизнью. И думается мне, я знаю, кто его убил. — Он впился глазами в Бернарда. — Где он, мистер Домери?

Бернард вел себя неестественно. Он изо всех сил пытался сохранить самообладание, но у него ничего не получалось. Молодой человек завороженно, словно кролик на удава, смотрел в глаза Вулфа.

— Где он? — с напором повторил Вулф.

— Кто? — изменившимся голосом спросил Бернард. На большее его не хватило.

Вулф медленно покачал головой.

— Думаете, я шутки шучу? Ошибаетесь, — сухо произнес он. — Когда мистер Гудвин описал мне вашу сегодняшнюю встречу, у меня появилась и такая версия — наряду со многими другими. Как я сказал, версий созрело много, и я никак не мог решить, которую из них взять за основу. Но потом, полчаса назад, когда я узнал, что четверо из вас провели вчерашний вечер вместе, то решил поработать с одной из версий поплотнее, копнуть немного глубже, и теперь все понял. Выражение лица выдает вас с головой. Не корите себя. Я провел атаку быстро и неожиданно. Обстоятельства были против вас. — Вулф выставил вперед руку. — Даже не будь я уверен на все сто, даже если бы руководствовался простой догадкой, все равно этого было бы достаточно. Я просто поделился бы подозрениями с полицией и попросил их проверить… Поймите же, это опытные ищейки, их тысячи и тысячи. Как думаете, сколько бы времени у них ушло на то, чтобы его отыскать? И вот еще о чем вам следует поразмыслить: он убийца. Впрочем, ладно, воля ваша. Вам решать. Но вы не

выйдете из этой комнаты, пока не скажете, где он. В противном случае я обращусь к полиции. Ну а чтобы полицейские успели сесть ему на хвост, придется дать им фору, поэтому вам все равно придется посидеть здесь.

— Незаконное задержание свидетеля, — усмехнувшись, прокомментировал Демарест.

Пропустив слова адвоката мимо ушей, Вулф решил еще раз нажать на Бернарда:

— Где он, мистер Домери? Времени на размышления нет. Посоветоваться с ним вы сейчас тоже не можете. Так где он?

— Это ужасно! — прохрипел Бернард. — Просто ужасно!

— Он не имеет права! — неожиданно раздалось из красного кожаного кресла.

Взгляд Синтии приковался к Бернарду. И сколько же было в нем тепла и сочувствия! Вот уж не думал, что она станет так смотреть на моего соперника.

— Он не имеет права тебя задерживать! Это незаконно! — Резко повернувшись к Вулфу, она выпалила: — Немедленно прекратите!

— Слишком поздно, дитя мое, — сказал Демарест. — Ты сама его наняла. И должен признать, он отрабатывает свой гонорар до последнего

цента. — Проговорив это, адвокат обратился к Домери: — Знаешь, Бернард, тебе лучше все рассказать. Возможно, это будет непросто, но все другие варианты значительно хуже.

— Так где он, мистер Домери? — снова повторил Вулф.

Бернард чуть приподнял голову.

— Если вы правы, — таким же хриплым голосом произнес он, — хотя, Господь свидетель, я надеюсь, что нет, значит он поступил так, как счел нужным. Адрес такой: Восточная Девятнадцатая улица, дом восемьсот шестнадцать. Я хочу ему позвонить.

— Нет! — отрезал Вулф. — Если вы попытаетесь подойти к телефону, вам воспрепятствуют, пусть это и противоречит закону. Что это за здание? Многоквартирный дом?

— Да.

— Лифт есть?

— Да.

— Какой этаж?

— Десятый. Квартира 10С. Я сам снял ее для него.

— Сейчас он дома?

— Да. После окончания этой встречи я должен ему позвонить. Изначально я собирался к нему

зайти, но он сказал, что мне на хвост может кто-нибудь сесть, и велел позвонить ему из телефонной будки.

— Имя?

— Диксон. Джордж Диксон.

— Вы уверены?

— Да.

— Спасибо. Я вами доволен. Арчи?

— Да, сэр.

— Дай Фрицу револьвер. Пусть зайдет сюда. Не знаю, что может взбрести в голову кое-кому из этих господ. Затем съезди за мистером Диксоном. Доставь его сюда. Он проживает по адресу…

— Я запомнил.

— Смотри не перегни палку и не вспугни его. Не говори ему, что нам известна личность преступника. Я не хочу, чтобы тебя убили. Самоубийства мне тоже не нужно.

— Не беспокойтесь, — вступил в разговор Демарест. — Он не станет сводить счеты с жизнью. Меня интересует другое: как вы собираетесь повесить на него убийство? Вы же сами признали, что еще полчаса назад не подозревали о его существовании. Он крепкий орешек и кто угодно, но только не дурак.

Я подошел к столу, выдвинул ящик, достал два

пистолета — один для Фрица, другой для себя — и зарядил их. Поэтому я все еще был в кабинете, когда раздался голос Уорда Роупера.

— Теперь все ясно, — с явным удовольствием, без тени злобы произнес он. — Если Пола убили прошлой ночью, значит все это время он был жив. Все это время он сам трудился над созданием новых моделей одежды, а Синтия выдавала его работы за свои! Ну конечно! Это все объясняет!

Я вышел, решив не дожидаться пощечин.

— Можешь не торопиться, — разрешил Вулф, когда я уходил. — Мне есть чем заняться до твоего возвращения.

Глава 12

Я мог поехать на новом «кадиллаке», метро или такси. У тебя в машине убийца, а руки при этом крутят баранку? Не лучший вариант. Везти убийцу без наручников в подземке — сущее мучение. Таким образом, я остановил свой выбор на такси. Машину поймал на Десятой авеню. Шофер нормально отреагировал на удостоверение частного детектива и предстоящее нам дело, которое я ему изложил, поэтому мой выбор пал на него.

Дом 816 по Девятнадцатой улице оказался не трущобой, не дворцом, а совершенно обычным, большим и чистым многоквартирным ульем. Велев таксисту ждать у тротуара, я, как к себе домой, вошел в вестибюль, проследовал к лифту и небрежно бросил:

— Мне, пожалуйста, на десятый.

Ни один мускул не дрогнул на лице лифтера. Он лишь челюстью шевельнул:

— Вы к кому? Мне надо ему позвонить. Как ваша фамилия?

— Скажите, что ему послание от мистера Бернарда Домери.

Лифтер вышел из лифта и направился за угол к

коммутатору. Я проследовал за ним и принялся смотреть, как он втыкает переключатели. Мгновение спустя он уже что-то говорил в трубку, а еще через секунду повернулся ко мне:

— Он просит, чтобы послание отвез я.

— Передайте ему, что моя фамилия Гудвин и что мне велели вручить послание лично в руки.

Похоже, Диксону не требовалось много времени для раздумий. По крайней мере, мои слова не вызвали продолжительных дискуссий. Лифтер выдернул штырек из щита, велел мне следовать за ним и поплелся обратно к лифту. Доставив меня на десятый этаж, он ткнул пальцем влево. Добравшись до конца коридора, я увидел дверь с табличкой «10С». Дверь была чуть приоткрыта — настолько, что в щель можно было вставить земляной орех. Стоило мне протянуть палец к звонку, как тут же раздался голос:

— Это ты привез послание мистера Домери?

— Да, сэр, для Джорджа Диксона.

— Ну я Диксон. Просунь его в щель.

— Не могу. Оно устное.

— Ну говори. Чего там?

— Сперва я должен вас увидеть. Мне вас описали. Мистер Домери попал в небольшую переделку.

На протяжении нескольких секунд ничего не происходило, а затем дверь приоткрылась настолько, что в проем можно было просунуть целых десять пакетиков арахиса. Поскольку Диксон наверняка приставил к двери ногу, чтобы мне не удалось ее распахнуть, я, в свою очередь, вдвинул ботинок в щель, чтобы дверь не захлопнули перед моим носом. Освещение оставляло желать лучшего, но позволяло все же разглядеть рослого мужчину средних лет с широким ртом, глубоко посаженными темными глазами и массивным подбородком.

— В какую еще переделку? — резко спросил он.

— Ему придется самому рассказать вам об этом, — с виноватым видом произнес я. — Я всего лишь курьер. Мне велено попросить вас приехать к нему. Больше я ничего не могу вам сказать.

— Почему он мне не позвонил?

— В данный момент он не может воспользоваться телефоном.

— Где он?

— В офисе Ниро Вулфа на Тридцать пятой улице.

— Кто там еще?

— Несколько человек. Некие Демарест и Роупер, а также женщины — Зарелла и Нидер. Ну и

разумеется, сам Ниро Вулф. Всё. Больше никого.

И без того темные глаза потемнели еще больше.

— Мне кажется, ты врешь. По-моему, мистер Домери за мной не посылал. На мой взгляд, это какая-то подстава, так что катись отсюда и больше не возвращайся.

— Ладно, братец, как скажешь. Только поразмысли вот о чем, — сказал я, даже не подумав убрать ногу, которой держал дверь. — Как считаешь, откуда я знаю твою фамилию и адрес? Узнал в справочной? Ты в курсе, что мистер Домери сейчас сидит у Ниро Вулфа. Мистер Домери звонил тебе около семи и спрашивал твоего совета, идти ему к Вулфу или нет. От него же ты узнал, кто еще там будет. Что в этом такого? Как думаешь, почему он сейчас не может воспользоваться телефоном? Разучился разговаривать? Даже если ты считаешь, что мое приглашение — подстава, я уверен, выход у тебя только один — поехать со мной и выкручиваться уже там, на месте. Если ты, конечно, не хочешь приступить к этому прямо здесь. У собравшихся сложилось впечатление, что им срочно требуется твоя помощь. Лично мне показалось, что, если мы не приедем к одиннадцати, они все, включая мистера Домери, набьются в

такси и приедут сюда, к тебе в гости. Так что, если ты решил дать мне от ворот поворот, придется мне вломиться в квартиру, после чего мы вместе сядем ждать гостей. Попытаешься выставить меня вон? Что ж, попытка не пытка. Посмотрим, что из этого выйдет. Решишь позвать того тощего лифтера — зови. Поглядим, одолею ли я вас двоих. Надумаешь вызвать полицию — я приложу все силы, чтобы выкрутиться, объяснив стражам закона ситуацию. Я прошелся по всем вариантам или что-то упустил? Такси ждет у дома.

Судя по его взгляду, он, скорее всего, готовился врезать мне или броситься за чем-нибудь тяжелым, чтобы было сподручнее драться. Например, за палкой с крюком. Мне стало ясно, что я очень ему не понравился. Но Демарест сказал правильно: мой собеседник был кем угодно, но только не дураком. Большинство людей в его положении забились бы в угол и самое меньшее десять минут лихорадочно размышляли, как им поступить. Но только не мистер Диксон. Он уложился в тридцать секунд. Все это время он стоял, пристально глядя на меня, и соображал, прикидывая свои шансы в каждом из описанных мной вариантов.

Наконец он повернулся, открыл дверь, взял шляпу с полки и надел ее. Я сдал назад. Он вышел

в коридор, закрыл дверь, прошествовал к лифту и нажал кнопку.

Мы спустились вниз и залезли в такси. За все то время, что мы ехали к особняку Вулфа, поднимались по ступенькам на крыльцо и шли через прихожую в кабинет, Диксон не проронил ни единого слова. Как, собственно, и я. Не в моих правилах лезть с разговорами к человеку, которому сейчас не до болтовни.

Глава 13

Итак, мы снова вернулись к тому, с чего начинали: «Оживший покойник». Но такой вариант меня ничуть не огорчал. Я счел само собой разумеющимся, что к моему возвращению все собравшиеся уже будут знать, кого я к ним везу. Когда я уезжал, некоторые еще не успели этого сообразить. Мне стало интересно, как в таких непростых обстоятельствах встретят бывшего коллегу и патрона, восставшего из океанской пучины.

Однако стоило ему переступить порог кабинета, как он сразу же взял инициативу в свои руки. Быстрым шагом подошел к Бернарду и обжег его полыхающим взглядом. Молодой человек с трудом встал.

— Что, черт возьми, с тобой случилось?! Ни с чем не можешь справиться без посторонней помощи? — ледяным, колючим голосом поинтересовался Диксон.

— С этим не могу, — ответил Бернард, причем его тон никак нельзя было назвать робким. — С Вулфом разбирайся сам. И я молю Бога, чтобы это оказалось тебе под силу.

Диксон повел головой из стороны в сторону, окидывая взглядом присутствующих.

— Ну что ж, я вернулся, — объявил он. — Мне все равно вскорости пришлось бы воскреснуть, но благодаря моему одаренному племянничку пришлось поторопить события. Уорд, что ты на себя нацепил? Выглядишь как манекен во время тотальной распродажи. Что, Полли, все еще их терпишь? Теперь тебе придется заодно терпеть и меня. Синтия, я слышал, ты скоро собираешься бегать во главе стаи. — Он сдвинул голову еще чуть-чуть. — А где Генри? Я думал, он здесь.

Я и сам задавался этим вопросом. Ни Вулфа, ни Демареста нигде не было видно. Я повернулся, чтобы спросить у Фрица, где они, но при моем появлении Бреннер тут же вышел. Меня удивило не только отсутствие этой пары. Теперь к честной компании присоединились два новых гостя: на диване в дальнем углу восседали инспектор Кремер и мой любимый сержант Пэрли Стеббинс.

Лавируя между стоящими и сидящими, я стал пробираться к инспектору. Добравшись до Кремера, я почтительно у него поинтересовался:

— А где мистер Вулф?

— Куда-то ушел с адвокатом, — низким голосом отозвался Кремер. — Взял и устроил какую-то

бессмысленную суету. Кого ты притащил?

— Мне сказали, что это Джордж Диксон. Насколько я понимаю, мистер Вулф вам позвонил и предложил приехать арестовать убийцу?

— Так оно и было.

— Пэрли, у тебя вся спина белая.

— Пошел к черту!

— Ладно, не заводись.

Рассыпая извинения, я принялся пробираться обратно к двери в прихожую, посчитав, что должен как можно быстрее доложить Вулфу: его задание выполнено — Диксон доставлен. Не успел я преодолеть и половину расстояния, как на пороге возникли Вулф с Демарестом.

Быстро окинув взглядом присутствующих, адвокат тихонечко скользнул вдоль стены к дальнему стулу у книжных полок, из чего я заключил, что он явно не собирался бросаться Диксону в объятия.

Вулф направился к своему столу, но, добравшись до середины комнаты, вдруг обнаружил, что путь преграждает Джордж Диксон, во все глаза глядевший на него.

— Ниро Вулф? — Диксон протянул ему руку. — Меня зовут Джин Домери. Искренне рад с вами познакомиться.

Вулф не пошевелился. Неожиданно в комнате стало до боли тихо. Взгляды всех присутствующих устремились в одном направлении. Все гости смотрели на Вулфа и Джина.

— Здравствуйте, мистер Домери, — сухо бросил Вулф, обогнул Джина и направился к своему креслу.

Гробовую тишину нарушал лишь звук его шагов. Джин Домери опустил протянутую руку. Когда тебе отказывают в рукопожатии, ты либо опускаешь руку, либо сжимаешь ее в кулак и пускаешь его в ход. Решив не лезть в бутылку, Джин полуобернулся, встал лицом к Вулфу и заговорил с ним уже совсем другим тоном:

— Мне передали, что за мной послал племянник. Как оказалось, это ложь. Вы заманили меня сюда обманом. Чего вам надо?

— Присядьте, сэр, — произнес Вулф. — На объяснения может уйти весь вечер.

— У меня нет столько времени. Что вам угодно?

— Присядьте, и я вам расскажу. Я собираюсь рассмотреть ряд фактов, истолковать их по-своему, а потом спросить вашего мнения. Рядом с вашим племянником стоит пустое кресло.

Для человека, пытающегося перехватить

инициативу, пойти на поводу у собеседника и сесть означает поражение. С другой стороны, остальные уже расселись, а стоять в полном одиночестве, когда все сидят, глупо, если, конечно, ты не собираешься скоро уйти. А Джин не знал, что именно он собирается делать, поскольку был не в курсе, что именно против него затевается, поэтому предпочел сесть рядом с Бернардом.

— О каких фактах речь? — спросил он.

— Как я сказал, на объяснения может уйти весь вечер, что вовсе не значит, будто мне этого хочется, — начал Вулф. — Я бы предпочел покончить со всем как можно быстрее.

Потянувшись к нагрудному карману, он извлек оттуда несколько сложенных листков бумаги.

— Вместо того чтобы заниматься пересказом, я лучше вам это прочту. — Он оглядел посетителей. — Полагаю, если не все, то хотя бы подавляющее большинство присутствующих знают, что завтра мисс Нидер исполняется двадцать один год.

— Ну конечно же! — с обычным для себя жаром воскликнула Полли Зарелла.

Вулф полыхнул на нее взглядом. Он терпеть не мог подобных женщин.

— Я уговорил мистера Демареста, — продолжил он, — предать огласке это письмо на несколько

часов раньше положенного срока. Как вы сами поймете, оно предназначалось только мисс Нидер. Однако, если вы спросите мистера Кремера, он подтвердит, что, когда речь идет об уликах, изобличающих убийцу, о конфиденциальности следует забыть.

Вулф развернул листки:

— Написано от руки на двух листках обычной белой бумаги. Сверху стоит пометка: «Йеллоустонский парк, шестнадцатое мая тысяча девятьсот сорок шестого года». Начинается документ так: «Моя драгоценная Синтия». За этим обращением следует: «Я запечатаю и отправлю это письмо Генри и попрошу, не открывая, передать его тебе в твой двадцать первый день рождения. Ты его отпразднуешь одиннадцатого июня следующего года. Как бы мне хотелось быть с тобой в этот день! Что ж, может, моя мечта и сбудется. Если же нет… Думаю, к этому времени ты уже во всем разберешься сама и сама решишь, как смотреть на случившееся. Ты должна обо всем знать, но пока еще рано». — Вулф поднял взгляд. — Текст идет сплошняком, без абзацев. По всей видимости, мистер Нидер считал, что они не нужны. — Он вернулся к чтению. — «Тебе скажут, что я покончил с собой, и передадут прощальную

записку. Я знаю, что тебе будет очень больно, поскольку, невзирая на все наши разногласия, мы любим друг друга. Прошу тебя, не отчаивайся. Я не собираюсь сводить счеты с жизнью. Я надеюсь, что мы снова встретимся и я вернусь к любимой работе. Я пишу это письмо, чтобы объяснить тебе, что́ задумал. Полагаю, ты знаешь, что я боготворил Хелен. Тебе она была не по нраву, и это единственное, что я имел против тебя, потому что Хелен дарила мне свет и счастье, которого я никогда не знал вне работы. Она понимала, что я… Нет, пожалуй, не буду слишком затягивать. Я просто хочу поведать тебе, что случилось. Джин узнал о нас с Хелен и убил ее. Не знаю, как именно он это обставил. Но пойми: когда они отправились вдвоем на конную прогулку, с его умом и силой ему не составило никакого труда избавиться от нее. Он решил убить заодно и меня. Он и сейчас этого хочет, а как ты знаешь, если Джин что-то решил, то обязательно доводит дело до конца. Именно поэтому я три дня и три ночи безвылазно просидел дома. Именно поэтому решил исчезнуть. Я не считаю себя храбрецом, физически я слаб. Ты знаешь, что Джин всегда брал надо мною верх. С тех пор как он убил Хелен, я боюсь его до дрожи. Он никогда меня не простит и непременно по-

ставит в задуманном точку. Я удивлен, что он не поехал за мной в Йеллоустонский парк. Впрочем, Джин не меньше моего любит работу, а скоро показ осенней коллекции. Думаю, он дождется моего возвращения. Я решил уехать только потому, что хочу сохранить себе жизнь. Увы, если я и вернусь, то произойдет это не скоро. Когда он обо всем узнает, то решит, что меня нет в живых. Возможно, у меня не получится сгинуть навеки. Поживем — увидим. Может, Джин сам помрет. В конце концов, люди смертны. Я пытаюсь спланировать свои действия, исходя из того, что знаю о нем, а знаю я достаточно много. Я допускаю: если на протяжении двух-трех лет или хотя бы года он будет считать меня мертвым, а потом я вдруг вернусь к жизни и начну работать так, как никому другому просто не под силу, возможно, он передумает меня убивать. Это только один из вариантов. Ладно, там поглядим. Прятаться вечно у меня не получится. Если каким-то чудом я вернусь до твоего дня рождения, то заберу это письмо у Генри и ты его никогда не прочтешь. Однако я все равно отправлю это письмо ему, чтобы ты узнала правду, если я никогда не вернусь. В предсмертной записке я напишу, что ты станешь достойной заменой мне. Напишу, что я твердо

верю — ты сможешь держать марку, поскольку обладаешь удивительным талантом — талантом, которым я так горжусь. Лишь эти единственные слова предсмертной записки будут правдой. Я напишу их совершенно искренне. Я души в тебе не чаю и очень тобой горжусь. Твой Дядя Пол». — Вулф сложил листки, сунул их обратно в карман и поднял взгляд. — Слово «дядя» написано с заглавной буквы, — уточнил он.

И у Полли Зареллы, и у Синтии в глазах стояли слезы.

Вдруг Полли резко вскочила, не удосужившись вытащить платок, вытерла глаза рукой и вонзила уничтожающий взгляд в Джина Домери.

— Я увольняюсь! — выкрикнула она. — Предупреждаю вас за две недели при свидетелях! Вы сказали, что теперь мне придется мириться и с вами! Как бы не так! Мы откроем новую компанию «Зарелла и Нидер»! Мы с Синтией вам покажем! Собираетесь на пару с Уордом Роупером конкурировать с нами? Тьфу!

Вместе с этим «тьфу» изо рта у нее вылетел плевок. Мне показалось, это произошло случайно.

— Мадам, сядьте, черт подери! — рявкнул Вулф.

Полли кинулась было к Синтии. Похоже, она

готова была прямо сейчас приступить к обсуждению деталей будущего совместного предприятия, но, услышав голос Джина Домери, остановилась.

— Ясно, — произнес Джин; голос его звучал спокойно, но выдавал, что Домери-старший очень напряжен. — Вы заманили меня сюда, чтобы обвинить в убийстве жены. И какие у вас доказательства? Истеричное письмо Пола Нидера? Что за вздорные фантазии!

— Вы не поняли, — покачал головой Вулф. — Меня интересует совсем другое. На вздорные фантазии нет времени. Письмо лишь прелюдия, а теперь мы займемся нашим делом. Итак, когда и где вы в последний раз виделись с мистером Нидером?

Джин покачал головой:

— От фантазий к фактам? Каким это «нашим делом» вы собрались заняться? Где и когда я его видел — мое дело, а никак не ваше. Вы вроде собирались рассмотреть какие-то факты?

— Так вы не станете отвечать на мой вопрос?

— Не стану, конечно. А с какой, вообще, стати? Я не обязан вам отвечать. Я вообще ничего не обязан делать.

— Вы совершенно правы, — согласился Вулф. — Однако позвольте заметить, что сейчас вы

ведете себя не очень умно. Полагаю, вы знаете, что вон те два джентльмена, сидящие на диване, — полицейские. Инспектор Кремер и сержант Стеббинс. Их присутствие здесь вовсе не наделяет меня властными полномочиями. Тем не менее совершенно очевидно, что, отказавшись отвечать мне, вы будете вынуждены ответить им. Кого вы предпочтете, решайте сами. Итак, давайте попробуем еще раз. Когда и где вы в последний раз видели мистера Пола Нидера?

И снова Джин показал, что способен быстро принимать здравые решения.

— Точной даты я вам не назову. Скажу только, что наша последняя встреча состоялась в офисе в начале мая прошлого года. Как раз перед тем, как он уехал в отпуск.

— Ну вот, — удовлетворенно пробурчал Вулф, — совсем другое дело. Ну а теперь, мистер Домери, несколько фактов, как я и обещал. Никакого самоубийства мистер Нидер в прошлом мае не совершал. Вы сами слышали, что говорится в письме. На прошлой неделе племянница видела его живым здесь, в Нью-Йорке. Желая остаться неузнанным, он отпустил бороду, надел очки и прилизал волосы, расчесав их на левый пробор. Многие видели его и сегодня утром, только те-

перь уже мертвым. Обстоятельства его смерти…

— Так вот что за сюрприз вы мне приготовили! — Инспектор Кремер в мгновение ока вскочил с дивана и, метнувшись к столу Вулфа, напустился на него: — Богом клянусь, на этот раз вы перегнули палку!

— Перестаньте! — с раздражением фыркнул Вулф. — Чем вы недовольны? Я же добыл для вас мистера Домери. Хотите прямо сейчас взять дело в свои руки? Вы готовы на это пойти? Или же позволите ознакомить его еще с кое-какими фактами?

Кремер оторвал глаза от Вулфа и огляделся. Когда взгляд инспектора упал на Синтию, по всей вероятности, в нем отразились не самые добрые чувства, поскольку девушка встала и пересела поближе к Демаресту.

Кремер неспешно подошел к освободившемуся красному кожаному креслу и сел в него. Таким образом, он оказался в самом центре кабинета — лицом к Джину Домери. Пэрли Стеббинс тоже пересел с дивана: тихо передвинул кресло и расположился позади Джина, на расстоянии вытянутой руки от него.

— Ну давайте излагайте свои факты! — прорычал Кремер.

Вулф перевел взгляд на Джина:

— Я как раз собирался сказать, что только мисс Нидер знала, чей труп обнаружили в офисе. Обстоятельства смерти неизбежно привлекли внимание полиции. Стражи закона принялись за дело. Вполне естественно, в первую очередь следствие хотело установить, кто именно был убит. Как видите, мистер Домери, мистер Кремер крайне недоволен тем, что ни один из тех, кто это знал, не посчитал нужным поделиться с ним своим знанием. Мисс Нидер, мистер Гудвин и я скрыли эти сведения от инспектора. Сейчас он возмущен, что очень глупо с его стороны. Знай он, что убит мистер Нидер, скорее всего, сосредоточил бы все свои подозрения на мисс Нидер. И это было бы вполне естественно с его стороны. Во-первых, она присутствовала на месте преступления. Во-вторых, у нее имелся мотив — сохранить за собой наследство, завещанную дядей половину компании. В сложившейся ситуации главной задачей полиции было установление личности жертвы. Даже не знаю, мистер Домери, в курсе ли вы, какие силы полиция Нью-Йорка способна бросить на исполнение этой задачи. Будьте уверены, полиция отрядила бы всех своих людей на поиски следов, оставленных бородачом в очках

с прилизанными волосами, расчесанными на левый пробор. Это как раз один из тех фактов, над которыми я прошу вас поразмыслить. Думаете, полицейские ничего бы не выяснили? Наверняка нашли хотя бы одного свидетеля, который видел бородача в очках. Я стараюсь быть с вами максимально честным и откровенным. Например, вполне вероятно, что отыщется свидетель или свидетели, которые расскажут полиции, что видели этого бородача в очках беседующим на улице или в каком-либо ином общественном месте с человеком вашей наружности. А потом те же свидетели вас опознают. Ведь такое вполне может произойти. Вы со мной согласны? — Вулф поднял палец к потолку и вдруг, согнув его, ткнул им в направлении Джина. — Я прямо вас предупреждаю! Вы сказали, что видели Пола Нидера год назад. В этом нет ничего предосудительного. Но теперь будьте внимательны и осторожны. Если и после всего сказанного мной вы продолжите врать, не обессудьте, коль скоро мы заподозрим… Поглядите на его лицо, мистер Кремер!

Вулф, не опуская пальца, выдержал театральную паузу, позволив тишине сделать свое дело. Все присутствующие уставились на лицо Джина. Голос Вулфа прозвучал как щелчок кнута:

— Мистер Домери, когда и где вы видели Пола Нидера в последний раз?

Это было ужасно. Никто не выдержал бы подобного давления. Что мог поделать Джин со своим лицом? Что ему было ответить?

Он не проронил ни слова.

Вулф откинулся на спинку кресла и, прищурившись, посмотрел на Домери-старшего.

— Мы можем продолжить свои рассуждения, — изрек Вулф лекторским тоном. — Почему вы решили, что самоубийство мистера Нидера было инсценировкой? Вероятно, прекрасно зная склад его характера, вы не поверили, что ему хватит духу раздеться и прыгнуть в кипящий гейзер. Согласен, на такое способны не многие. Так или иначе, мистер Нидер был прав. Вы ему ничего не простили и не отказались от мести. Вы сочли слишком опасным нанимать кого-либо для поисков мистера Нидера, а сами могли потратить на них долгие годы. И вы решили его выманить. Взяли с собой за компанию племянника и отправились рыбачить во Флориду, где с его помощью инсценировали собственную смерть. Кстати, интересно, что именно вы сочли нужным ему рассказать? Вы полностью раскрыли карты или…

— Нет! — воскликнул Бернард и вскочил, но

повернулся не к дяде и не к Вулфу, а к Синтии, сидевшей теперь позади него. Именно к ней он обратился с пламенной речью: — Слушай, Синтия, скажу тебе как на духу! Я не собираюсь вилять, уклоняться от ответственности и лгать. Поверь, все, что он натворил, он сделал сам, по собственной воле. Я ничего не знал. Он использовал меня втемную. — Бернард резко повернулся к дяде. — Ты врал, что на тебя кто-то точит зуб, что твоя жизнь в опасности. Ты ни словом не обмолвился о Поле Нидере. Естественно! Ведь я-то думал, что он мертв. Ты сказал, что, если твой неведомый враг решит, будто ты погиб, он предпримет некие шаги и ситуация вскоре изменится, а ты «воскреснешь». Я не знал, о ком ты говоришь! Я не знал! — Он снова повернулся к Синтии. — Я, право, ничего не знаю, но скажу одно: будь я проклят, если и дальше позволю тебе слушать гнусную ложь о том, будто я замешан в этом преступлении!

— Заткнись и сядь! — велел ему дядя.

Бернард резко оглянулся на него, но Вулф кивнул, останавливая молодого человека:

— Большое спасибо, сэр. Благодаря вам кое-что прояснилось. Однако вопросов осталось немало. — Он обратился к Джину: — Например, эта

ваша встреча в офисе с бывшим компаньоном. Вы назначили ее на вторник вечером, чтобы обсудить дела и прийти к взаимопониманию? Занятное, наверное, выдалось свидание. Какое-то время он считал, что вас нет в живых, да и вы полагали, что он мертв. Вы пытались его убедить, что непричастны к гибели своей жены? И зачем вам понадобилось убивать его в офисе? Что, других мест мало? Это была бравада? Вы специально решили оставить его там, на полу, с обезображенным лицом или просто торопились и хотели предотвратить его встречу с мисс Нидер и мистером Демарестом? И вообще, зачем вы разворотили ему лицо крюком? Потеряли голову? Вы же не боялись, что его опознают. Его уже давно считали мертвым.

— Он, словно волк, терзал бездыханное тело, — с пафосом произнесла Полли Зарелла.

— Возможно. — Вулф едва заметно пожал плечами. — Можете его забирать, мистер Кремер. Я с ним закончил.

— А где еще факты? Я рассчитывал на большее, — сердито уставился на Вулфа инспектор.

— Чего вы еще хотите? — возмущенно фыркнул Вулф. — Сами видели выражение его лица. Да хоть сейчас взгляните на него: ваш подопечный

до сих пор не может с собой совладать. Я позвонил вам, предупредил, что сдам вам убийцу с рук на руки, и сдержал обещание. Вот он — забирайте. Свою часть работы я сделал, теперь ваш черед приниматься за дело. Прошлым вечером он зашел в здание, где совершил преступление, а потом из него вышел. Шапки-невидимки на нем не было. Большего вам и не нужно.

Кремер поднялся. Пэрли Стеббинс уже стоял.

— Тогда я прошу вас только об одном, — сказал инспектор, сделав шаг к столу Вулфа. — Отдайте письмо Нидера. — Он протянул руку. — Насколько я помню, оно у вас в нагрудном кармане.

Вулф покачал головой:

— Я его оставлю себе, а лучше вообще сожгу. Оно мое.

— Черта с два оно ваше!

— А чье же еще? Почерк-то мой. Я сам его написал, пока Арчи ездил за преступником, а мистер Демарест мне подыграл. Оно вам не понадобится. Заберите же наконец убийцу и принимайтесь за работу.

Глава 14

С огромным удовлетворением должен отметить, что на этот раз Вулф перехитрил сам себя. Он много чего не любит, но особенно ненавидит выступать в суде свидетелем. Обычно он обставляет все крайне аккуратно, чтобы, не приведи Господь, не получить повестки в суд. Буквально на прошлой неделе я с огромным удовольствием сидел в зале суда и любовался, как Вулф дает показания, расположившись на месте для свидетелей.

Окружной прокурор был не уверен в исходе процесса, и ему повезло, что Вулф на этот раз выступал на стороне обвинения. Повезло и Синтии, потому что Вулф выставил ей счет до того, как выяснилось, что его потащат в суд. В противном случае бедняжке пришлось бы продать половину своей доли в компании, чтобы расплатиться с ним.

Вчера утром Вулф прочитал свежие газеты и снова разворчался. Узнал, что присяжным потребовалось всего два часа и сорок минут, чтобы вынести решение по делу и признать Джина Домери виновным в предумышленном убийстве.

По словам Вулфа, это еще раз доказывало, что он зря таскался в суд и вполне можно было обойтись и без его показаний.

Владельцы «Домери и Нидер» заверили меня, что теперь я могу прийти на любой показ любой коллекции — на мое имя всегда будет зарезервировано место в первом ряду. Более того, я вправе выбрать все, что придется по вкусу. Мне это тут же вышлют с наилучшими пожеланиями на любой адрес. А я-то думал, Синтия меня раскусила и поняла, чего мне надо. Увы, женщинам всегда наплевать на чужие чувства. Думаю, где-то через месяц она беспечно, с легким сердцем пришлет мне приглашение на свою свадьбу.

Цветов не посылать

Глава 1

На мой взгляд, это было одно из самых блестящих расследований Ниро Вулфа, хотя он и не получил за работу ни цента.

Возможно, да, а возможно, и нет, Вулф просто сделал любезность старому другу Марко Вукчичу, одному из трех человек во всем мире, называвших Вулфа по имени — Ниро. Однако этим все не ограничивалось. За пределами дома Вулф воистину наслаждался едой лишь в ресторане «Рустерман», которым владел и управлял Марко. Прежде чем обратиться к Вулфу с просьбой, Марко накрыл для нас роскошный обед в отдельном кабинете. И заговорил о своей нужде не раньше, чем туда вкатили тележку с сырами. Более того, попавший в беду человек был шеф-поваром.

— Должен признать… — начал Марко и подался вперед, чтобы положить мне еще один ломтик кремонской горгонзолы, — что он давно лишил себя права претендовать на уважение профессионалов. Однако в юности я работал под его началом в ресторане «Мондор» в Париже. Тогда ему было тридцать лет, и он готовил лучшие соусы во всей Франции. Он был гением и

человеком широчайшей души. Да чтоб я этим сыром подавился, если буду сидеть сложа руки, когда его обвиняют в убийстве, которого он не совершал! — Марко взмахнул рукой, в которой сжимал длинный узкий нож. — Но что я могу? Я всего лишь трактирщик, а ты — великий сыщик и, кроме того, мой друг. Поэтому я обращаюсь к тебе с просьбой: спаси его. Да и не только к тебе. К Арчи тоже. — Марко показал на меня ножом. — Ты ведь, надеюсь, тоже мне друг?

Я с жаром кивнул. После такого роскошного обеда и вина я питал к Марко особенно теплые чувства.

— Конечно, — заверил я. — Только не перегибайте палку с комплиментами. Я так, мальчик на побегушках.

— Ха! — недоверчиво хмыкнул Марко. — Друг, не рассказывай мне сказки, уж я-то знаю, чем ты на самом деле занимаешься. О деньгах не беспокойтесь. Я, разумеется, все оплачу.

Вулф, заворчав, посмотрел на ресторатора. Большая физиономия Вулфа, отнюдь не казавшаяся крупной на фоне его гигантских габаритов, чуть раскраснелась и сияла от удовольствия, как, собственно, и всегда после отменной трапезы. Однако в его глазах явно читалась досада, которая

и вызвала недовольное ворчание.

— Пф! — фыркнул Вулф, внимательно поглядев на друга. — Что я слышу, Марко? Если ты хочешь меня нанять и оплатить мои услуги, такие вещи следует обсуждать у меня в кабинете, а не у тебя за столом. Если же ты обращаешься ко мне как к другу, к чему разговоры о деньгах? Неужели ты стольким обязан этому человеку… Кстати, как его зовут?

— Помпа. Вирджил Помпа.

— Неужели ты стольким ему обязан, что просишь меня помочь ему и при этом взываешь к нашей дружбе?

— Да, — с едва заметным раздражением ответил Марко. — Черт подери, разве я этого уже не сказал?!

— В таком случае у меня нет выбора. Приходи ко мне завтра к одиннадцати. Там обо всем и расскажешь.

— Так не пойдет, — заявил Марко. — Он в тюрьме, его обвиняют в убийстве. Ты представить не можешь, сколько времени я убил сегодня, пытаясь пробиться с адвокатом к нему на свидание. Опасность дышит ему в спину, он полумертв от страха. Ему шестьдесят восемь лет.

— Боже мой! — вздохнул Вулф. — Я хотел обо

всем поговорить в спокойной обстановке. Проклятье! А что, если он действительно убийца? Судя по тому, что пишут газеты, очень на то похоже. Почему ты так уверен в его невиновности?

— Да потому, что виделся с ним и разговаривал. Да, я допускаю, что Вирджил Помпа мог убить человека и у него хватило бы мозгов наврать полицейским и адвокатам. Но он бы не смог, глядя мне прямо в глаза, сказать того, что сказал сегодня, и вести себя так, как он себя вел. Я хорошо его знаю. — По-прежнему сжимая в руке нож, Марко перекрестился, отчего стал похож на рыцаря с мечом. — Клянусь тебе, Ниро, он никого не убивал! Этого достаточно?

— Достаточно. Давай рассказывай, что случилось, но сперва положи мне еще сыра. — Вулф подвинул к нему свою тарелку.

— Бондон?

— Положи понемногу каждого. Я еще не решил, какой из них мне нравится больше всего.

Глава 2

На следующий день, в среду, в половине девятого утра Вулф едва не подавился кофе от ярости. Случилось это у него в спальне, где он обычно завтракал. Каждое утро именно туда Фриц приносил поднос с едой. Вулфа вывел из себя дворецкий. Если я хоть что-то понимаю в этой жизни, то мужской голос в телефонной трубке принадлежал именно дворецкому. Сперва он уточнил, как пишется фамилия Вулфа, а потом, заставив его ждать изрядное время, известил, что миссис Уиттен не расположена к разговору с газетчиками. Странно, что после такого двойного оскорбления Вулф вообще вспомнил о кофе, оставшемся в чашке. А вот в том, что напиток попал ему не в то горло, я не усмотрел ничего удивительного.

Впрочем, особого выбора у нас не имелось. Коль скоро мы с Вулфом решили доказать, что дружба с Марко для нас не пустой звук, надо было браться за дело, а для этого переговорить с миссис Уиттен и другими членами ее семьи.

Из газет и рассказа Вирджила Помпы в изложении Марко мы усвоили, что речь идет о сугубо семейном деле. Еще полгода назад миссис Флойд

Уиттен, тогда миссис Х. Р. Лэнди, была вдовой и единоличной владелицей сети закусочных «Амброзия». Если вы не отшельник, то вам наверняка попадались на глаза эти ресторанчики. Лично я обожаю «Амброзию 19» на Гранд-Сентрал-парквей, возле Форест-Хиллса, на Лонг-Айленде. А еще «Амброзию 26» на шоссе 7, к югу от Данбери, и «Амброзию 47» на шоссе 202, во Флемингтоне, штат Нью-Джерси.

Сеть раскинула свои щупальца на двенадцать штатов. По статистике, эти заведения ежедневно посещают девяносто четыре тысячи американцев, а может, даже девяносто четыре миллиона. Сколько именно, я запамятовал.

Основатель сети Х. Р. Лэнди работал не покладая рук днями и ночами, расширял свою империю как мог, но, открыв «Амброзию 109», надорвался и помер, завещав все жене. Кроме сети закусочных, он оставил супруге двоих сыновей и двух дочек. Старшему сыну Джерому шел тридцать третий год, и он являлся совладельцем нью-йоркской риелторской компании. Мортимер в свои тридцать один выполнял кое-какую работенку на радио и крутился в шоу-бизнесе. Пожалуй, лишь налоговое ведомство могло ответить, как ему удается сводить концы с концами. Старшей дочери Еве

исполнилось двадцать семь. Она была замужем за неким Дэниелом Баром, который вел популярную колонку в газете, сумевшей охватить раза в три больше штатов, чем сеть «Амброзия». Младшенькая, Фиби, двадцати четырех лет, окончила частный женский колледж Вассара и помогала матери управлять «Амброзией».

Однако главным образом управление сетью после смерти Лэнди легло на плечи Вирджила Помпы. Много лет назад Лэнди вскружил ему голову огромными барышами, и Вирджил забросил изыски кулинарного искусства, чем, по выражению Марко, лишил себя права претендовать на уважение профессионалов. Впрочем, взамен Вирджил снискал уважение иного рода. Он стал главным помощником Лэнди, вторым лицом в его компании. После кончины Лэнди Помпа, по сути дела автоматически, взял в руки все бразды правления. Однако со временем с этим возникли определенные сложности. Вдова стала лезть с разными идеями и предложениями. В частности, ей пришла в голову светлая мысль о том, что штурвал надо передать Мортимеру. Эксперимент продлился два месяца. Жирную точку в нем поставил сам Мортимер, после того как приобрел на черном рынке восемь грузовиков червивой ба-

ранины. Власть вновь оказалась в руках Помпы. Вдова, естественно, по-прежнему вмешивалась, немало его раздражая. Но главное, от Мортимера удалось избавиться, и Вирджил решил поработать хотя бы до своего семидесятилетнего юбилея. Затем дела и вовсе пошли на лад. Миссис Лэнди вышла замуж за Флойда Уиттена и укатила на три месяца в свадебное путешествие по Южной Америке. После возвращения в Нью-Йорк, увлеченная новым супругом, она наведывалась в центральный офис «Амброзии» в Эмпайр-стейт-билдинге всего один-два раза в неделю. Что же касается Фиби, то, по словам Помпы, девушка от работы не отлынивала и, в отличие от матери, прислушивалась к голосу рассудка.

И вдруг около месяца назад миссис Уиттен заявила, что Помпе в силу почтенного возраста пора на покой, и потребовала не мешкая ввести в курс дел и подготовить к управлению компанией ее мужа.

О Флойде Уиттене мы в основном знали со слов Помпы в пересказе Марко, но кое-что почерпнули из газет. За год до смерти Лэнди Уиттен уже работал в «Амброзии» — возглавлял отдел по связям с общественностью. Этот свой пост он сохранил после кончины шефа, но после женитьбы на хо-

зяйке и свадебного путешествия возвращаться к нему не стал. Либо он хотел проводить побольше времени с новобрачной, либо она — с ним, либо это желание было взаимным.

По отзывам Помпы, Уиттен был не лишен обаяния и умел работать языком. Слишком самовлюбленный и эгоистичный, чтобы связать себя узами брака, он долгое время состоял в связи со своей ровесницей, мисс Джули Алвинг, зарабатывавшей на жизнь оптовыми закупками игрушек для универмага «Медоуз». У нас сложилось впечатление, что Помпу больше всего бесили в Уиттене три вещи. Во-первых, тот женился на даме, старше его чуть ли не на пятнадцать лет. Во-вторых, ради этого он порвал с Джули Алвинг. В-третьих, Уиттен всегда держал в кабинете про запас свежие рубашки и переодевался после ланча. Ни для кого не составляло тайны, что всякий раз, когда Уиттен, проявляя инициативу, направлял Помпе бумагу с предложениями по реорганизации бизнеса, тот неизменно заворачивал ее, наложив резолюцию: «Отказать за недостатком средств».

Вот как обстояли дела к вечеру понедельника, пятого июля, — за сутки до того, как Марко попросил Вулфа спасти обвиненного в убийстве

Помпу. Поскольку День независимости выпал на воскресенье, понедельник объявили выходным. Тем не менее миссис Уиттен, сгоравшая от желания поскорее увидеть мужа во главе «Амброзии», именно на понедельник, на половину девятого вечера, назначила деловую встречу в своем доме в районе Семидесятых улиц, между Пятой и Мэдисон-авеню. Супруги собирались приехать из своего загородного поместья под Катоной, которое покойный мистер Лэнди именовал «Амброзией 1000». Несмотря на такое название, это было частное имение, а не ресторан. Во время встречи Помпе предстояло поделиться с Уиттеном своими знаниями.

Помпа, как было велено, подъехал на такси к нью-йоркскому дому, некогда принадлежавшему Лэнди, а теперь, по сути дела, Уиттену, ровно в половине девятого. С собой он привез огромный кожаный чемодан, набитый ножами, ложками, вилками и всякой всячиной, но больше всего там было ножей. Когда о случившемся пронюхала желтая пресса, писаки из бульварных газетенок подсчитали, что всего в чемодане лежало 126 ножей с длиной лезвий от полутора дюймов до двадцати восьми. Это ж надо, до чего тщательно убийца готовился к преступлению, изумлялись

газетчики. На самом деле Помпа притащил чемодан со всей этой дребеденью по очень простой и довольно дурацкой причине. Миссис Уиттен, решив поставить мужа во главе «Амброзии», сочинила список из более ста пунктов, включавший все премудрости, которыми он должен овладеть. Общими усилиями им с Помпой удалось добраться до пункта № 43 — «Приобретение столовых приборов».

Помпа несколько раз нажал на кнопку дверного звонка, но никто ему не открыл. Его это нисколько не удивило. Он знал, что все слуги на лето перебрались в «Амброзию 1000», а мистер и миссис Уиттен имеют все шансы долго простоять в праздничных пробках. В действительности на крыльце он прождал всего несколько минут. Довольно скоро подъехала длинная низкая машина, изготовленная на заказ. За рулем сидел Уиттен, а рядом с ним — его супруга. Уиттен открыл ключом дверь, и они зашли в дом.

Помпе не раз доводилось бывать в этом четырехэтажном особняке, и он прекрасно здесь ориентировался. На первом этаже находился зал для приемов, справа — большая гостиная, а в глубине здания — столовая. Лестница располагалась слева от зала. Помпа с супругами

поднялся прямо на второй этаж, в кабинет покойного Лэнди, поступивший теперь во владение миссис Уиттен. Они сразу перешли к делу. Помпа открыл кожаный чемодан и вытащил ножи. Уиттен, сама любезность, изо всех сил изображал заинтересованность, хотя на самом деле был убежден, что на пункт № 43 глупо тратить время. Приобретение столовых приборов, с его точки зрения, являлось недостойной мелочью, которую можно поручить кому-нибудь из подчиненных. Однако миссис Уиттен всерьез вознамерилась обеспечить супругу всестороннюю подготовку, и потому они битый час потратили на изучение содержимого чемодана Помпы. Только после этого Уиттен сумел завести разговор о том, что его на самом деле интересовало. Он заговорил о руководителях отделений.

Уиттен хотел как можно скорее уволить руководителей четырех отделений, а еще одного перевести на работу в головной офис в Нью-Йорк. Ровно через пять минут он начал подпускать шпильки и перешел на личности, а Помпа разорался во всю мощь своей глотки. По свидетельству Марко, Помпа орал постоянно и с этим ничего нельзя было поделать. Миссис Уиттен, вмешавшись в спор, приняла сторону супруга,

что стало последней каплей. Помпа взревел, что с него хватит, довольно, баста, он увольняется, и, вылетев из кабинета, бросился вниз по лестнице. Хозяйка, кинувшись следом, нагнала его в зале для приемов и, схватив за рукав, притащила в гостиную. Там она принялась слезно умолять Помпу быть снисходительнее, но коса нашла на камень. Тогда она буквально силой заставила его сесть и продолжила уговоры. Она буквально на коленях умоляла его. По ее словам, она полностью отдавала себе отчет в том, что без долгой, всесторонней и тщательной подготовки никто не сможет справиться с управлением столь крупной и разветвленной сетью закусочных, какой владеет она. Это не под силу никому — даже Флойду. Да, она попыталась передать руководство компанией Мортимеру, что было ошибкой с ее стороны, но она извлекла из этого урок. Она лишь просит Помпу проработать еще один год — и больше ничего. Она знает, что он ничем ей не обязан, а уж Флойду и подавно, но пусть он подумает о ее покойном муже и самой компании. Неужели он бросит эту великолепную империю, к созданию которой приложил руку? Что же касается руководителей отделений, из-за которых вышел спор, то она лично обещает Помпе, что в

ближайшие полгода на пушечный выстрел не подпустит Флойда к решению кадровых вопросов такого уровня. Помпа, сдавшись, промямлил, что Флойду вообще не следовало заводить речь о руководителях отделений. Миссис Уиттен с готовностью с ним согласилась, поцеловала его в щеку и, взяв за руку, повела через зал приемов к лестнице. По прикидкам Помпы, они просидели в гостиной при закрытых дверях около получаса.

Когда Помпа с миссис Уиттен поднимались по лестнице, из столовой донесся грохот, словно там что-то упало на пол. Миссис Уиттен ахнула и испуганно пробормотала: «Боже мой!» Помпа быстрым шагом направился к столовой и рывком распахнул дверь. В комнате было темно, однако из коридора проникало достаточно света, чтобы разглядеть внутри силуэты людей. Шагнув к стене, Помпа нашарил выключатель и щелкнул им. К этому моменту на пороге уже стояла миссис Уиттен. Когда вспыхнул свет, оба — и она, и Помпа — застыли разинув рот. В столовой и в самом деле оказались люди. Пятеро человек, уже успевших вскочить. Двое сыновей Лэнди, Джером и Мортимер, и две его дочери, Ева и Фиби. Пятым оказался зять миссис Уиттен, супруг Евы, Дэниел Бар. Как выяснилось, шум, привлекший

внимание миссис Уиттен и Помпы, был вызван падением торшера.

Помпа, искренне полагавший, что сыновья и дочери владелицы компании находятся на расстоянии многих миль и радуются выходному, так и остался стоять с разинутым ртом. Несколько мгновений не могла прийти в себя и миссис Уиттен. Наконец, собравшись с духом, она попросила Помпу выйти и обождать ее в гостиной. Ее голос дрожал — то ли от гнева, то ли от каких-то других переполнявших женщину чувств. Помпа вышел, притворив за собой дверь столовой, после чего встал в коридоре и навострил уши.

В основном до него доносились голоса Джерома, Евы, Дэниела Бара и миссис Уиттен. Именно Бар, зять хозяйки, не испытывавший к ней трепетных чувств, сообщил, для чего они все собрались в особняке. Как оказалось, они решили, не откладывая дела в долгий ящик, тайно встретиться, чтобы обсудить ситуацию с Флойдом Уиттеном. Что стоит за ее намерением подготовить его к исполнению обязанностей главы компании? Неужели она собирается передать ему власть над источником их семейного дохода? Может, потом она и вовсе отпишет компанию в его собственность? Если так, нельзя ли что-нибудь

предпринять? Лично он, Бар, приехал на встречу, потому что его попросила об этом Ева. Он только рад, что мистер и миссис Уиттен неожиданно вернулись домой, и просто счастлив, что шум упавшего торшера выдал собравшихся. Они уже два часа сидят в темноте и не смеют даже пикнуть. Уйти побоялись, не будучи уверены, что им удастся скрыться незаметно, ведь окна верхних этажей выходят на улицу. Так они и сидели, трясясь от страха и переговариваясь тихим шепотом. Поведение, согласитесь, совершенно нелепое для взрослых культурных людей. Вместо того чтобы устраивать тайные заговоры, подобные вещи следует обсуждать открыто. Поэтому сейчас стоит подняться за Уиттеном, попросить его спуститься вниз и все обговорить. Ну а если произойдет свара… Что ж, чему быть, того не миновать. Главное — расставить все точки над «i».

Как отмечал Помпа, другие тоже пытались вставить свое слово, но поскольку в силу профессии язык лучше всего подвешен у Бара, то и говорил он больше всех. Реакция миссис Уиттен весьма удивила Помпу. Он полагал, что сейчас хозяйка им задаст, разнесет в пух и прах, напомнив, как обожала делать, что сеть закусочных «Амброзия» принадлежит лишь ей одной, но

этого не произошло. По всей видимости, миссис Уиттен слишком сильно потрясло, что дети собрались от нее тайком, чтобы единым фронтом выступить против ее любимого Флойда. Она не стала выть и причитать, но была на грани срыва. С горечью в голосе стала корить детей: как им вообще могло прийти в голову, что она захочет лишить их доли в предприятии отца? Некоторые из присутствующих попросили прощения. Наконец Бар снова перехватил инициативу и завел речь о том, что нужно позвать Уиттена и вместе с ним, сообща прийти к взаимопониманию. Раздались одобрительные возгласы. Миссис Уиттен тоже склонялась к тому, чтобы дать добро. В этот момент Помпа решил, что и без того задержался, пора и честь знать. Он проследовал к двери, вышел и отправился домой.

Больше мы от Помпы ничего не узнали. Он уже ушел, когда миссис Уиттен вместе с сыном Джеромом и зятем Дэниелом Баром поднялась наверх за Уиттеном и обнаружила его лежащим ничком на столе. У него из спины торчал нож с острым узким лезвием длиной восемь дюймов. Один из тех, что привез Помпа.

Глава 3

Как я уже сказал, в среду утром Вулф, не закончив толком завтракать, приступил к спасению старого Вирджила Помпы. Попытался дозвониться до миссис Уиттен, но в результате только подавился кофе. Громогласно заперхал, тяжело и прерывисто вздохнул, потом снова зашелся в кашле.

— Когда сердишься, лучше не пить, — сообщил я Вулфу. — Эмоции и пищеварение вообще очень тесно связаны. Кроме того, я полагаю, с вами разговаривал всего лишь дворецкий. Понятное дело, миссис Уиттен перевезла в город прислугу из загородного поместья. Вполне допускаю, что дворецкий о вас никогда не слышал. Вас это волнует? Меня — нет.

Окончательно откашлявшись, Вулф снял куртку шелковой желтой пижамы, оголившись до пояса. Вулф был воистину огромен. Если бы с него спустили шкуру, то ее хватило бы на сапоги четырем взводам солдат. Отшвырнув куртку, Вулф хмуро на меня посмотрел:

— Мне нужно встретиться с теми, кто был в особняке. Желательно со всеми. С миссис Уиттен

— обязательно. Похоже, она держит семью в ежовых рукавицах. Узнай о ней как можно больше.

На это у меня ушел весь день.

Я счел достаточно разумным начать с отдела по расследованию убийств. Принимая во внимание обстоятельства, банального телефонного звонка было недостаточно. Покончив с домашней рутиной, я направился на Двадцатую улицу. К инспектору Кремеру попасть не удалось. Пришлось довольствоваться сержантом Пэрли Стеббинсом. Поскольку я не мог пустить в ход единственную наличествующую в моем распоряжении наживку, у меня оказались связаны руки. Я имел серьезные основания полагать, что и сама миссис Уиттен, и ее детишки весьма невнятно объяснили, зачем им понадобилось тайком собираться в столовой и сидеть в темноте целых два часа. Вполне допускаю, что им пришлось что-нибудь соврать полиции. Таким образом, я располагал конфиденциальной информацией, но использовать ее не мог. На первом же допросе Помпа заявил, что, исполняя просьбу миссис Уиттен обождать в гостиной, он так и сделал, а потом, когда ему наскучило там сидеть, отправился домой. Старый дурак постыдился признаться, что стоял под дверью и подслушивал. Теперь с этим

уже ничего нельзя было поделать. Если бы он попытался изменить показания или мы с Вулфом решили рассказать копам правду, итог был бы один: нам никто не поверил бы, а положение Помпы стало бы еще хуже.

Таким образом, мне ничего не оставалось, кроме как сказать Пэрли, что к Вулфу обратились за помощью и попросили доказать невиновность Помпы. Сержант надулся словно индюк. Неколебимо уверенный в виновности Помпы, он надменно пофыркал, но потом, сменив гнев на милость, кое-что рассказал. Как я и думал, семейка миссис Уиттен не стала сообщать полиции истинную цель тайного собрания. По версии ее детей, они встретились для того, чтобы обсудить щекотливую ситуацию, в которую угодил Мортимер. Соблазненная им девица забеременела, родила и теперь подала иск об установлении отцовства. Понятное дело, что маму в это не посвящали, жалея ее нервы. И поскольку Вулф постановил считать слова Помпы святой истиной, мне оставалось признать семейство миссис Уиттен сборищем бесстыжих лжецов. Пэрли всласть повеселился, острил не переставая. В кои-то веки Вулф взялся за безнадежное дело и наконец сядет в лужу. Я не стал спорить и отвечать ударом на

удар. Проглотил все, в том числе и кое-какие полезные сведения. По версии убойного отдела, с которой согласился окружной прокурор, случилось следующее: когда миссис Уиттен отослала Помпу ждать в гостиную, в какой-то момент ему стало скучно и, вместо того чтобы сидеть и убивать время, он поднялся наверх и убил Уиттена, который собирался отправить его на покой.

Весь день я потратил на сбор информации о миссис Уиттен и ее отпрысках. В общей сложности мне пришлось повидать человек восемь-девять. Поскольку на этот раз мы с Вулфом работали бесплатно, все расходы ложились на наш бюджет, и потому я никого не стал угощать выпивкой. В частности, я поговорил с парочкой людей, работавших на радио, агентом по недвижимости, который однажды обращался к Вулфу за помощью, разносчиком сплетен, ну и, конечно же, со своим другом-журналистом Лоном Коэном из «Газетт». Почти до самого вечера он занимался чем-то неотложным, поэтому встретился с ним я очень поздно и в результате вернулся в особняк на Западной Тридцать пятой улице прямо к обеду. Марко Вукчич был уже там.

После обеда, ничуть не уступавшего вчерашнему, которым нас угощал Марко, мы втроем

перебрались в кабинет. Вулф устроился за своим столом в кресле — единственном на земле, которое он любил. Марко опустился в красное кожаное кресло, а я остался стоять — хотелось размяться.

— Телевизор включить? — вежливо предложил Вулф.

— Я тебя умоляю! — всплеснул руками Марко. — Какой телевизор? Помпа того и гляди умрет. Быть может, уже сегодня ночью отдаст Богу душу.

— С чего ему умирать?

— От страха, гнева и ужаса. От старости.

— Вздор! Он всех нас переживет, — покачал головой Вулф. — Марко, ты же сам вчера признал, что ты трактирщик, а не сыщик. Не надо меня подгонять. Арчи, что тебе удалось выяснить?

— Ничего. — Я отодвинул кресло и сел к себе за стол. — Мы по-прежнему исходим из того, что рассказ Помпы — чистая правда от первого до последнего слова?

— Да.

— В таком случае дети миссис Уиттен врут об истинных целях их встречи. Я не смогу назвать лжецом лишь Дэниела Бара, мужа Евы. Этот просто заявил, что они обсуждали некое семейное дело, о котором он бы предпочел не

распространяться. Все остальные твердят, будто встретились, чтобы обговорить непростое положение, в которое угодил Мортимер. Он закрутил роман с некой…

— Не важно. Что миссис Уиттен?

— Врет, как и ее дети. Не исключено, что эту ложь придумала она и заставила своих отпрысков ее повторить. Даже когда был жив Лэнди, многие решения в семье принимала она, а после его смерти забрала в свои руки всю власть. При этом она стояла горой за семью и никогда не ущемляла интересов близких. Правда, так было, пока на горизонте не появился Уиттен. После замужества она неизменно вставала на его сторону. При этом не выказывала никаких намерений устраниться от участия в делах компании. Месяц назад все изменилось. Она отдала Уиттену огромный кабинет в угловой части здания, некогда принадлежавший ее покойному мужу. После смерти хозяина Помпе даже в голову не пришло туда перебраться. Ей пятьдесят четыре, она достаточно умна, следит за собой, выглядит вполне здоровой…

— Тебе удалось с ней встретиться?

— Какое там! Ведь даже вам не удалось поговорить с ней по телефону.

— Хочу спросить про ее сына Мортимера. Он и вправду влип? Ему срочно нужны деньги?

— Полагаю, что да. А кому они не нужны? Однако должен сказать, что положение, в котором он оказался из-за истории с девушкой, никак не назовешь отчаянным. Это не повод для семейного совета. Что же касается денег, вот что я вам скажу. Вполне возможно, что деньги нужны им всем. Джером занимается торговлей недвижимостью, ему принадлежит доля в компании, но он живет на широкую ногу и привык сорить деньгами. Мортимер мог задолжать миллион. Боюсь показаться банальным, однако не исключено, что Ева с мужем обожают играть на скачках. Вполне допускаю, что Фиби захочет заняться наркобизнесом. Знаю: учитывая ее возраст, подобное желание выглядит странным — все-таки рановато торговать наркотой в двадцать четыре года, но чего только не бывает… Есть много…

— Арчи, хватит трепаться! Докладывай, что тебе удалось узнать.

Я так и сделал. У меня ушел час с лишним на то, чтобы изложить все те крохи информации, которые удалось добыть. Вулф слушал, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, а Марко все больше и больше заводился. Когда мы покончили

с вопросами и ответами, Марко не выдержал и взорвался:

— Боже всевышний! Если бы я так готовил обед, мои гости загнулись бы от голода. Помпа умрет за решеткой, но не от страха, а от старости.

Марко не был обычным клиентом, поэтому Вулф снисходительно отнесся к его вспышке.

— Друг мой, — терпеливо произнес он, — когда ты готовишь обед, отбивная, в отличие от убийцы, не пытается от тебя улизнуть, пустив для этого в ход весь свой ум, изворотливость, решительность и хитрость. Мы исходим из того, что мистер Помпа, как ты уверяешь, невиновен. Таким образом, как минимум одного из шести людей, присутствовавших в особняке, прикрывает щит, который не отбросишь простым щелчком. Подчеркиваю: как минимум одного! А ведь нельзя исключать и сговор. Возможно, пока миссис Уиттен и мистер Помпа беседовали в гостиной, убийца — с ведома остальных собравшихся — поднялся наверх и совершил преступление. Однако, чтобы добиться подвижек в расследовании, его надо начать, а мы им толком даже не занялись. — Вулф глянул на часы, которые показывали десять минут одиннадцатого, и повернулся ко мне. — Арчи…

— Да, сэр?

— Доставь сюда миссис Уиттен и по возможности ее родных, присутствовавших в особняке. Чем больше народу тебе удастся сюда заманить, тем лучше.

— Слушаюсь. Когда вы хотите с ними встретиться? На этой неделе?

— Сегодня же вечером. Немедля.

— Вы что, серьезно? — вытаращился я на него.

— Более чем. — Вулф и вправду не шутил. — Возможно, эта задача тебе не по силам, но попытка не пытка. Проклятье, да посмотри на Марко! Замани ко мне хотя бы младшую из дочерей. Понять не могу почему, но девушки ее возраста готовы отправиться с тобой хоть на край света.

— Мой секрет прост: я пленяю девушек своим вставным глазом и деревянной ногой, — сказал я и встал. — Сегодня среда. Наберитесь терпения. Надеюсь, к субботе управлюсь. — Шагая к двери, я бросил через плечо: — Какие-нибудь рекомендации?

— Никаких. Действуй по обстоятельствам.

Глава 4

Поскольку в этот поздний час ничто не предвещало проблем с парковкой в районе Семидесятых улиц, такси я решил не брать и, обогнув особняк Вулфа, направился к гаражу, где стояла наша машина.

По дороге я все тщательно обдумал. Мне было абсолютно ясно, что Вулф не рассчитывал на удачу. Думал, что я вряд ли кого-нибудь привезу, хотя бы и Фиби. Просто ему хотелось утихомирить Марко, вот он и велел мне сотворить чудо, изображая бурную деятельность. Нисколько не сомневаюсь, что именно подобное решение первым делом пришло ему в голову, как самое простое и сулящее минимум хлопот — для него. Он знал, что я разозлюсь, поэтому я сразу решил не злиться. Увы, не получилось. Остановившись на светофоре в районе Сороковых улиц, я поймал себя на том, что бурчу под нос: «Жирный ленивый козел», сообразил, что вот-вот взорвусь от ярости, и тут же взял себя в руки.

Я остановился у тротуара в нескольких ярдах от особняка, пристроившись за темно-серым седаном. Рядом с номерным знаком седана красова-

лась табличка «МС», что означало «Медицинская служба». Я сидел в машине и изучал парадный вход в особняк, представляющий собой что-то типа гранитного портала. Это меня нисколько не удивило — район богатый. Глядя на дом, я крепко задумался. Дверь мне откроют запросто, стоит только позвонить. Не составит особого труда и прорваться внутрь: как-никак я вешу сто восемьдесят фунтов. Добиться встречи с миссис Уиттен и того проще — есть у меня несколько наработок. Хорошо, а что делать дальше? Поскольку особняк был прямо под носом, меня обуяло честолюбие. Вулф ждет, что я вернусь с пустыми руками? Здорово же будет, если я удивлю его и все-таки вернусь домой с добычей.

Поначалу я собирался сразу раскрыть карты, сказав прямо в лоб, что нас нанял Помпа и мы хотим встретиться с миссис Уиттен и ее семейством. Однако этот план я отмел, когда доехал до Сорок второй улицы. Имелись у меня и другие варианты, рисковые, безумные и хитроумные, но, увы, ни один не подходил на все сто процентов. Глянув на наручные часы и обнаружив, что уже 22:40, я решил воспользоваться наобум одной из своих задумок — авось дело и выгорит. Я выбрался из машины, захлопнул дверь и в тот

же момент увидел, как из особняка на крыльцо вышел человек. Несмотря на тусклое освещение, я достаточно быстро понял, что это не зять миссис Уиттен и не один из ее сыновей. Незнакомец был значительно старше и держал в руке черный докторский саквояж. Спустившись по ступенькам, он подошел к серому седану с табличкой «МС», сел в него и укатил. Я автоматически кинул взгляд на номер и, вынув блокнот, записал его. Что поделаешь — профессиональная привычка.

Я подошел к парадному входу и нажал на кнопку звонка. Мгновение спустя дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы я смог увидеть лысого мужчину с длинным острым носом в черном, а он, в свою очередь, мог разглядеть меня.

— Меня зовут Арчи Гудвин, — представился я. — Хотелось бы повидаться с миссис Уиттен.

— Газетчиков пускать не велено, — властным голосом произнес он и попытался закрыть дверь, но ему помешала моя нога, которую я сунул в щель.

— У вас на уме одни газетчики, — вежливо, но твердо произнес я. — В данном случае вы заблуждаетесь. Я не журналист, а детектив. Взгляните.

Я извлек обернутую в целлофан лицензию с фотографией и отпечатком большого пальца

и протянул лысому. Он внимательно осмотрел документ.

— Здесь не сказано, что вы работаете в полиции, — заявил он.

— Я этого и не утверждал. Я просто сказал, что…

— Что там случилось, Борли? — раздался голос за его спиной.

Тот обернулся, давление на дверь ослабло, и она приоткрылась пошире. Поскольку открытая дверь во всем мире воспринимается как приглашение войти, я быстро переступил порог.

— Ничего такого не случилось, мистер Лэнди, — бодрым голосом произнес я. — Просто дворецкий добросовестно исполняет свои обязанности.

Не успел я договорить, как откуда-то справа подошли еще двое мужчин. Таким образом, теперь я был один против четверых. Однако отступать не собирался.

— Моя фамилия Гудвин. Я работаю на Ниро Вулфа, и мне хотелось бы встретиться с миссис Уиттен.

— Черта с два! Вон отсюда! — Он ткнул пальцем на дверь, которой предлагал мне воспользоваться. — Я сказал: вон!

Он шагнул ко мне. Я слегка растерялся. Честно

говоря, не ожидал, что прямо с порога придется иметь дело сразу с четырьмя мужчинами. Конечно же, мне не составило труда узнать, кто стоит передо мной. Я видел их фотографии в газетах. Мне описывали их внешность.

Того, что гнал меня вон — и, пожалуй, выгнал бы, поскольку был чуть крупнее и на ринге выступал бы в тяжелом весе, — так вот, этого краснолицего здоровяка с чересчур широко расставленными глазами звали Мортимером. Другой — брюнет с зализанными назад волосами, поменьше ростом, пожилистее и лицом поумнее — был Джером, старший брат. Третий тип средних габаритов, напоминавший измученного учителя старших классов, несомненно, откликался на имя Дэниел Бар и строчил колонки в газету.

— Само собой, вы имеете право немедленно выставить меня вон, — не стал спорить я. — Но с тем же успехом можете это проделать через полминуты, выслушав меня. Я явился сюда, чтобы встретиться с миссис Уиттен по поручению мисс Джули Алвинг. С моей точки зрения, будет правильно, если миссис Уиттен сама решит, готова ли она принять человека, присланного мисс Алвинг. Если вы…

— Довольно! — Мортимер сделал еще один шаг

в моем направлении. — Ты чертовски прав, мы имеем право немедленно…

— Полегче, Морт. — К нам спокойно, неторопливо приблизился Джером; увидев в руках дворецкого мою лицензию, старший брат взял ее, внимательно изучил и протянул мне. — Моя мать наверху. Она спит. Меня зовут Джером Лэнди. Передайте мне, чего хочет мисс Алвинг, а я уже позабочусь о том, чтобы донести ее слова до матери.

— Она спит?

— Да.

— А кто у вас приболел?

— Приболел?

— Именно.

— Понятия не имею. Явно не я. А с чего вы вообще взяли, что у нас кто-то болен?

— Только что я видел, как из дома вышел врач с саквояжем. Если он дал вашей матери снотворное, а потом чуть задержался, чтобы поговорить с вами, неудивительно, что она сейчас спит. Видите, как у нас, детективов, мозги работают, — осклабился я. — Впрочем, я могу и ошибаться. Возможно, доктор приходил к одной из ваших сестер. Это не так уж и важно. Послание мисс Алвинг предназначено исключительно миссис

Уиттен, и никому другому. Может быть, ваша мать сочтет его срочным и строго конфиденциальным, а может, и нет. Решать только ей. Однако должен предупредить: дело, возможно, не терпит отлагательств. Вполне допускаю, что завтра будет уже поздно. Опять же сам я не берусь с уверенностью это утверждать.

— Спроси его, в чем суть послания, — предложил присоединившийся к нам Дэниел Бар. — Это просьба о финансовой помощи? Если речь идет о шантаже, ответ будет только один.

— Если бы все было так, как вы говорите, этим делом занимался бы отдел шантажа и вымогательств. Меня давно повысили, это не мой уровень. Еще раз повторяю: послание предназначено исключительно миссис Уиттен.

— Ждите здесь, — велел Джером и направился к лестнице.

Я, само благородство и спокойствие, стал ждать. С места не двигался, но позволил себе оглядеться по сторонам.

Вне всяких сомнений, сейчас я находился в зале для приемов. Слева от меня располагалась лестница, справа — дверь в гостиную, а в отдалении еще одна дверь — в столовую, где на днях проходила тайная встреча сыновей и дочерей.

Зал, просторный, с высоким потолком, мягко говоря, не был загроможден мебелью. Из крупных предметов в глаза бросалась лишь какая-то непонятная штуковина из розового мрамора у стены рядом с дверью в гостиную. Кроме нее да пары соломенных циновок, в зале больше ничего не было, и он выглядел пустым и голым. Ничего удивительного, ведь на дворе июль. Пока я ждал Джерома, ровным счетом ничего не произошло, разве что Мортимер отпустил дворецкого, который скрылся за дверью столовой.

Ожидание не затянулось. Вскоре Джером спустился до половины лестницы и позвал меня:

— Поднимайтесь, Гудвин.

Я двинулся наверх. Когда мы, преодолев один марш, оказались на лестничной площадке, Джером повернулся ко мне и произнес:

— Не задерживайтесь. Как можно короче изложите, с чем пожаловали. Вам ясно?

— Само собой.

— Моя мать сейчас в постели, но она не спит. Доктор не давал ей снотворного. В этом нет необходимости. У нее пошаливает сердце. Оно сейчас уже не то, что раньше. А если вспомнить, что здесь произошло позавчера вечером… что творилось в последние два дня… Я пытался отговорить

ее от встречи с вами, но она так просто никогда не отступается… Так вы обещаете, что не станете ее утомлять?

— Конечно.

Я поднялся вслед за ним на третий этаж. Не самое подходящее место для спальни, если у человека проблемы с сердцем. Войдя в комнату, я остановился. Перед собой я увидел сразу трех женщин. Одна, миниатюрная брюнетка, стоявшая возле постели, внешне очень напоминала Джерома, — это его сестра Ева. Другая девушка, которая возилась возле комода и обернулась, когда мы вошли, — это Фиби. В ходе своих изысканий мне удалось выяснить, что именно она больше всего напоминала отца. Одного взгляда на нее вполне хватило, чтобы понять: отец не пожелал бы лучшего комплимента.

Джером представил меня, и я приблизился к постели. В тот же момент я услышал сзади звуки шагов и, оглянувшись, увидел, как в спальню вошли Мортимер и Дэниел Бар. Итак, все были в сборе. Именно с этой шестеркой и хотел встретиться Вулф.

Впрочем, надолго они в спальне не задержались.

— Дети, выйдите вон! — раздался властный

голос из кровати.

— Но матушка…

Они все стали протестовать. Однако решимость, с которой мать пресекла их возражения, сразу сказала мне, что миссис Уиттен привыкла повелевать и принимает покорность как должное. В итоге им пришлось подчиниться, хотя на мгновение мне показалось, что Фиби, которая, по моим сведениям, напоминала отца, сможет переломить ситуацию и настоять на своем праве присутствовать при разговоре. Тем не менее пришлось уйти и ей. Фиби удалилась последней, по приказу матери прикрыв за собой дверь.

— Ну? — с настойчивостью в голосе произнесла миссис Уиттен, издав глубокий протяжный вздох. — Что там насчет мисс Алвинг?

Она лежала на спине, укрытая по шею тонким шелковым синим одеялом. На фоне синей подушки ее лицо показалось мне настолько бледным, что я едва его узнал, хотя насмотрелся ее фотографий и наслушался описаний внешности. Она выглядела старше, волосы в полнейшем беспорядке. В таком виде на публике не показываются. Однако огонь, о котором упоминали многие, по-прежнему полыхал в ее глазах, а твердый острый подбородок казался еще тверже и острее.

— Так что там насчет нее? — нетерпеливо повторила она.

— Прошу прощения, — извинился я. — Просто я не уверен, что сейчас вас вообще можно тревожить этими делами. Похоже, вы захворали.

— Я не захворала. Всего-навсего… У меня всего-навсего пошаливает сердце. — Она снова глубоко и протяжно вздохнула. — Впрочем, чего еще ожидать? Что там насчет мисс Алвинг?

Если бы я все тщательно заранее обдумал, то справился бы гораздо лучше. Увы, на подготовку у меня не было времени. Более того, я даже не мог вспомнить, какой именно план решил пустить в ход. Мне в голову пришла интересная идея, моментально вытеснившая все остальные мысли. Поскольку я не мог отыграть назад, пришлось выкручиваться, что я и сделал.

— Миссис Уиттен, мне не хотелось бы показаться грубым и навязчивым, однако вы должны понимать, что не одна оказались в очень тяжелом положении. Есть и другие люди, чье положение так же непросто. Надеюсь, вы как минимум согласитесь, что смерть Флойда Уиттена значит для мисс Алвинг куда больше, чем для людей, которые не были с ним знакомы, но читают о случившемся в газетах и вовсю обсуждают эту

трагедию. Ниро Вулф хотел бы с вами немного побеседовать о некоторых аспектах сложившегося положения, представляющих для мисс Алвинг особый интерес.

— Я ничем не обязана мисс Алвинг. — Миссис Уиттен оторвала голову от подушки, впилась в меня взглядом и в изнеможении откинулась назад, сделав глубокий вдох во всю силу своих легких. — Ни для кого не секрет, что мой муж некогда поддерживал с ней отношения, но он тут же порвал их, когда женился на мне. И это тоже не является тайной.

— Да, я в курсе, — согласился я. — Однако меня не уполномочивали обсуждать отношения вашего мужа и мисс Алвинг. Я всего-навсего посыльный. Мистер Вулф поручил мне договориться о встрече с вами, но, похоже, с этим придется погодить. Мистер Вулф — домосед. Он никогда и никуда не ездит по делам. Ну а вам, похоже, прописали постельный режим, так что вы тоже в ближайшее время не сможете отлучиться из дому. — Я улыбнулся. — Поэтому должен попросить прощения за то, что напрасно вас потревожил. Может, поговорим завтра или послезавтра? — Я попятился. — Мы с вами свяжемся. Либо я позвоню, либо мистер Вулф.

Она снова оторвала голову от подушки и не терпящим возражений тоном произнесла:

— А ну-ка выкладывайте, чем именно мисс Алвинг послала вас донимать меня.

— Не могу, — отозвался я уже от двери. — Мне это неизвестно. Кроме того, я обещал вашему сыну здесь не задерживаться. — Я повернул дверную ручку и потянул дверь на себя. — Мы с вами свяжемся.

Под дверью на лестничной площадке я увидел двух дочерей и сына.

— Все в порядке, — весело сообщил я и, пройдя мимо них, стал спускаться вниз по лестнице.

Бара и Мортимера я встретил в зале для приемов. Кивнув им на прощание, я быстрым шагом прошел к двери, не дожидаясь дворецкого, открыл ее и вышел на улицу.

Поскольку мне срочно требовался телефон, я свернул направо и двинулся по направлению к Мэдисон-авеню. Пройдя квартал, зашел в аптеку на углу.

Вообще-то, прежде в подобных ситуациях я звонил Вулфу, излагал занятную идею, пришедшую мне в голову, а потом выслушивал его мнение. На этот раз я решил поступить иначе. Меня взбесило то, что он, дав мне задание, ничего толком не

посоветовал, лишь спесиво велел поступать по обстоятельствам. Именно поэтому я принял решение действовать через его голову. Само собой, я мог отправиться на Двадцатую улицу, в полицейское управление, и получить все необходимые сведения там, но делать этого мне не хотелось. А что, если моя догадка верна и парни из убойного отдела, воспользовавшись ею, начнут копать в том же направлении, что и я? Нет, это меня не устраивало. Именно поэтому я набрал телефонный номер редакции «Газетт». Лон Коэн вечно засиживался на работе до полуночи. Меньше чем через минуту я уже разговаривал с ним.

— Слушай, — сказал я приятелю, — хочу проколоть уши для сережек и давно ищу толкового доктора. Вроде я нашел его. Перезвони мне на этот номер… — я продиктовал его Лону, — и подскажи, кому принадлежит машина с нью-йоркскими номерами UMX четыре-три-три-один-семь.

Он попросил меня повторить, чем немало удивил. Опытные газетчики вроде него запоминают все с первого раза. Я повесил трубку и вышел на улицу: в аптеке стояла дикая жара — градусов сто уж точно.

Минут через пять телефон зазвонил. Именно столько времени и требуется, чтобы выяснить

нужную информацию. Сорвав трубку, я услышал незнакомый голос, но это не показалось мне странным. У Лона в это время суток масса работы, вот он и перепоручил перезвонить мне кому-то другому. Незнакомец продиктовал имя и адрес. Автомобиль принадлежал доктору Фредерику М. Катлеру, доктору медицины. Больных он принимал на Восточной Шестьдесят пятой улице, а жил на Парк-авеню.

Выходило, что меня отделяет от дома врача всего десять кварталов. Поэтому я сел в машину и поехал к нему. Припарковав автомобиль на почтительном расстоянии от навеса над входом в дом, я двинулся к дверям. Вестибюль полностью соответствовал уровню фешенебельного квартала, в котором располагался дом, ну а дежурный консьерж отнесся ко мне так, как и полагалось отнестись к совершенно незнакомому человеку. Однако отступать я не собирался.

— Мне нужен доктор Фредерик М. Катлер, — сказал я. — Позвоните ему, пожалуйста.

— Представьтесь.

— Передайте, что частный детектив Гудвин хочет задать ему важный вопрос о пациентке, которую он осматривал сорок минут назад.

Я надеялся, что мой план сработает. Согласие

врача принять меня уже будет определенным успехом. Оттого-то сердце мое учащенно забилось, когда консьерж, повесив трубку, проводил меня к лифту, велев доставить к квартире 12С.

В квартиру я был впущен тем самым мужчиной, который вышел из дома Уиттенов с черным саквояжем в руке. Теперь, вблизи, мне удалось рассмотреть его получше. Я приметил седину в волосах, нетерпеливые серо-голубые глаза, широкий рот и загнутые вниз уголки полных губ. За спиной доктора я узрел просторную комнату, в которой за карточными столиками сидели мужчины и женщины.

— Прошу за мной, — сурово произнесла моя жертва и двинулась вперед.

Проследовав по коридору, Катлер открыл дверь, и мы оказались в небольшой комнате, стены которой были заставлены книжными шкафами. Кроме того, в ней стояли три кресла, диван и письменный стол, занимавшие практически все свободное пространство.

Закрыв дверь, он повернулся ко мне и осведомился еще более резко:

— Чего вам?

Бедолага не понимал, что я уже получил половину того, чего хотел. Впрочем, избежать моей

ловушки мог только большой хитрец.

— Меня зовут Арчи Гудвин. Я работаю на Ниро Вулфа.

— Кто вы такой, мне ясно. Чего вам надо?

— Мне поручили встретиться с миссис Уиттен. Паркуясь, я увидел, как вы выходите из ее дома. Человек вы достаточно известный. Поэтому я вас сразу узнал, — решил я немного польстить врачу. — Я наведался в особняк. Мне разрешили подняться наверх, в спальню миссис Уиттен, и немного потолковать с ней. И она, и ее сын сказали, что у нее пошаливает сердце. Но как такое может быть? Всем известно, что она в прекрасной форме и никогда ни на что не жаловалась. В своем возрасте она играет в теннис и спокойно поднимается к себе в спальню по лестнице. Все знакомые восхищаются ее крепким здоровьем. Но помилуйте, когда я увидел ее лежащей в постели, она была бледна как смерть. Краше в гроб кладут! А эти глубокие протяжные вдохи! Я, конечно же, не врач, однако, насколько мне известно, эти два симптома — я говорю о тяжелом дыхании и мертвенно-бледном цвете кожи — обычно свидетельствуют о серьезной кровопотере. Речь идет о пинте крови — не меньше. У нее ведь не кровоизлияние в сердце?

У Катлера заиграли желваки.

— Состояние моей пациентки не вашего ума дело. Скажу только, что миссис Уиттен пережила сильнейшее потрясение.

— Да, я в курсе. Но поймите меня правильно, я частный детектив и по роду своей деятельности часто наблюдал людей, потрясенных смертью близкого человека. Они выдавали самую разную реакцию, но такую, как у миссис Уиттен, я вижу впервые. Ну ладно еще мертвенная бледность, но как объяснить учащенное дыхание и глубокие вдохи? В проблемы с сердцем мне как-то не верится. — Я покачал головой. — Кроме того, если дело только в сильнейшем нервном потрясении, почему вы согласились меня принять, когда консьерж передал вам мои слова? Зачем впустили к себе в квартиру и привели в эту комнату, чтобы поговорить без свидетелей? Кстати, мы дошли до той стадии, когда вам надо либо выставить меня вон, либо предложить мне сесть.

Врач не сделал ни того ни другого. Он молча испепелял меня взглядом.

— Слушайте, — не отставал я, стараясь говорить как можно дружелюбнее, — давайте вместе поразмыслим. Допустим, приехав в особняк, вы обнаружили, что миссис Уиттен ранена и потеря-

ла много крови. Вы сделали все, что полагается, а потом она попросила вас никому ни о чем не рассказывать. Вы решили пойти у нее на поводу и не ставить в известность полицию, хотя это ваша прямая обязанность. Как правило, это не создает для медика особых затруднений. Ежедневно сотни врачей информируют представителей закона о подозрительных ранениях. Причем у нас тут особый случай. Мужа миссис Уиттен убили — зарезали ножом. В убийстве обвинили некоего Помпу — обвинили, но пока не осудили. А что, если Уиттена убил один из тех, кто прятался в столовой? Почему бы и нет? В распоряжении убийцы было целых полчаса, которые Помпа и миссис Уиттен провели в гостиной за беседой. Эти пятеро человек сейчас в доме миссис Уиттен. Двое из них там живут. Допустим, что-то побуждало преступника убить также хозяйку особняка и сегодня он попытался это сделать. А теперь допустим, что завтра или послезавтра убийца повторит попытку и на этот раз у него все получится. Как вы будете себя чувствовать? Как сможете жить дальше с мыслью, что знали о покушении на ее жизнь, но предпочли смолчать? Что станут думать о вас, когда вся история выйдет наружу? А о случившемся непременно узнают

— уж будьте в этом уверены.

— Вы рехнулись! — прорычал Катлер. — Это же ее родные сыновья и дочери!

— Боже правый, вы что, вчера родились?! — рявкнул я в ответ. — Вы же врач! Вы ведь должны видеть, что творится у человека в душе. Родные дети столько раз убивали родителей, что их трупами можно до отказа забить несколько сот кладбищ. Я не рехнулся, я в здравом уме, но мне страшно. Наверное, меня напугать легче, чем вас. Хорошенькое дело! Я вам говорю, что миссис Уиттен потеряла много крови, а вы даже не пытаетесь этого отрицать. Предлагаю два варианта. Либо вы все мне рассказываете в конфиденциальном порядке, причем я должен счесть ваш рассказ правдоподобным, либо я отправляюсь в полицию и прошу направить к миссис Уиттен врача, который тщательно осмотрит ее. Тогда, если мои допущения окажутся верны, я успокою свою совесть и не стану терзаться мыслями о том, что помог ее убийце. Как будете чувствовать себя вы — дело ваше.

— Полиция не имеет таких прав. Это вторжение в частную жизнь.

— Еще как имеет! Что, я вас удивил? Быть может, вы забыли, что в ее доме произошло

убийство? Причем в момент совершения преступления и миссис Уиттен, и ее дети находились в особняке.

— Ваши допущения противоречат фактам.

— Прекрасно. Именно за фактами я к вам и приехал. Давайте на них посмотрим. Если они придутся по вкусу нам с мистером Вулфом, мы забудем о нашем долге добропорядочных граждан с той же легкостью, с какой это сделали вы.

Доктор сел, положив руки на подлокотники кресла, и, безвольно свесив кисти, принялся изучать уголок ковра, между тем как я разглядывал самого Катлера. Наконец он встал и, бросив мне:

— Я скоро вернусь, — направился к двери.

— Стоять! — гаркнул я. — Слушайте меня внимательно. Квартира ваша. И если вы хотите пойти в соседнюю комнату позвонить, я не могу этому воспрепятствовать. Однако если вы это сделаете, то любые изложенные вами факты потребуют самой тщательной проверки. Таким образом, мы возвращаемся к исходной точке. Либо вы все выкладываете прямо сейчас, либо к вашему пациенту направят полицейского врача.

— А что, если я вышвырну вас отсюда к чертовой матери? — зло ощерился он.

— С этим вы опоздали, — покачал я головой.

— Не пожелай вы со мной разговаривать после звонка консьержа, тогда другое дело. Мне бы пришлось придумывать какой-нибудь иной план. А сейчас уже слишком поздно. — Я показал на стол. — Телефон перед вами. Если вам просто надо позвонить миссис Уиттен и сказать, что подонок Гудвин взял вас за горло, а потому вы не можете исполнить данное ей обещание и держать язык за зубами, валяйте звоните. — Я шагнул к доктору и посмотрел ему прямо в глаза. — Видишь ли, братец, я не соврал, когда признался, что мне страшно. Это же ее родные сыновья и дочери! — передразнил я Катлера. — Тьфу! Если Помпа не виновен, а так оно и есть, значит сейчас там, в доме миссис Уиттен, засел преступник. Зверь, единожды вкусив крови, может убить снова, и часто убивает. Что сейчас происходит в особняке? Мне бы это очень хотелось узнать. Наша беседа порядком меня утомила. Скажу больше: и вас что-то мучит. Иначе вы просто бы не впустили меня.

Катлер отошел от двери и снова опустился в кресло. Я сел на диван лицом к нему и стал ждать.

— Вы ошибаетесь.

— Насчет чего?

— Меня ничего не мучит.

— А что мучит миссис Уиттен? Пулевое ранение?

— Резаные раны. — Голос врача звучал устало, в нем не осталось и тени былой резкости. Как я и просил, Катлер начал излагать факты. Говорил он строго по существу. — Мне позвонил ее сын Джером. Я немедленно выехал. Она лежала наверху, в спальне, в постели. Все было залито кровью. Они натаскали полотенец и вместе пытались зажать раны. Первый порез, длиной пять дюймов, располагался слева, на боку. Он был достаточно глубоким — до восьмого ребра. Имелся еще один мелкий порез на левой руке над локтем, два дюйма в длину. На первую рану, в боку, я наложил двенадцать швов, на вторую — четыре. Потеря крови была значительна, но не требовала серьезного вмешательства. Я выписал ей необходимые лекарства, в частности для восполнения кровопотери. Вот и все. Потом я ушел.

— Кто нанес ей эти раны?

— Я как раз собирался об этом рассказать. С ее слов я узнал, что сегодня, ближе к вечеру, она отправилась на совещание в офис. Из-за гибели мужа и ареста Помпы определенные дела не терпели отлагательства. Встреча затянулась. Она продлилась куда дольше, чем ожидала миссис

Уиттен. После встречи она отпустила своего шофера, отправив его домой на такси, а сама села за руль. Некоторое время она кружила возле парка, а потом поехала домой. Когда она выходила из автомобиля, кто-то схватил ее сзади. Она подумала, что ее хотят похитить. Принялась отбиваться, брыкалась. Неожиданно нападавший отпустил ее и бросился наутек. Она добралась до крыльца и позвонила в дверь. Ей открыл дворецкий Борли. Только оказавшись внутри, она обнаружила, что ранена. Сыновья и дочери были дома, они вызвали меня, а сами помогли матери добраться до постели. По приказу миссис Уиттен домочадцы все прибрали: как внутри дома, так и снаружи. Дворецкий вымыл тротуар водой из шланга. Когда я приехал, он как раз этим занимался. По словам миссис Уиттен, она приказала столь поспешно уничтожить все следы нападения, чтобы газетчики, как она выразилась, не устроили очередной тарарам. Принимая во внимание обстоятельства, происшествие раздули бы до непомерных размеров. Она, воззвав к профессиональной этике, попросила меня сохранить случившееся в тайне, и я не нашел причин для отказа. Мне придется ей объяснить, что ваша угроза вызвать полицейского врача не оставила

мне выбора. Вот, собственно, и все факты. — Доктор развел руками.

— В вашем изложении, — кивнул я. — Так кто на нее напал?

— Она не знает.

— Хотя бы мужчина или женщина?

— Она не знает. На нее напали сзади, к тому моменту уже стемнело. Когда преступник бросился бежать, а миссис Уиттен нашла в себе силы выпрямиться и обернуться, нападавший уже скрылся за припаркованной машиной. Поймите, она была напугана, и в первую очередь ее заботила собственная безопасность.

— Она не заметила преступника до того, как он на нее набросился? Например, он мог попасться ей на глаза, когда она подъезжала к дому.

— Нет, не заметила. Возможно, он прятался за припаркованной машиной.

— И что, на улице не было прохожих?

— Нет. Ни единой живой души.

— Она кричала?

— Я ее не спрашивал. — В голосе врача послышались раздраженные нотки. — Думаете, меня позвали, чтобы я устроил ей инквизиторский допрос? Она была ранена и нуждалась в помощи. Я эту помощь оказал. Все. Точка.

— Да, конечно. — Я встал. — Не буду выражать вам признательность, поскольку мне пришлось выдавливать из вас информацию капля за каплей. Я принимаю ваш рассказ, полностью сознавая, что вы лишь изложили версию, которую услышали от миссис Уиттен. Однако должен предупредить, что вам, возможно, позвонит Ниро Вулф. Провожать меня не надо. Я сам найду выход.

— Мне показалось, вы говорили о конфиденциальности, — произнес доктор и встал. — Я могу заверить миссис Уиттен, что полицейский врач к ней не придет?

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать его визита. Обещаю. Однако на вашем месте я бы перестал бездумно раздавать обещания направо и налево. Их потом очень сложно сдержать.

Я потянулся к дверной ручке, но доктор, обогнав меня, сам открыл мне дверь, провел по коридору к выходу, выпустил из квартиры и даже пожелал доброй ночи.

Лифтер косо смотрел в мою сторону. По всей вероятности, консьерж рассказал ему о моем наглом поведении. Чтобы утереть лифтеру нос, я заметил, что ему не мешало бы смазать пусковой

рычаг, и это была чистейшая правда.

Выйдя на улицу, я залез в машину и помчал домой. Ехал чуть быстрее обычного. Часы на приборной панели показывали 23:50.

Если с наступлением темноты я отлучаюсь из дому, дверь всегда запирают на засов, поэтому мне пришлось позвонить, чтобы Фриц меня впустил. Переступив порог, я проследовал за ним на кухню, взял кувшин молока и стакан, после чего направился в кабинет.

— Вот я и дома, но, увы, один, — объявил я. — Однако мне посчастливилось добыть ключик, которым вы сможете отомкнуть узилище, где томится Помпа. Мне надо выпить молока. Мои нервы натянуты как струна.

— Что случилось? — вскочил Марко. — Что тебе удалось…

— Оставь его в покое, — пробурчал Вулф. — Дай ему хоть что-нибудь проглотить. Он же голоден.

Глава 5

— Если вы отказываетесь сию же секунду поставить в известность полицию, это сделаю я сам! — с жаром произнес Марко и треснул кулаком по подлокотнику кресла. — Просто великолепно! Блестящая догадка!

К тому моменту я уже завершил свой отчет, допил кувшин молока, а Вулф, в свою очередь, покончил с расспросами. В частности, ему хотелось узнать, не заметил ли я пятен крови на улице либо в доме, пропущенных в ходе поспешной уборки. Ответ был отрицательным. Теперь Вулф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, а Марко ходил взад-вперед по кабинету. Я ухмылялся, но про себя.

— Они обязаны немедленно его отпустить! — воскликнул Марко. — Надо тотчас же сообщить обо всем в полицию. Давай звони! Если ты…

— Заткнись! — грубо оборвал его Вулф.

— Он решил пораскинуть мозгами, — пояснил я Марко, — а вы нарушаете правила. Если хотите орать, орите на меня, но только не на него. Все не так просто, как вам кажется. Стоит нам выложить правду полиции, как ситуация

выйдет из-под нашего контроля. А что, если копы заупрямятся? Вдруг мы не сумеем их переубедить и они решат оставить Помпу за решеткой? Кроме того, поставив следствие в известность о случившемся, мы потом сможем прорваться к миссис Уиттен и ее родне разве что на танке. С другой стороны, скрыв от копов полученную информацию и валяя дурака, мы, возможно, позволим преступнику, покушавшемуся на жизнь миссис Уиттен, снова пустить в ход нож. И если на сей раз он окажется удачливее, нас будет волновать лишь один вопрос: какую сумму назначит судья, чтобы выпустить нас под залог? Мы все окажемся за решеткой.

— Что, и я? — с вызовом спросил Марко.

— Конечно. Вы в первую очередь. Это ведь вы заварили кашу, пытаясь освободить Помпу.

Марко остановился, перестав мерить шагами кабинет, и уставился на меня:

— По-твоему получается, что у нас нет выхода. С одной стороны, мы должны сообщить все полиции, с другой — нам ни в коем случае нельзя этого делать. Я что, зря отвешивал комплименты?

— Совершенно не зря. Ваши комплименты были более чем заслуженны. Я настолько вырос в собственных глазах, что теперь непременно по-

требую прибавку к жалованью. Что же касается вашего вопроса… Хочу обратить ваше внимание на одну немаловажную деталь: нам вовсе не обязательно валять дурака. Мы можем двигаться дальше в намеченном мной направлении. Теперь у нас на руках есть козырь, которым мы можем побить карту миссис Уиттен и всей ее родни. Если бы не ее раны, мы запросто могли бы позвонить ей и велеть через час явиться сюда вместе со всеми отпрысками. Увы, она сейчас не в том состоянии. В качестве альтернативы могу предложить другой вариант: мы с мистером Вулфом садимся в машину — я как раз оставил ее у дома — и отправляемся в гости к миссис Уиттен. Прямо сейчас. — Вулф тихонько заворчал, но я не обратил на него внимания. — Минули годы с тех пор, как я в последний раз пытался уговорить его отказаться от правила не выходить из дому по делам, — сообщил я Марко. — И сейчас не стал бы тратить слов, не требуй того ситуация, в которой мы оказались. Ни вы, ни Помпа не являетесь нашими клиентами. Кроме того, Вулф сам заявил, что не станет брать с вас денег. Он оказывает любезность старому другу, помогает из теплых чувств к вам, а это совсем другое дело. Таким образом, ни о каких обычных правилах не

может идти и речи.

Марко во все глаза вытаращился на меня:

— Ты предлагаешь поехать к миссис Уиттен?

— Ну да. А почему бы и нет?

— А вас с Ниро пустят?

— Если врач ей позвонил, еще как пустят. А он уж точно это сделал. Ставлю десять к одному.

— И чего вы добьетесь этой поездкой?

— Как минимум нам удастся не допустить второго убийства, пока будем в гостях у миссис Уиттен. Ну а как максимум… Там будет видно — посмотрим по обстоятельствам. Между прочим, хочу заметить, что мой визит туда уже принес некоторую пользу.

Марко повернулся к Вулфу и простер к нему руки:

— Ниро, ты должен ехать! Тотчас же! Ты просто обязан!

— Пф! — презрительно фыркнул Вулф и слегка приоткрыл глаза.

— Но у нас нет другого выхода! Позволь, я повторю тебе то, что сказал Арчи…

— Я и так его слышал. — Взгляд Вулфа остановился на недопитом бокале пива. Вулф протянул руку, взял его, сделал глоток и посмотрел на меня. — В твоих рассуждениях есть слабое место.

Ты полагаешь, что, если мы утаим от полиции полученные сведения, а миссис Уиттен убьют, нас упекут за решетку. С какой это стати? Мы не располагаем ни доказательствами, ни уликами, имеющими отношение к делу. Мы совершенно чисты перед законом и общественной моралью. Допустим, мы принимаем рассказ миссис Уиттен о случившемся за чистую монету. Что из него в первую очередь следует? А то, что ей не угрожает опасность со стороны родственников.

— Уж не хотите ли вы сказать, что поверили ей?! — воскликнул я. — Ну конечно же, как можно сомневаться в ее словах?! Она даже толком не разобралась, кто на нее напал — мужчина или женщина! Чему тут удивляться? Вполне обычное дело! — Я вскочил, всплеснул руками и снова сел.

— Ты какой-то непоследовательный, — совершенно искренне изумился Марко. — Судя по твоим вопросам, ты решил, что она солгала доктору. Не понимаю, почему же теперь ты…

— Да перестаньте! — с отвращением проговорил я. — Вулф прекрасно знает, что она врет. Если бы он любил биться об заклад, то непременно заключил бы пари, поставив на то, что ее порезал кто-то из домочадцев в доме либо за его преде-

лами, причем и она, и вся ее родня знают, кто на нее напал. Я изучил его куда лучше вас, Марко. Если бы он сейчас, на ночь глядя, покинул дом и поехал к миссис Уиттен по улицам, полным опасностей, ему пришлось бы по прибытии к ней вкалывать до седьмого пота. Он был бы вынужден собрать в кулак всю свою волю, чтобы вывести преступника на чистую воду. Если же он сейчас отправится в кровать и сладко уснет, за ночь может произойти нечто такое, что значительно упростит ему задачу. Вот, собственно, и все. Ему просто лень.

— Это правда, Ниро? — с настойчивостью в голосе спросил Марко.

— Правда, но только отчасти, — великодушно согласился Вулф. — Правда и то, что я тебе сейчас скажу. Вне всякого сомнения, миссис Уиттен угрожает опасность. Если некий человек нанес ей рану длиной пять дюймов и достал до восьмого ребра, значит он действовал из преступных побуждений и, возможно, попробует напасть на нее снова. Арчи не чужды сострадание и человечность, но сейчас им движет отнюдь не благородный порыв уберечь миссис Уиттен. Она слишком стара, чтобы пробуждать в нем подобные порывы. Арчи просто по-детски дуется на

меня, потому что я не кидаюсь сломя голову воплощать в жизнь его план, который, надо отдать ему должное, воистину блестящий. Это понятно, но я не вижу причин…

В дверь позвонили. Я встал и пошел открывать. Я бы доверил это Фрицу, но сейчас был рад любому поводу выйти из кабинета и не слушать возражений Вулфа. У нас во входную дверь вделана панель из стекла, сквозь которое видно все, что происходит снаружи, но при этом невозможно заглянуть внутрь дома. Выйдя в прихожую, я щелкнул выключателем, и крыльцо залил свет.

Одного взгляда оказалось вполне достаточно, но я все же подошел поближе и присмотрелся повнимательнее и только затем вернулся в кабинет к Вулфу:

— Помнится, вы просили доставить к вам шестерых человек. Чем больше народу, тем лучше — это ваши слова. Все в сборе. Стоят на крыльце. Что мне им сказать? Что вы пошли спать?

— Все шестеро?

— Так точно, сэр.

Вулф откинул голову назад и рассмеялся, что случалось примерно раз в год. Когда смех стих, сменившись хихиканьем, он наконец изрек:

— Марко, ты не мог бы посидеть в гостиной?

Она вон за той дверью. Если они тебя здесь увидят, то могут смутиться. Давай, Арчи, веди их сюда.

Я возвратился в прихожую, распахнул входную дверь и произнес:

— Всем привет! Заходите.

— Ах ты, сволочь! — прошипел сквозь зубы Мортимер.

Глава 6

Сыновья стояли на крыльце, поддерживая под руки мать. Не отпуская ее, они прошествовали через прихожую в кабинет. На миссис Уиттен было коричневато-желтое летнее платье в темно-коричневый горошек, которое я посчитал бы шелковым, не доведись мне слышать, что в некоторых магазинах за небольшой отрез люди выкладывают по три сотни. Ева явилась в белом платье с желтыми пуговицами, а Фиби — в набивном ситце двух оттенков синего. Первым моим побуждением было ей улыбнуться, но я сдержал его, посчитав подобное поведение неуместным.

Надеясь если не предотвратить, то хотя бы отсрочить свару, я чин по чину представил гостей, а потом рассадил их, как того требовал Вулф, когда у нас собиралось много народу. Всем им полагалось быть у него на виду, чтобы он поменьше вертел головой. Я предложил Джерому и Мортимеру усадить их матушку на диван, но они, помотав головой, выбрали для нее красное кожаное кресло. Фиби устроилась на стуле рядом с матерью. Мортимер предпочел постоять, а остальные сели.

Вулф окинул присутствующих взглядом.

— Вид у вас всех безумный, — беззлобно произнес он.

— Полагаете, это смешно? — Голос Евы словно стегал кнутом.

— Я не острю, — заверил ее Вулф, — а просто констатирую факт. — Он перевел взгляд на миссис Уиттен. — Мадам, вы хотите, чтобы разговор начал я? Но ведь это вы приехали ко мне. Быть может, скажете зачем?

— Может, эта гнида, ваш помощник, выйдет со мной и повторит ваш вопрос? — выпалил Мортимер.

— Мортимер! — повернулась к нему миссис Уиттен. — Сядь!

Он поколебался, открыл рот, затем закрыл его и наконец, сделав несколько шагов, сел рядом с Фиби. Повезло ей с братцем, ничего не скажешь.

— Прошу всех зарубить на носу, что разговаривать буду я, — повелительным тоном обратилась к домочадцам миссис Уиттен. — Я хотела приехать одна, но вы меня отговорили. Извольте молчать, коли увязались за мной. Тебя, Дэн, это тоже касается, — добавила она, посмотрев на зятя, после чего снова перевела взгляд на Вулфа. — Мне просто хотелось перевести дыхание. Я

порядочно натерпелась, но справлюсь.

Дышала она по-прежнему тяжело, словно ей не хватало кислорода, и выглядела еще бледнее, чем тогда, в постели.

— Я могу подождать, — спокойно ответил Вулф. — Не желаете коньяка?

— Нет, благодарю. — Она сделала глубокий вдох. — Я, в отличие от своих детей, не признаю алкоголя даже в качестве лекарства. Отец разрешал им выпивать. Прошу прощения за то, что мой сын назвал вашего помощника, мистера Гудвина, гнидой. Если хотите, он принесет извинения.

— Разумеется, нет. Они все равно будут неискренними.

— Полагаю, вы правы. Вы всегда разделяете мнение мистера Гудвина?

— Часто, но, Господь свидетель, не всегда.

— Мистер Гудвин сказал доктору Катлеру, что Вирджил Помпа не убивал моего мужа, что он не виновен. Вы тоже так считаете?

— Да.

— Почему?

— Мне кажется, вы решили пойти длинным обходным путем, — произнес Вулф, внимательно посмотрев на миссис Уиттен. — Время уже за полночь, вам нужны тишина и покой. Кроме

того, мне надо о многом вас расспросить. Я имею в виду — всех вас. Вам же сейчас больше всего хочется узнать, намерен ли я поставить в известность полицию о нападении на вас. А если нет, то что я собираюсь делать. Я прав?

— Речь идет не просто о ваших намерениях, — менторским тоном начал Дэниел. — С тем же успехом мы могли бы спросить, по какому праву вы…

— Дэн, я тебе что сказала? — оборвала его теща.

— Молчи, приятель! — прорычал Мортимер. — Мы здесь так, для виду.

— Господь свидетель, — начала миссис Уиттен, — я встала с постели, оделась и приехала сюда не для пустых препирательств. Мои дети, совсем как их отец, обожают спорить. Я не такая. Теперь о нападении на меня. Глупо было брать с доктора обещание сохранить случившееся в тайне, но мне претила сама мысль о новых объяснениях с полицейскими. — Она глубоко вдохнула. — Разумеется, в конечном счете я бы предпочла полицейских, но откуда я могла знать, что окажусь в подобной ситуации? Судите сами: ко мне является приличный молодой человек и говорит, что его прислала мисс Алвинг. При этом

он заявляет, что сам не в курсе, зачем ей это понадобилось, но об этом знаете вы. Что ей нужно? Денег? Я ничем ей не обязана и ничего не должна. Затем ваш помощник сообщает моему врачу, что Вирджил Помпа не виновен. Спрашивается зачем? Не спорю, быть может, этот молодой человек способен доказать, что Вирджил Помпа чист. Так пусть и доказывает, но только полицейскому инспектору, а не моему доктору. Одним словом, я решила, что вы могли бы мне кое-что прояснить.

— Мы все с ней согласны, — тихо произнес Джером.

— Ясно. — Поджав губы, Вулф обвел присутствующих взглядом, который вновь остановился на миссис Уиттен. — Я могу прояснить три вещи. Первая касается мисс Алвинг. Это дело строго конфиденциальное, и говорить о нем нужно с глазу на глаз, так что с ним придется подождать. Вторая относится к невиновности мистера Помпы. Я не стану понапрасну тратить время на изложение причин, в силу которых считаю его невиновным, поскольку они не убедят ни полицию, ни вас. И наконец, третья — это нападение на вас. О нем мы можем с вами поговорить и кое-что уточнить.

— Я не сообщила доктору Катлеру об одной детали, — заметила миссис Уиттен. — У меня

пропала сумочка. Я это обнаружила только после ухода доктора. Наверное, ее украл напавший на меня преступник.

— Боже всемогущий, — вытаращился на нее Вулф, — все и так плохо, а вашими стараниями будет еще хуже. Вы уже допустили серьезный промах, заявив, что не знаете, кто на вас напал, мужчина или женщина, а сейчас и вовсе сущий вздор несете. Мелкий воришка разгуливает с ножом и пускает его в ход, чтобы похитить сумочку? — Вулф презрительно фыркнул.

— Мама могла ее уронить, — пояснила Ева.

— И вы обнаружили пропажу только через час? — Вулф покачал головой. — Нет, ваша версия еще менее правдоподобна. Я предлагаю вам два варианта: либо вы — вы все — рассказываете, что случилось в понедельник вечером, и даете исчерпывающие ответы на мои вопросы, либо я передаю дело на рассмотрение инспектору Кремеру.

— Какое еще дело? — запальчиво спросил Бар.

— Я изложу ему факты и мои выводы. Я сообщу ему о ранениях миссис Уиттен и объясню, почему не верю в ее версию случившегося. Я скажу, что покушение на ее жизнь, в ходе которого, как и в случае недавнего убийства ее мужа, было исполь-

зовано холодное оружие, вызывает серьезные подозрения и требует самого тщательного расследования. Я заявлю, что сейчас как минимум логично предположить, что за обоими нападениями стоит один и тот же преступник, а значит, мистер Помпа не виновен, поскольку в момент покушения на миссис Уиттен сидел за решеткой. Более того, если за обоими преступлениями стоит один человек, значит это кто-то из вас пятерых, поскольку возможность убить мистера Уиттена была только у вас и мистера Помпы. Я также отмечу, что…

— Ах ты, ублюдок! — выпалил Мортимер.

— Закрой рот, Морт, — буркнула Фиби.

— Я также отмечу, что неспособность миссис Уиттен внятно объяснить происхождение своих ран является еще одним свидетельством в пользу моей версии. В общих чертах это все. — Вулф развел руками. — Не будем останавливаться сейчас на достоинствах и недостатках сказки, которую вы сочинили. Лучше зададимся вопросом: зачем это вам понадобилось? Чтобы скрыть личность нападавшего. Чего ради вам защищать преступника, пустившего в ход против вас смертельное оружие? Да ради того, чтобы уберечь от наказания одного из пятерых, члена вашей

семьи. Но если мистер Помпа не виновен, один из этих пятерых также убил мистера Уиттена. Все прекрасно сходится. Моя версия заслуживает самого тщательного расследования, и если вы в этом мне откажете, что ж, придется обратиться с ней в полицию.

— К этому все и шло, — объявил Бар таким тоном, словно его реплика одним махом решала все сложности.

— Вы обвиняете одного из нас в убийстве, — сказал Джером Лэнди Вулфу.

— Не одного, мистер Лэнди. Всех вас. Пока я не готов вдаваться в детали и указать на конкретного преступника.

— Серьезное заявление. Очень серьезное.

— Именно так.

— Если вы желаете, чтобы мы отвечали на наши вопросы, мы имеем право на присутствие адвоката.

— Ошибаетесь. У вас вообще нет никаких прав, за исключением одного: встать и уйти. Я не судья и не окружной прокурор. Я всего-навсего частный детектив, которому повезло загнать вас в угол. У вас два варианта, и вы вольны выбирать любой из них. Однако, прежде чем вы примете окончательное решение, я должен вас преду-

предить, что у меня в рукаве имеются козыри. И сейчас я продемонстрирую один из них. Вы все солгали полиции. Я это не предполагаю, а знаю наверняка. Вы заявили, что тайно встретились, чтобы обсудить непростое положение, в котором оказался ваш брат Мортимер.

— Совершенно верно, — согласился Джером.

— Нет, не верно. Мистер Бар сказал миссис Уиттен, что вы собрались для того, чтобы обсудить проблему, которую являл для вас ее новый муж. Что сулит будущее, если он возглавит семейный бизнес? Станет ли он простым управляющим или получит право собственности? Если компания перейдет к нему, что ждет детей Лэнди? Миссис Уиттен была потрясена вашим натиском, равно как и тем фактом, что вы собрались втайне от нее. Именно поэтому, вопреки ожиданиям, она не перешла в контрнаступление. Она принялась укорять вас: как вы могли подумать, что она забыла о ваших интересах и правах? В ходе беседы мистер Бар дважды предлагал пригласить мистера Уиттена и разобраться со всем раз и навсегда. На второй раз с этим предложением согласились все вы, в том числе и убийца, который был среди вас и уже знал, что мистер Уиттен мертв. Итак, я говорил правду, когда сказал, что вы все солгали

полиции.

— Я не лгал, — заявил Бар. — Я сказал, что мы обсуждали семейные дела, суть которых не вправе разглашать.

— Видите? — резким тоном спросил собравшихся Вулф. — Большое спасибо, мистер Бар. Быть может, присяжные не приняли бы ваши слова в качестве доказательства моей правоты, но лично мне сказанного вами вполне достаточно. Итак, — Вулф вперил взгляд в Еву, — я начну с вас, миссис Бар. Не вижу смысла беседовать с каждым по отдельности, с глазу на глаз. У вас было предостаточно времени, чтобы обо всем между собой договориться. Приступим. Когда в понедельник вечером вы сидели впятером в столовой, кто-нибудь оттуда выходил?

Глава 7

Игру в вопросы и ответы пришлось отложить минут на десять из-за вмешательства миссис Уиттен. Она имела свой резон для возражений, но с ее стороны было глупо вылезать с ними сейчас. Существовало только две возможности: либо Помпа наврал Марко с три короба, либо Вулф прав, и один из присутствующих — убийца. Если миссис Уиттен поняла, к чему идет дело, а не понять этого женщина ее ума не могла, и поднялась на защиту стаи, презрев то, что в ней завелся убийца, лишивший жизни Флойда и ранивший ее, то лучшей тактикой было бы сидеть и помалкивать. Однако она решила действовать по-своему и прицепилась к утверждению Вулфа о вранье полиции.

Суть ее возражений сводилась к следующему. О событиях вечера понедельника Вулф мог узнать только от Помпы, и больше ни от кого. Чего Вулф ждал от человека, который арестован по подозрению в убийстве? Такой запросто может соврать. Имелись возражения и у Джерома. Даже если они и соврали о целях встречи, хотя это, конечно же, не так, у Вулфа не имелось ни

малейших доказательств в пользу того, что один из присутствовавших на встрече убил Уиттена. Да поставьте на их место любого человека. Кто, обнаружив наверху труп Уиттена, по доброй воле признал бы, что участвовал в тайном обсуждении того, как не допустить покойного к управлению компанией, по праву принадлежавшей им? Они невинны как младенцы, всего лишь решили не усложнять простую ситуацию. Простую, поскольку Помпа — явный и очевидный убийца, причем не только в их глазах, но и в глазах полиции.

Вулф, не перебивая, выслушал их.

Затем началась чехарда вопросов и ответов, продолжавшаяся два часа. Лично мне происходящее казалось совершенно бесполезной тратой времени и сил. Не так уж важно, что из прозвучавшего было правдой, а что — ложью. И то и другое плотно перемешалось и крепко слепилось между собой за прошедшие два дня.

По сути, гости представили нам следующую версию событий. После того как они собрались в столовой, первым их потревожил Помпа, позвонивший в парадную дверь. Поскольку они не знали, кто пришел, то решили просто обождать в надежде, что звонящий уйдет. Однако через несколько минут раздался звук открываемой две-

ри, после чего до них донеслись знакомые голоса и звуки удаляющихся вверх по лестнице шагов.

С этого момента они переговаривались шепотом, причем обсуждали не то, ради чего собрались, а то, как им выбраться из непростого положения. Разгорелся жаркий спор. Бар высказал идею всем вместе подняться на второй этаж и раскрыть карты, но его никто не поддержал. Мортимер и Ева предложили потихоньку выскользнуть из дому и перебраться на квартиру к Бару, но их вариант тоже отклонили: уж слишком велик был риск, что в момент отступления их заметят из окон верхнего этажа. Последний час они просидели в темноте, шепотом переругиваясь, пока наконец Джером не высказался в пользу плана, предложенного Мортимером и Евой. Теперь большинство было на их стороне. Однако предпринять они ничего не успели, поскольку в этот момент на лестнице раздались шаги. Несколько мгновений спустя они услышали, как кто-то еще сбежал по лестнице, после чего раздался голос миссис Уиттен, которая окликнула Помпу. Голоса звучали достаточно громко для того, чтобы разобрать слова. Хлопнула дверь, и все стихло. Фиби крадучись удалилась на разведку. Вернувшись, она сообщила, что Помпа с миссис

Уиттен засели в гостиной. Снова разгорелся спор о том, стоит ли пытаться бежать из дома или нет. Примерно полчаса спустя Бар положил ему конец, опрокинув в темноте торшер.

На самый главный вопрос все отвечали четко, без запинки и совершенно одинаково. Кто выходил из столовой, после того как миссис Уиттен и Помпа уединились в гостиной? Только Фиби, несколько раз, на разведку, и не дольше чем на полминуты. Что же делать? Тут любой гений сыска оказался бы бессилен. Даже Вулф. Конечно, можно было бы напомнить присутствующим, что они сидели в кромешной тьме, или выяснять в мельчайших подробностях, кто где находился и что делал Бар, когда опрокинул торшер, но зачем? Как поступить, если нутром чуешь, что все они сговорились ни под каким предлогом не выдавать нам убийцу и потому в один голос твердят: из комнаты, кроме Фиби, никто не выходил, да и та отлучалась совсем ненадолго. Если бы речь шла о череде событий, длительность которых исчислялась бы минутами, существовал бы шанс подловить эту публику на противоречиях, но это, увы, был не наш вариант. Задача заговорщиков представлялась до обидного простой. От них всего-навсего требовалось снова и снова твердить,

что в течение получаса после того, как миссис Уиттен и Помпа спустились на первый этаж, из столовой выходила только Фиби, причем каждый раз не больше чем на полминуты.

Когда речь зашла о событиях среды, повторилась уже знакомая нам ситуация. Опять же наши гости не нуждались в сложной, хорошо продуманной легенде. Им было вполне достаточно заявить, что все они на протяжении самое меньшее часа сидели дома, как вдруг с улицы позвонили, дворецкий открыл дверь и перед ним на пороге предстала залитая кровью миссис Уиттен. И снова у нас не имелось ни единой зацепки. Придраться было совершенно не к чему. Джером в своей обычной, тихой и ненавязчивой манере предложил помощь, вызвавшись съездить и привезти дворецкого, но Вулф отказался, даже не поблагодарив.

Он бросил взгляд на часы, которые показывали без четверти три, поджал губы и закатил глаза:

— Что ж, похоже, я понапрасну теряю время. Как вы понимаете, дамы и господа, мы не можем просидеть здесь всю ночь. Вам лучше вернуться домой и лечь спать. Я предлагаю это всем, кроме вас, мадам. — Вулф посмотрел на миссис Уиттен. — Вы, разумеется, заночуете у меня. В моем доме

имеется гостевая комната с удобной…

Речь его заглушил взрыв разноголосых протестов. Наши гости как один принялись возражать, пусть и в разных выражениях и с разной громкостью. Пальму первенства держал Мортимер, за ним с небольшим отрывом следовала Ева. Вулф смежил веки и, дождавшись, когда стихнет шторм, открыл глаза.

— А вы что думали? — раздраженно произнес он. — Решили, что я болван? Порой в ходе расследования убийства сыщик оказывается в тупике. В такие моменты он просто ненадолго отступает в расчете на то, что дальнейшие события подскажут ему новый путь к разгадке. Подобный подход вполне допустим, но только не в том случае, когда следующим событием может стать очередное убийство. Я на такое не пойду. Допустим, никто из присутствующих здесь не желает миссис Уиттен ничего дурного. Пусть так, но я не стану рисковать. Если бы лезвие ножа вошло в ее тело на пару дюймов глубже, она была бы уже мертва. Я готов некоторое время не привлекать к расследованию ни полицию, ни окружного прокурора, но только на одном условии: пока я не получу ответов на кое-какие вопросы, миссис Уиттен должна оставаться под крышей моего

дома. При этом хочу отметить, что я никого не держу. Миссис Уиттен вольна уйти, если считает, что полиция менее назойлива, чем я.

— Если хотите знать мое мнение, то вы куда несноснее полиции, — довольно грубо заявила Ева.

— Это шантаж. За такое в суд подают, — объявил Бар.

— Ладно, мама поедет домой, а вы звоните чертовым полицейским, — внес свою лепту Мортимер.

— Если мама остается, я останусь вместе с ней, — твердо произнесла Фиби.

Миссис Уиттен, как нельзя кстати, в тысячный раз тяжело вздохнула. За все время, проведенное у нас, мне два раза казалось, что она вот-вот грохнется в обморок. Однако, когда она встретилась взглядом с Вулфом, ее глаза смотрели достаточно живо.

— Вы сказали, что поговорите со мной наедине о мисс Алвинг.

— Да, мадам.

— В таком случае давайте отложим этот разговор до завтра. Боюсь, сейчас я слишком устала и потому не готова слушать вас. — Ее руки, лежавшие на коленях, вдруг сжались в кулаки и тут

же снова разжались. Миссис Уиттен повернулась к младшей дочери. — Фиби, тебе придется съездить домой и привезти наши вещи. — Она снова перевела взгляд на Вулфа. — Скажите, в комнате, о которой вы говорили, хватит места для двоих?

— Более чем. Там две односпальные кровати.

— В таком случае со мной останется моя дочь Фиби. Не думаю, что вам нужно опасаться за мою жизнь. Уверяю вас, она не станет убивать меня во сне. Если же завтра дело затянется, днем вам придется меня отпустить. На четыре часа назначены похороны моего мужа.

— Мама, позволь мне отвезти тебя домой, — тихо попросил Джером.

Миссис Уиттен не снизошла до того, чтобы ответить. Вместо этого она обратилась к Вулфу:

— Мне придется подниматься по лестнице?

— Отнюдь. Вы можете воспользоваться моим лифтом, — ответил Вулф таким тоном, словно существование лифта решало все стоявшие перед нами проблемы.

Глава 8

В доме имелись две свободные комнаты. Спальня Вулфа располагалась в задней части особняка на втором этаже. Вулф предпочитал ее всем прочим из-за окон, выходивших на юг. Другая комната второго этажа в передней части здания стояла свободная. Я жил на третьем этаже в комнате, окнами выходящей на улицу. Еще одна комната на моем этаже в задней части здания была никем не занята. Мы называли ее Южной.

Именно там и разместились миссис Уиттен с Фиби. Места довольно, мебель и ковры получше, своя ванная комната и две односпальные кровати.

Прежде чем откланяться, я объяснил нашим гостьям, где в случае пожара можно найти меня, и отправился спать.

Проснулся я от шума. Теперь мне предстояло решить, бодрствую я или сплю, но решать ничего не хотелось, и я собрался вновь ускользнуть в мир грез, как вдруг шум повторился.

— Мистер Гудвин… — позвал меня кто-то.

Я открыл глаза. У моей кровати стояла привлекательная девушка в голубеньком летнем халате.

На плечи ей ниспадали волосы цвета кленового сиропа. В окна с улицы проникало достаточно света, чтобы разглядеть все подробности.

— Я специально не стала стучать. Не хотела кого-нибудь потревожить.

— Тем не менее меня вы потревожили, — заявил я и, рывком перекинув ноги, сел на край кровати. — Чего ради?

— Я хочу есть.

Я глянул на часы:

— Господи боже, через три часа и так подадут завтрак! Фриц доставит его прямо вам в комнату. Кроме того, не очень похоже, что вы умираете с голоду.

Это было правдой. Выглядела девушка прекрасно.

— Я не могу уснуть, и мне хочется есть.

— Ну так ешьте! Кухня на том же этаже, что и… — Я резко замолчал.

Стряхнув с себя остатки сна, я вспомнил, что, во-первых, Фиби — наша гостья, а во-вторых, я — сыщик. Нацепив тапки, я встал, бросил ей: «Пойдемте» — и направился к двери. Преодолев один лестничный марш, подумал, что стоило накинуть халат, но тут же отмел эту мысль: и без него достаточно жарко.

Добравшись до кухни, я открыл холодильник и спросил:

— Чего желаете? Есть какие-нибудь предпочтения?

— Мне просто хочется заморить червячка. Вы не могли бы налить мне молока и сделать сэндвич?

Я принялся вытаскивать все, что имелось в холодильнике. Выбор был богатый: салями, половина окорока, паштет, нарезанный огурец, итальянский хлеб и молоко. Фиби сама вызвалась нарезать ветчину и прекрасно с этим справилась.

Хотя она меня разбудила, я не собирался терять инициативу и потому решил присоединиться к ней. Усадил девушку на стул, а сам устроился на табурете.

Я и раньше обращал внимание на то, какие у нее отличные зубы, а теперь стал свидетелем того, как с их помощью она ловко разделывается с сэндвичами. Фиби жевала с аппетитом, но не жадно.

Я решил поговорить.

— Когда я услышал, как вы меня зовете, а потом открыл глаза и увидел вас, — начал я, — мне в голову пришли две возможности. Либо вы прилетели ко мне, словно мотылек на огонь, либо

хотите что-то рассказать. Пожаловавшись на голод, вы меня страшно разочаровали. И все же… — Я неопределенно помахал рукой и схватил кусочек колбасы.

— Не думаю, что похожа на мотылька, — сказала она. — Да и вы, в измятой пижаме, с всклокоченными волосами, не тянете на манящий огонь. Вы правы в другом. Я действительно хотела вам кое-что рассказать. Так что проголодалась я вовремя.

— Как ни стараюсь, на какие ухищрения ни иду, а пижама все равно мнется к середине недели. Так что же вы хотели мне поведать?

Она отправила в рот кусочек сыра, запила его глотком молока и посмотрела мне прямо в глаза:

— Толку будет больше, если сперва вы мне кое-что объясните. С чего вы взяли, что Помпа не убивал Флойда Уиттена?

Тут я окончательно проснулся и быстро перетасовал в уме все известные факты. Вплоть до этого момента мне казалось, что я флиртую, веду непринужденную беседу с очаровательной девушкой, но теперь ситуация кардинальным образом переменилась.

Я никогда не видел Х. Р. Лэнди, а потому не знал, насколько велико сходство между ними, но при этом не сомневался, что и тон, которым задан

вопрос, и выражение красивых глаз достались ей от человека, построившего империю с оборотом в десять миллионов долларов.

— Хорошенький способ отблагодарить меня за то, что я вас накормил! Если у нас имеются доказательства невиновности Помпы, то ими располагает мистер Вулф, а не я, так что вам лучше спросить его. А если никаких доказательств нет, то к чему понапрасну вам докучать?

— Ну почему же «докучать»? Может, мне будет интересно.

— Я лучше даже пробовать не стану. Хотите еще молока?

— Тогда я буду докучать вам. Я достаточно хорошо знаю Помпу. Последние два года работала с ним бок о бок… Впрочем, наверное, вы об этом знаете. В каком-то смысле он несносный старый деспот, упрям как осел… Но мне он все равно по душе. Я не верю, что он мог убить Флойда Уиттена, и уж тем более таким способом — воткнув ему нож в спину.

— Это что еще за шутки? — нахмурился я. — Вы говорили об этом полиции?

— Конечно нет. Кстати, можете считать, что вам я тоже ничего не говорила. Да и вообще, я ведь просто высказываю свою точку зрения. Од-

нако я верю в то, что говорю. Понимаете, что это означает? Если Помпа не убивал Флойда, получается, его убил кто-то из нас, а я знаю, что ни один из нас не причастен к преступлению. Теперь давайте посмотрим на ситуацию с вашей точки зрения. Вы считаете, что мы сговорились между собой и лжем. Даже если вы правы, доказать этого никогда не сможете. Таким образом, главным подозреваемым вновь оказывается Помпа, и ему придется из-за этого пострадать. Я уже высказала свое мнение о нем. Возникает вопрос: все ли он рассказал полиции? Поверил ли ему инспектор? Я рада помочь Помпе чем могу. Поверьте, я говорю это искренне. Вот, например, он упоминал, что входная дверь была открыта?

— Не знаю. О чем идет речь? О входной двери в вашем доме?

Фиби кивнула:

— Я уже говорила, что в течение получаса несколько раз выходила из столовой. Нам нужно было удостовериться, что мама и Помпа по-прежнему сидят в гостиной. Всякий раз я обращала внимание на то, что входная дверь чуть-чуть приоткрыта. Я решила, что мама нагнала уходившего Помпу в тот момент, когда он уже успел открыть дверь. Потом они, забыв закрыть дверь, пошли

разговаривать в гостиную. Наверняка так все и было. Дело в том, что я выходила из столовой и раньше, до того как мама с Помпой спустились в гостиную. Да и не только я, а еще Ева и Джером. И все это время входная дверь была закрыта.

От радостного возбуждения я чувствовал себя как на иголках, и мне приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы сохранить невозмутимость.

— Очень интересно, — согласился я. — Вы рассказали об этом полиции?

— Нет, я не стала об этом упоминать. Не знаю почему. Просто не стала, и все. Только вчера вечером, когда мистер Вулф начал задавать нам вопросы, до меня наконец дошло, какая это на самом деле важная деталь. Ну конечно же, если дверь была открыта, это означает, что в течение получаса кто угодно мог проникнуть в дом, подняться наверх, убить Флойда и незаметно скрыться. Именно потому я задумалась, а рассказал ли об этой детали Помпа. Он не мог о ней не знать. Он же сам открыл дверь и забыл ее закрыть. Я подумала, что он, может, и упомянул об этом на допросе, но ему никто не поверил. Но ему непременно поверят, если я подтвержу, что тоже видела дверь открытой. Правда?

— Разумеется, эта деталь многое изменит, — согласился я. — Более того, она дает огромный простор для маневра. Подобный поворот событий устроит всех — не только Помпу. Показания двух человек куда лучше, чем одного. А если уж три человека начнут утверждать одно и то же, тогда вообще все будет прекрасно. Как вы думаете, а ваша мать сможет припомнить, что дверь была открыта?

Она отвела взгляд и, чтобы скрыть смущение, потянулась за кувшином и налила себе треть стакана молока. Я не винил ее. Девушка была слишком молода и неопытна и потому оказалась не готова к неожиданным вопросам.

— А знаете, мне и вправду хотелось есть и пить, — призналась она, отставив в сторону пустой стакан. — Что же касается вашего вопроса о маме… Не могу на него ответить. Я не спрашивала ее об открытой двери. Сами понимаете, не до того было. Но я практически уверена, что, когда спрошу ее, мама наверняка вспомнит, что и она видела дверь открытой. Она очень наблюдательна, и у нее превосходная память. Не сомневайтесь, с этим проблем не будет. Согласитесь, в этом случае все прояснится?

— Ну, отчасти тучи рассеются, — не стал спо-

рить я. — Но знаете, будет еще лучше, если вы припомните, что сначала несколько раз видели дверь открытой, а потом, когда выходили в последний раз, заметили, что она закрыта. Вот это будет вообще здорово. Надеюсь, у вас тоже прекрасная память. Отчего же тогда не попробовать такой вариант?

Однако она решила проигнорировать предложение малознакомого человека и не стала усложнять свою версию. Нет, она хорошо помнит, что дверь все время оставалась открытой. Более того, она помнит, как сама ее закрыла, когда братья вместе с матерью и Дэниелом Баром отправились наверх за Флойдом Уиттеном. Я решил на нее не наседать. Пока мы наводили на кухне порядок и убирали продукты в холодильник, я сказал, что она чертовски здорово поступила, рассказав о двери. Теперь благодаря ей у Помпы появилась серьезная надежда на спасение. Кроме того, я пообещал, как только проснется Вулф, тут же сообщить ему прекрасные новости. Мы вместе поднялись наверх. На прощание она с дружелюбной улыбкой протянула мне руку. И крепким же оказалось ее рукопожатие. Затем я улегся в постель и мгновенно провалился в сон.

Мои глаза распахнулись сами собой. Мне это не

понравилось. Я никак не мог взять в толк, почему мне больше не хочется спать. Увидев, что в окна льется яркий солнечный свет, я кинул взгляд на часы. Четверть десятого. Меня как пружиной подбросило. Вскочив с кровати, я кинулся в ванную, оделся со скоростью молнии и сбежал по лестнице на кухню узнать у Фрица, проснулся ли Вулф. Выяснилось, что Вулф, как обычно, позавтракал в четверть девятого и сейчас наверху — возится в оранжерее. Только что Фрицу по внутреннему телефону звонили гостьи из Южной комнаты, и вот теперь он готовил им завтрак. Поскольку я уже успел перекусить на рассвете, голод меня не мучил, и я ограничился стаканом апельсинового сока, тостами и кофе, после чего, перепрыгивая через три ступеньки, понесся на крышу.

Вулфа я обнаружил в среднем отсеке оранжереи. Он придирчиво разглядывал цветки двухлетней Miltonia roezelii. Как я и ожидал, он кинул на меня быстрый и очень кислый взгляд. Вулф терпеть не мог, когда его отвлекали от возни с орхидеями.

Я извинился, без всякого подхалимажа:

— Простите, что проспал, но в этом виновата Фиби. Ну и нервы же у нее! Явилась прямо ко мне в комнату. Черт подери, и еще упрекала за то, что

у меня измятая пижама!

Вулф испепелил меня взглядом:

— Если ты говоришь правду, с ее стороны это было нахальством. Если лжешь, не трать понапрасну время.

— Негусто у вас вариантов. Она явилась ко мне, потому что проголодалась. Я отвел ее на кухню и накормил. Там и выяснил, чего она хотела от меня на самом деле. А хотелось ей, чтобы я купился на ее выдумку. Не желаете купиться вместе со мной? Не выдумка, а сущая красота!

— В чем ее суть?

— Она предлагает обменять Помпу на всю компанию, сидевшую в столовой. В течение получаса, который имеет для нас решающее значение, она несколько раз выходила на разведку и всякий раз обращала внимание на то, что входная дверь слегка приоткрыта. Мама готова подтвердить ее показания. При этом Помпе придется сказать следующее: когда он в гневе направился вон, то успел дойти до двери и открыть ее, однако тут его перехватила миссис Уиттен, после чего они оба, забыв запереть дверь, отправились в гостиную. Что это, по-вашему: нахальство или пустая трата времени?

Вулф закончил осматривать орхидею, поставил

горшок на скамейку и, повернувшись, принялся разглядывать меня. Смотрел так, словно я криво повязал галстук, — вещь вполне возможная, ведь одевался я со скоростью молнии.

— Что это тебе взбрело в голову помянуть мисс Алвинг, когда ты пытался пробиться к миссис Уиттен? — сурово спросил он.

— Должен же я был что-то придумать, черт побери! Я знаю, как женщины обычно относятся к бывшим возлюбленным своих мужей, вот и решил на этом сыграть. Вариант ничуть не хуже других. А то и лучше.

— И все? Других причин нет.

— Других нет. А в чем дело? Я допустил промах?

— Нет. Наоборот. Ты знаешь, где отыскать мисс Алвинг?

Я кивнул:

— Она занимается оптовой закупок игрушек для универмага «Медоуз». Впрочем, мы отклонились от темы. Так как насчет первосортной лжи, которую нам столь услужливо предлагают? Мы готовы купиться? Фиби скоро покончит с завтраком и явится ко мне за ответом.

— Посмотрим. С этим можно обождать. Кроме того, с чего ты взял, что это непременно ложь?

Пойдем в отсек с рассадой. Там можно присесть. Мне надо тебя проинструктировать.

Глава 9

Ненавижу универмаги. Знаете, почему я не хочу жениться? Одна из причин, пусть и не самая главная, заключается в том, что при подготовке к свадьбе мне непременно пришлось бы ходить по универмагам. Видимо, по той же причине мне не стоило выбирать профессию сыщика. Бесспорно, «Медоуз» — один из крупнейших универмагов, и в то утро вторника мне пришлось в него зайти. Другого выхода не было — я исполнял свой профессиональный долг.

Управляющий поместил отдел игрушек на четвертом этаже. Видимо, для того, чтобы детвора могла всласть накататься на эскалаторах. Когда я туда добрался, капельки пота на моей спине под воздействием кондиционеров уже начали превращаться в ледышки. Пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы подавить желание подняться на этаж выше и купить пальто.

Когда я спросил продавщицу о мисс Алвинг, мне ответили, что она занята, придется обождать. Я отыскал стул рядом с самокатами и сел в надежде, что, прислонясь к его спинке, сумею растопить ледышки на моем теле, но стул оказался пла-

стиковым. Обнаружив это, я выпрямился. Через некоторое время я увидел, как ко мне спешит женщина, и встал:

— Мисс Джули Алвинг?

— Да, я мисс Джули Алвинг.

Жить в грехе с оптовой закупщицей детских игрушек? Мне показалось, в этом есть что-то нелепое и смешное, еще когда Марко рассказывал о бывшей возлюбленной Флойда Уиттена, которую тот бросил ради владелицы большой компании, но я тогда не стал ничего говорить. Увидев Джули Алвинг, я порадовался, что не полез со своими комментариями. Ей было сорок, и ровно на столько она и выглядела. Строго говоря, я бы не назвал ее красавицей, взгляд на ней не останавливался. Однако буквально все в ней: и походка, и осанка, и глаза, и рот, и все лицо, казалось, сулили одно: если ты будешь принадлежать ей, а она — тебе, твоя жизнь наполнится интересными и приятными сюрпризами. Несмотря на свой возраст, она произвела на меня столь сильное впечатление, что я, сам того не замечая, расплылся в широкой улыбке:

— Здравствуйте, мисс Алвинг. Меня зовут Арчи Гудвин. Я работаю на Ниро Вулфа. Он сыщик. Вам доводилось о нем слышать?

— Да, доводилось, — ответила она.

Ее голос показался мне несколько тонковатым.

— Ему бы хотелось с вами встретиться. Он был бы крайне признателен, если бы вы смогли на час отлучиться с работы и съездить со мной к нему в офис. Ему нужно кое-что вам передать от миссис Уиттен.

На мгновение мне показалось, что Джули сейчас упадет. Ее голова дернулась в сторону, и она словно вся обмякла, будто кто-то невидимый нанес ей апперкот. Я даже протянул к ней руку на тот случай, если Джули действительно начнет заваливаться, но она устояла на ногах.

— Миссис… миссис Уиттен? — запинаясь, повторила она.

Я кивнул:

— Вы же когда-то были знакомы с ее мужем. Присядьте, пожалуйста.

Она не обратила внимания на мой жест вежливости.

— Что ей надо?

— Я не знаю. Это известно лишь мистеру Вулфу. Она приехала к нему прошлым вечером, и они о чем-то долго разговаривали. Он просил передать вам, что речь идет о деле настолько важном и срочном, что ему необходимо встретиться с вами

сегодня же утром.

— Но я… но я же на работе…

— Да, я в курсе. Сам работаю и знаю, каково это. Я сразу его предупредил, что, скорее всего, вы сможете приехать только после закрытия универмага, но он ответил, что дело не терпит отлагательства.

— О чем миссис Уиттен с ним разговаривала?

— Вам придется спросить его об этом самой, — уклонился я от ответа.

Она прикусила нижнюю губу и некоторое время молчала.

— Подождите, пожалуйста, здесь, — наконец сказала она и двинулась прочь.

Зайдя за прилавок, она скрылась за дверью. Я сел и стал ждать. Через некоторое время глянул на часы и обнаружил, что прошло уже двадцать две минуты. Неужели она меня провела? — мелькнуло в голове. Но нет, несколько мгновений спустя мисс Алвинг вернулась.

— Я готова, — объявила она, подойдя ко мне. — Говорите адрес.

Я вызвался ее сопровождать. Она ответила отказом, пояснив, что должна воспользоваться служебным выходом. На это я возразил, что мы можем встретиться на улице. Вулф велел мне

доставить ее в офис, а я всегда стараюсь неукоснительно выполнять его распоряжения. Зачем она понадобилась Вулфу? Я терялся в догадках, причем одни догадки противоречили другим. Впрочем, я ни в коем разе не хотел нарушать планы Вулфа, а все говорило о том, что мисс Алвинг играла в них ключевую роль. Именно поэтому я несказанно обрадовался, когда она подошла к месту нашей встречи, — на этот раз я ждал ее не больше минуты.

Сев в такси, мы поехали к Вулфу. Всю дорогу она просидела, вцепившись обеими руками в сумочку, и не проронила ни слова. Меня это вполне устраивало. Я совершенно не представлял, зачем она понадобилась Вулфу, и потому в данный момент ничем не мог ему помочь.

Поскольку Вулф строго-настрого запретил мне говорить, что сейчас у нас гостят миссис Уиттен и Фиби, я бы не удивился, если бы увидел их в кабинете, когда зашел туда с Джули Алвинг. Вопреки моим ожиданиям Вулф был один — сидел за столом и читал газету. Отложив ее в сторону, он встал и поклонился, что делал крайне редко.

Видимо, он придавал огромное значение мисс Алвинг или той роли, что ей предстояло сыграть. Я неоднократно становился свидетелем тому,

как появление женщин в кабинете не вызывало у него ничего, кроме хмурого, рассерженного взгляда. Я внес свою лепту, предложив мисс Алвинг красное кожаное кресло.

Она села, по-прежнему судорожно сжимая в руках сумочку, и уставилась на Вулфа. Он велел мне приготовить блокнот, что я и сделал. Порой, когда человек достает блокнот и ручку, это производит ошеломляющий эффект.

Затем Вулф посмотрел в глаза мисс Алвинг:

— Я полагаю, мистер Гудвин предупредил, что я хочу побеседовать с вами о миссис Уиттен.

— Да, предупредил… — кивнула она. — Хотя нет, погодите… Он сказал, что вы хотите что-то от нее передать.

Вулф небрежно помахал рукой:

— Вполне допускаю, что он сказал именно так. Он предпочитает именно такую формулировку. Так или иначе, давайте сразу перейдем к делу. Если вы согласитесь мне помочь, думаю, я смогу уговорить миссис Уиттен не обращаться с жалобой в полицию.

— В полицию? С жалобой? На кого? — весьма неубедительно изобразила изумление Джули.

— На вас. Хотите сказать, что не знаете, какое обвинение миссис Уиттен может выдвинуть

против вас?

— Конечно нет. Ей не в чем меня обвинять.

— Когда вы общались с ней в последний раз?

— Я никогда с ней не общалась… Я вообще с ней не знакома.

— Хорошо, когда вы видели ее в последний раз?

— Даже не знаю… Довольно давно… Несколько месяцев назад. Я видела ее мельком дважды или трижды, но при этом ни разу даже словом с ней не перемолвилась.

— Значит, в последний раз вы видели ее несколько месяцев назад?

— Да.

— Вы ей что-нибудь должны?

— Нет.

— А она вам?

— Нет.

— Значит, у вас с ней никогда не было ничего общего?

— Никогда.

— У вас есть основания опасаться ее либо ждать от нее хорошего или плохого?

— Нет.

— В таком случае не могли бы вы объяснить, почему, как только мистер Гудвин сказал, что я

хочу вам кое-что передать от миссис Уиттен, вы тут же сорвались с работы и приехали ко мне?

— А почему бы и нет? — с уверенностью в голосе произнесла она. — После всего того, что случилось… Почему у меня не могло возникнуть желания узнать, чего ей надо?

Вулф одобрительно кивнул:

— Правильный ответ, в тактическом плане даже наилучший. На большее вы вряд ли способны. Увы, мисс Алвинг, он меня не устраивает. Если вы продолжите в том же духе, я умываю руки, а вами займутся другие. Поэтому настоятельно рекомендую хорошенько подумать. Считаете, вам поверят? Напрасно. Поверят миссис Уиттен, а она утверждает, что вы напали на нее с ножом и целились ей в сердце.

— Это ложь! — вскричала Джули, опять же малоубедительно.

— Да перестаньте. Очевидно же, что это ваша работа. Понятное дело, вы не горите желанием сознаваться в содеянном. Газеты о случившемся молчат, а вы полагаете, что миссис Уиттен при смерти. В этом вы ошибаетесь. Вы лишь оцарапали ей ребро. Двенадцати швов оказалось вполне достаточно для того, чтобы поставить ее на ноги. Более того, она смогла приехать сюда. Да, она по-

теряла немного крови, но в остальном ее здоровье остается таким же превосходным. Она даже не стала заявлять в полицию. Не хотела давать журналистам очередной повод для шумихи. Еще бы! Бывшая возлюбленная убитого пытается лишить жизни его вдову! Таким образом, вам придется держать ответ за покушение на убийство. — Вулф снова небрежно взмахнул рукой, словно говорил о сущем пустяке. — Так вот, если вы будете со мною откровенны и ответите на несколько вопросов, обещаю обо всем договориться с миссис Уиттен. Она не станет выдвигать против вас обвинений. Если бы вы добились желаемого, если бы вы убили ее, тогда с моей стороны было бы глупо рассчитывать на вашу откровенность. Я не стал бы просить вас, мисс Алвинг, сознаваться в убийстве.

Она изо всех сил старалась держать себя в руках. Ее усилия были достойны восхищения. Одна беда: ей приходилось продумывать линию своего поведения по ходу дела, а это задача не для дилетанта, особенно когда на тебя смотрят полуприкрытые глаза Ниро Вулфа.

При всем том мисс Алвинг оказалась крепким орешком.

— Когда это случилось… Когда и где напали на

миссис Уиттен?

— Что ж, будь по-вашему. Я освежу вам память, — терпеливо произнес Вулф. — Это случилось вчера вечером, без четверти десять, рядом с ее домом, когда она вышла из машины.

— Газеты не написали об этом ни слова. Я полагаю, пресса должна сообщать о таких происшествиях?

— И сообщает, если журналисты в курсе. В этот раз такого не случилось. Понимаю, вы просматривали газеты, это естественно. Но я уже объяснил, почему миссис Уиттен решила сохранить случившееся в тайне.

Джули все еще думала.

— Похоже, вы хотите заключить сделку — в том случае, если я действительно совершила преступление, хотя я ни на кого не нападала. Однако, если бы это все же была я, мне бы захотелось узнать, не выуживаете ли вы у меня признания в убийстве. Откуда мне было бы знать, мертва она или же просто, как вы говорите, потеряла немного крови. Верно?

Она была права. Вулф довольно долго молча смотрел на нее и наконец, заворчав, повернулся ко мне:

— Арчи, приведи сюда свидетельницу. Только

одну. Если вторая начнет возмущаться, напомни ей мои слова. Я предупредил, что разговор о мисс Алвинг пойдет с глазу на глаз.

Глава 10

Фиби не стала возмущаться. Когда я вошел в Южную комнату на третьем этаже, девушка разговаривала по телефону. Судя по всему, звонок был городским. Ее мать сидела в кресле у окна. На ее коленях лежала газета. Стоило мне сказать, что Вулф готов к разговору с глазу на глаз, как миссис Уиттен немедленно, без всякой посторонней помощи встала, а Фиби, повесив трубку, спросила, есть ли для нее какие-нибудь новости. Пообещав, что вскоре Вулф поговорит и с ней, я подвел миссис Уиттен к лифту, которым пользовался, только когда сопровождал раненых. Спустившись на первый этаж, мы проследовали в кабинет.

Я держался справа от миссис Уиттен: уж очень мне хотелось увидеть выражение лица Джули Алвинг, когда мы переступим порог. Сперва лицо Джули вытянулось от изумления, но это чувство быстро сменилось целой гаммой других, среди которых я без колебаний мог угадать лишь одно — лютую ненависть. За миссис Уиттен, стоявшей в профиль ко мне, я особо не следил, однако краешком глаза все же заметил, как она застыла,

будто бы окаменев.

— А вот, мисс Алвинг, и моя свидетельница. Полагаю, леди, вы еще незнакомы. Миссис Уиттен, мисс Алвинг.

Миссис Уиттен сдвинулась с места. На мгновение мне почудилось, что она сейчас развернется и выйдет, но, оказывается, она тянулась ко мне, пытаясь ухватиться за мой рукав. Я взял ее под руку, стараясь не касаться левого бока.

Накануне миссис Уиттен по достоинству оценила красное кожаное кресло, в котором сейчас расположилась Джули. Пересаживать мисс Алвинг мне показалось неудобным, поэтому я усадил свидетельницу в другое кресло, желтое, не такое просторное, как красное, но не менее удобное. Когда миссис Уиттен устроилась, я вернулся за свой стол и снова взял блокнот и ручку.

— Возможно, атмосфера нашей встречи покажется вам неприятной в силу чувств, которые вы питаете друг к другу. Об этом мне остается лишь сожалеть, — сказал Вулф. — Увы, мисс Алвинг не оставила мне другого выхода. — Он перевел взгляд на миссис Уиттен. — У нас с мисс Алвинг возникла крохотная незадача. Мне бы очень хотелось поговорить о подробностях ее вчерашнего покушения на вас, но она не желает со мной

откровенничать, и я не особенно виню ее за это. Дело в том, что она не знает, насколько серьезно вас ранила. Единственный выход из положения — позволить ей самой оценить ваше состояние.

Надо отдать должное Вулфу. Он не просто свел риск к минимуму — он вообще ничем не рисковал, поскольку дамы не поддерживали отношений друг с другом.

— Как вы узнали, что это была она? — с напором спросила миссис Уиттен, и ее голос прозвучал резко и пронзительно.

— Очень просто. Сейчас я вам объясню. Но сперва нам нужно прийти к согласию. Я понимаю и разделяю ваше нежелание предавать широкой огласке факт нападения, но здесь, в приватной обстановке, прошу вас быть максимально искренней и откровенной. Так вы точно узнали ее?

— Ну конечно.

— И у вас в этом нет ни малейших сомнений?

— Абсолютно никаких. Прежде чем вырваться и броситься бежать, я обернулась и увидела ее лицо. Кроме того, она мне кое-что сказала.

— Что именно?

— Точно не помню. Что-то вроде: «Я тебя тоже убью». Так мне показалось. Потом я решила, что ослышалась. Ведь я считала, что моего мужа убил

Помпа. До меня просто не дошло, что убийцей могла быть она. Но теперь моя дочь вспомнила об открытой двери… Теперь и я припоминаю: дверь действительно была открыта. Только сейчас я осознала, что правильно запомнила ее слова…

— Это ложь! — воскликнула Джули, адресуясь к Вулфу, раз уж миссис Уиттен говорила не с ней, а с ним.

Мисс Алвинг была бледна, совсем как миссис Уиттен накануне вечером, но не мертвенной бледностью, совсем нет. Она кипела от возмущения.

— Я этого не говорила! Я сказала: «Ты убила его, а я убью тебя!» Как жаль… Боже, как жаль, что ты осталась жива!

— Вы почти добились своего, — пророкотал Вулф.

Теперь, когда жертва угодила в сети, он мог позволить себе наполовину открыть глаза.

— Должен сказать вам обеим следующее: только что я просто пытался нащупать способ получше начать разговор. Ну а теперь забудьте о существовании друг друга, насколько это вообще возможно, и послушайте меня. Если мы хотим сообща во всем разобраться, вам следует знать, каким образом я пришел к выводам, которые

только что сделал.

Его прервал дверной звонок. При данных обстоятельствах дверь должен был открыть Фриц, но я не хотел, чтобы нас беспокоили всякой ерундой, и потому поспешил в прихожую, прикрыв за собой дверь в кабинет.

Взгляд сквозь стеклянную панель на крыльцо подтвердил, что я не зря сам пошел открывать. Под дверью стоял инспектор Кремер. Он был один, поэтому я не стал вешать цепочку, а просто поставил ногу так, чтобы дверь не открылась шире чем на шесть дюймов.

— Доброе утро. Что я натворил на этот раз? — бросил я широкоплечему инспектору, чье круглое обрюзгшее красное лицо маячило прямо передо мной.

— Мы отправили сотрудника в особняк миссис Уиттен, — сердито произнес Кремер. — Нам надо было кое о чем ее расспросить. А ему сказали, что она здесь. Что там опять затеял Вулф? Я желаю ее видеть.

— Я никогда не смогу ответить на вопрос, что именно он затевает. Но я могу пойти и спросить у него. Только он захочет знать подробности. У вас есть ордер?

— Нет, черт подери! Ордер на что?

— Я просто спросил. Будьте любезны, уберите с порога ногу.

Захлопнув дверь и щелкнув замком, я вернулся в кабинет и сказал Вулфу:

— Пришел остолоп насчет табуретки. Той самой, с царапиной. Случайно узнал, что она у нас, и у него проснулось любопытство. Теперь он желает с вами поговорить. Документов на получение табуретки у него нет. Более того, он даже не догадывается, что они нужны. Сказать, что вы заняты?

Я был уверен, что Вулф скажет «да», но ошибся. Ему удалось разгадать смысл моего шифрованного послания.

— Что, мистер Кремер?

Еще бы Вулф не догадался, кто напрашивается к нам в гости! Сколько лет кряду я зову Кремера остолопом.

— Он хочет поговорить с миссис Уиттен?

— К ней в особняк явился один из его сотрудников. Наверное, хотел спросить о какой-то ерунде, а в итоге обнаружил, что она у нас. А хочет он одного: выяснить, удалось ли вам разгадать головоломку.

— Он едва не опоздал. Если он согласится слушать молча и не перебивать меня, пока я не

закончу, можешь его впустить.

— Не нравится мне это. У него Помпа.

— Мистер Помпа скоро выйдет на свободу. Мы тебя ждем. Я хочу, чтобы у меня сохранилась запись нашего разговора.

Как я сказал, мне категорически не нравилась затея Вулфа, но, когда он шел вразнос, мои слова имели веса не больше, чем перышко с шейки цыпленка.

Я вернулся к двери, чуть приоткрыл ее и произнес в образовавшуюся щель:

— Миссис Уиттен сидит в кабинете у Вулфа и болтает с ним. Как, собственно, и мисс Джули Алвинг из отдела игрушек универмага «Медоуз», некогда находившаяся в близких отношениях с покойным Флойдом Уиттеном. Возможно, вам доводилось о ней слышать.

— Доводилось. Что, черт возьми, затеял Вулф?!

— Понятия не имею. Я всего лишь стенографист. А теперь хочу предложить вам два варианта. Первый: вы инспектор полиции, поэтому сейчас можете пойти на ланч, а после заняться своими делами. И второй: я впускаю вас в дом, но вы даете мне самое честное слово, что не раскроете рта, пока Вулф не согласится предоставить вам слово. У нас здесь намечается занятное представ-

ление, но у вас нет билета даже на приставное сиденье, поскольку ни одна из дам ни в чем не обвиняется.

— Я офицер полиции. И не собираюсь связывать себя…

— Давайте не будем препираться. Вам прекрасно известны пределы ваших полномочий. Я тороплюсь, меня там ждут — я должен стенографировать. Итак, что вы выбираете?

— Впусти меня.

— Вы согласны на выдвинутые условия?

— Да.

— Будете держать язык за зубами?

— Да.

— Ладно. Но знайте: если вы нарушите слово, в следующий раз, когда вам понадобится к нам зайти, не забудьте прихватить с собой бульдозер. — С этими словами я распахнул дверь.

Вулф коротко поприветствовал инспектора, оставив мне возможность представлять Кремеру присутствующих дам.

Я нисколько не удивился, что инспектор увидел миссис Уиттен впервые. Его сотрудники уже через несколько часов после начала расследования пришли к выводу, что убийца — Помпа, и потому их начальнику не было резона тревожить вдову.

Удостоив женщин небрежным кивком, Кремер нацелил пристальный, буравящий взгляд на Вулфа, словно силясь проникнуть в его мысли, после чего, демонстрируя намерение не вмешиваться в разговор, устроился подальше, позади миссис Уиттен и чуть справа от нее.

— Давайте сразу договоримся, мистер Кремер, — начал Вулф, — вы здесь на положении посетителя, ожидающего, когда я освобожусь.

— Меня это устроит, — прорычал Кремер.

— Прекрасно. В таком случае я продолжу. Я как раз начал объяснять дамам, каким был ход расследования и что мне удалось выяснить.

— Да-да, продолжайте.

С этого момента Вулф больше не обращал на Кремера никакого внимания. Он смотрел на Джули и миссис Уиттен.

— Я убедился в невиновности Помпы и правоте человека, попросившего меня доказать его непричастность к убийству, благодаря ничтожным, мелким деталям. Сейчас не так уж и важно, почему мистер Гудвин, пытаясь пробиться к миссис Уиттен, решил сказать, что прибыл с поручением от мисс Алвинг.

Джули ахнула.

— Разумеется, это была ложь, — кивнул Вулф.

— Профессия часто вынуждает нас лгать. Иногда ложь тщательно продумана, иногда мы говорим первое, что взбредет в голову. В этот раз все сложилось как нельзя удачнее. Несмотря на то что миссис Уиттен лежала в постели с тяжелой раной, которая едва не стоила ей жизни, мистера Гудвина немедленно пустили к ней.

Кремер невольно издал возглас и встал. Вулф, даже не посмотрев в его сторону, продолжил, обращаясь к дамам:

— Разумеется, то, что я сказал, для мистера Кремера сюрприз. Этот сюрприз не последний, будут и другие, но сперва я позволю себе закончить. Удачная выдумка…

— Вы не только лжете, но и не держите слова, — недовольно заметила миссис Уиттен. — Вы обещали не сообщать полиции о нападении на меня, если мы ответим на ваши вопросы.

— Ошибаетесь, — отрезал Вулф, — я не нарушаю обещаний. Я лишь сделал вам предложение, но оно не было ни безоговорочным, ни бессрочным. Неужели вы рассчитываете, что я стану хранить эти сведения в тайне, когда речь идет о разоблачении убийцы? Сейчас пришла пора предать факты огласке.

— Да неужели? — Миссис Уиттен сбавила тон.

— Именно так.

— В таком случае… В таком случае продолжайте.

— Удачная уловка мистера Гудвина, благодаря которой ему удалось пробиться к миссис Уиттен, безусловно, заставляла задуматься. Да, разумеется, некогда ее муж и мисс Алвинг были близки, но он порвал эту связь еще до свадьбы. Так почему же стоило мистеру Гудвину упомянуть о ней, как его тут же пропустили к раненой миссис Уиттен? Должно быть, на то имелась серьезная причина. Но какая? Об этом оставалось только догадываться. Одна из моих версий заключалась в том, что на миссис Уиттен напала мисс Алвинг. Однако на тот момент данная гипотеза основывалась лишь на череде догадок и допущений. Как только я узнал от мистера Гудвина подробности, картина потихоньку начала проясняться. Благодаря уму и находчивости мистер Гудвин быстро выяснил подлинную причину, в силу которой миссис Уиттен оказалась в постели. Поскольку пострадавшая очень хотела эту причину скрыть, у нас в руках оказалось мощное средство воздействия на нее. Очень мощное! Настолько мощное, что миссис Уиттен за полночь встала с постели и в сопровождении своих родственников приехала

ко мне.

— Когда? Прошлой ночью? — строго спросил Кремер.

— Сэр, вы дали слово, — сверкнул на него глазами Вулф. — Потерпите. Чуть позже вы все узнаете. Я сейчас работаю.

— Кто вам сказал, что Флойд порвал со мной? — спросила Джули.

Мне показалось, что ее голос звучит совсем как у миссис Уиттен, но я сразу же понял, что их роднит не тембр, а эмоциональная окраска. Чувство ненависти.

— Я узнал это от мистера Помпы, — ответил Вулф. — Если я неудачно подобрал слова и они вас задели, прошу меня извинить. Вполне допускаю, что они не соответствуют истине. Продолжим. Прошлым вечером я внимательно поглядел на своих гостей, послушал, что они говорят, и пришел к выводу, что ни один из них не мог покуситься на жизнь собственной матери. Полностью исключить этот вариант я не мог, но пока решил его дальше не рассматривать. Таким образом, я опять вернулся к мисс Алвинг. Миссис Уиттен не просто заявила, что не узнала напавшего, нет. Она вдобавок уверяла, что не сумела разобраться, мужчина это был или женщина. Ну

что за нелепость! Ее ложь выглядела не просто малоубедительной, но абсурдной. Если миссис Уиттен не знала, кто на нее напал, зачем она так старалась скрыть происшедшее, вплоть до того что встала, раненая, с постели и на ночь глядя приехала ко мне? Именно таким образом я пришел к выводу, что она узнала нападавшего и теперь отчаянно хотела утаить это от других. Ею могли двигать любовь и гордость, заставляющие покрывать преступления своих детей, но детей я скинул со счетов. Однако любовь не единственная спутница гордости. Гордость столь же часто ходит рука об руку с ненавистью. И эта мысль снова привела меня к мисс Алвинг. — Вулф опять покачал головой. — Причастность мисс Алвинг к преступлению все еще оставалась версией, догадкой, но теперь уже гораздо более вероятной. Вот я и решил кинуть пробный шар. Мистер Гудвин еще раз на бис исполнил уловку, сработавшую с миссис Уиттен. Он отправился к мисс Алвинг и сказал, будто бы я хочу ей кое-что передать от миссис Уиттен. Мисс Алвинг клюнула. Служащая универмага посреди рабочего дня вдруг все бросает и уходит! Согласитесь, это крайне необычно. Тем не менее мисс Алвинг именно так и поступила. Она тут же приехала сюда с ми-

стером Гудвином, что стало еще одним доводом в пользу справедливости моей версии. Теперь настала пора эту версию проверить. Надо отдать должное мисс Алвинг. Она прекрасно держалась, но ее реакция развеяла все мои сомнения. Затем мистер Гудвин поднялся наверх и вернулся с миссис Уиттен, тем самым загнав вас обеих в тупик. Вы обе признали, что на миссис Уиттен напала мисс Алвинг. Это так, мисс Алвинг?

— Да. — Джули попыталась сглотнуть. — Жаль, что я не убила ее.

— Очень глупо с вашей стороны сожалеть об этом. Что скажете, миссис Уиттен? Вы подтверждаете, что на вас напала мисс Алвинг?

— Да, — с явной неохотой произнесла миссис Уиттен. — Я решила это скрыть, потому что знала: мой муж не захотел бы огласки. Я совсем позабыла об открытой двери и не понимала, что это она убила его. Она ждала целых полгода! Целых полгода ждала и надеялась, что он к ней вернется. — Миссис Уиттен отвела от Вулфа взгляд. Теперь ее горящие ненавистью глаза впились в Джули. — Но он не вернулся? Он мой и ни за что бы тебе не достался! Ты это поняла и убила его!

— Врешь, — тихим, ровным и спокойным голосом сказала Джули. — Это ложь, и тебе это

прекрасно известно. Он никогда меня не бросал. Он никогда не переставал меня любить. И ты об этом узнала.

— Что? Она об этом узнала? — бросился в атаку Вулф.

— Да.

— Мисс Алвинг, посмотрите на меня. Забудьте о ней. Посмотрите на меня. Вам ничто не угрожает. Дверь особняка была заперта. Когда миссис Уиттен обо всем узнала?

Джули медленно повернулась к Вулфу:

— С месяц назад.

— Почему вы так в этом уверены?

— Он написал мне, что не сможет прийти… В то место, где мы встречались. Потому что ей все известно. Он боялся ее, боялся как огня. Я знаю, он был трусом. Никогда не влюбляйтесь в трусов.

— Постараюсь. У вас сохранилось письмо?

Она кивнула. Бледность исчезла, сменившись румянцем, но ее голос звучал по-прежнему тихо и бесстрастно.

— Они все у меня. Я ни одного не выкинула. В тот месяц он написал мне одиннадцать писем, но больше я так его и не увидела. Он все твердил, что мы скоро встретимся, что нам надо встретиться как можно скорее, но… Но он был трусом.

— Он сообщил вам, как миссис Уиттен обо всем узнала?

— Да, в первом же письме.

— А потом, узнав о его гибели, вы поняли, что это она убила его, и решили отомстить?

— Да. Что мне еще оставалось?

— Вы бы могли… Впрочем, не важно… Вы его любили?

— Я и сейчас его люблю.

— А он вас любил?

— Да! Конечно же да!

— Сильнее, чем жену?

— Он ее ненавидел. Он презирал ее. Смеялся над ней.

Миссис Уиттен, словно чем-то подавившись, издала захлебывающийся звук и встала. Я был готов к такому повороту событий, а потому проворно вскочил и преградил ей путь. Она протянула было ко мне руку, но тут же опустила ее и села обратно. Я остался стоять рядом с ней — вдруг у нее в сумке нож? Конечно же, это представлялось мне маловероятным, но чем черт не шутит.

— Должен сказать, мадам, что я с самого начала подозревал именно вас, — обратился к ней Вулф. — Когда вы обнаружили, что семья втайне от вас собралась на совещание в столовой, то повели

себя странно, будто были не в себе. Вы не стали обрушиваться на них с издевками и бранью, хотя это было бы вполне в вашем духе. Вместо этого вы воззвали к их совести. У меня есть только одно объяснение столь странной перемены. Вы уже знали, что ваш муж мертв. Одним ловким ударом вы вогнали ему в спину нож, после чего бросились догонять мистера Помпу. Надо отдать вам должное, вы хитро придумали, как свалить на него преступление. Но дети смешали вам карты, решив собраться в особняке именно в день убийства. Для вас это стало ужасным открытием. Ничего удивительного, что вы растерялись. При этом ваш план был не просто хитрым и тонким, а выношенным давно. Что вы сделали месяц назад, узнав об измене мужа? Разъярились и вышвырнули его вон? Нет! Поняли его? Простили? Попытались завоевать его сердце? Нет! Вы решили усыпить его бдительность и доказать, что доверяете ему все больше и больше, что ваша любовь растет не по дням, а по часам. Для этого вы объявили, что в ближайшем будущем ему предстоит возглавить компанию. Вы решили, что, когда, улучив удобный момент, убьете его, на вас никто и не подумает. Вы и впрямь оказались вне подозрений, но от вас отвернулась удача. С

вашей стороны было подло и бессердечно, но при этом очень умно иметь наготове подозреваемого, в которого вцепится полиция. Лишь в одном вам не повезло: на роль козла отпущения вы выбрали человека, который некогда был очень хорошим поваром. Да что там хорошим — великим! — Вулф резко повернул голову к инспектору. — Мистер Кремер, я закончил и освобождаю вас от данного вами обещания. Я не знаю, как вам полагается поступать в подобных случаях. У вас в тюрьме сидит человек, которого обвиняют в убийстве, но убийца перед вами. Что вы будете делать?

— Мне кое-что потребуется, — просипел Кремер; он был потрясен, хотя старался не показывать виду. — Мне нужны письма. Что вы там говорили насчет открытой двери? Мне нужно…

— Вы получите все, что вам нужно. Я спрашиваю, что вы собираетесь делать прямо сейчас? Как нам поступить с миссис Уиттен?

— Об этом не беспокойтесь. У меня в машине сидят два сотрудника. Если рана не помешала ей прошлой ночью приехать сюда, значит и сейчас не помешает прокатиться до полицейского управления.

— Хорошо. — Вулф повернулся к Джули. — Помните, я дал вам одно обещание? Я сказал, что если

вы мне поможете, то я позабочусь о том, чтобы миссис Уиттен не выдвигала против вас обвинения. Бесспорно, вы мне помогли. Вы выполнили свою часть сделки. Ну а я выполнил свою. Вы со мной согласны?

Такое впечатление, что она не услышала ни единого слова. Джули смотрела на него невидящими глазами.

— Во вчерашней газете напечатали, — произнесла она, — что похороны состоятся сегодня, в четыре часа. Там еще была просьба: «Цветов не посылать». Цветов не посылать!

Мне показалось, что Джули пытается улыбнуться, но вдруг она уронила голову на руки и затряслась от рыданий.

Глава 11

Я стоял в коридоре на третьем этаже перед дверью Южной комнаты. Вулф решительно отказался подниматься сюда, поручив непростое дело мне. Я постучал.

— Войдите, — раздался голос из-за двери, что я и сделал.

Фиби швырнула журнал на столик и встала из кресла:

— Ну и задержались же вы. Где мама?

— Собственно, из-за этого я и пришел.

Переменившись в лице, Фиби шагнула ко мне и с напором спросила:

— Где она?

— Не надо на меня давить. Для начала хочу извиниться. Знаете, что я подумал, когда вы выдали мне хохму про открытую дверь? Я решил, что кто-то из собравшихся в столовой — убийца, причем вы знаете, кто именно. Я не исключал, что вы сами замешаны в преступлении. Вот вы и подумали: вдруг Вулф размякнет, если предложить ему выход из положения? Но теперь все встало на свои места. Вы не могли поверить в виновность Помпы. Вы знали, что ни один из тех, кто прятал-

ся в столовой, не причастен к убийству. Значит, преступление совершила ваша мать. Именно ее вы и пытались спасти. Именно поэтому я хочу принести извинения, что, собственно, и делаю.

— Мне не нужны ваши извинения. Где моя мать?

— Не знаю. Либо в полицейском управлении, либо у окружного прокурора — в зависимости от того, куда ее повезли. Ей предъявили или предъявят в скором времени обвинение в убийстве. По большей части это заслуга мистера Вулфа, но и я тоже к этому руку приложил. За это не извиняюсь. Вы, черт подери, прекрасно знаете, что она опасная, коварная, злая женщина! Судите сами: как она подставила Помпу. Да, признаю, она вам мать, но не мне! Довольно о ней. Займемся вами. Вы чего-нибудь от меня хотите? Могу я что-то сделать для вас?

— Нет.

Она не сморгнула слезы, не побледнела, у нее не затряслись губы, но выражение глаз было более чем красноречивым.

— Понимаете, — решил пояснить я, — все-таки сюда привез вас я, вы теперь здесь одна… Может, вам нужна какая-нибудь помощь? Хотите, я кому-нибудь позвоню, отвезу вас, куда скажете, вызову

такси, вышлю вам ваши вещи…

— Нет.

— Внизу будет ждать Фриц. Он выпустит вас на улицу. Если что — я в кабинете, печатаю.

На этом мы распрощались и долго не разговаривали, вплоть до позавчерашнего дня, когда прошел ровно месяц после того, как судья Уилкинсон вынес приговор ее матери.

Фиби позвонила мне сказать, что передумала и готова принять мои извинения. Не мог бы я прокатиться с ней в Коннектикут и поужинать в «Амброзии 26»?

У меня было назначено свидание с другой, но, даже окажись я свободен, все равно ответил бы отказом. Вполне допускаю, что «Амброзия» — неплохой источник дохода, но там слишком многолюдно и шумно для того, чтобы добиться хоть какого-то прогресса в отношениях.

Дверь смерти

Глава 1

Ниро Вулф сделал широкий шаг, чтобы перемахнуть лужу на обочине усыпанной гравием дорожки. Его левая нога опустилась на влажную траву. Он поскользнулся, покачнулся и отчаянно замахал руками, чудом удержав в вертикальном положении свое тело, вес которого составлял одну шестую тонны.

— Да вы прямо как Рэй Болджер![4] — восхищенно заметил я.

Вулф кинул на меня полный ярости взгляд, отчего я почувствовал себя совсем как дома, хотя в данный момент мы были от него очень далеко. В то промозглое декабрьское утро мы целый час добирались на машине до Северного Уэстчестера. Вулф расположился на заднем сиденье. Он свято верил в то, что, когда мы попадем в автокатастрофу, а это рано или поздно неизбежно случится, он потеряет меньше крови и переломает меньше костей, если будет сидеть сзади. На мой взгляд, достаточно глупо с его стороны. Так или иначе, мы наконец оказались неподалеку от Катоны,

---

[4] Сноски: 4

Рэй Болджер — американский актер и танцор.

нарушив границы частного владения некоего Джозефа Дж. Питкэрна. Честно говоря, мы вторглись в его имение без спросу. Разумеется, нам, как и подобает джентльменам, следовало подъехать к парадному входу большого старинного каменного особняка и пройти по террасе к двери. Однако вместо этого, подчиняясь приказу Вулфа, я свернул с главной дороги, объехал дом сзади и остановил машину в конце гравийной дорожки рядом с гаражом. Причина, в силу которой я проделал этот маневр, была достаточно простой: мистер Питкэрн нас совершенно не интересовал и мы не собирались с ним встречаться. Мы намеревались кое-кого у него похитить.

— Вы блестяще устояли на ногах, — с одобрением в голосе сказал я Вулфу, — особенно если учесть, что вы не привыкли к суровым условиям сельского бездорожья.

Не успел он поблагодарить меня за комплимент, как из гаража вышел мужчина в заляпанном маслом комбинезоне. Судя по одежде, он явно был не тем человеком, которого мы собирались умыкнуть, однако Вулф пребывал в таком отчаянии, что решил не рисковать, и потому рассерженная гримаса на его лице сменилась выражением искреннего дружелюбия и распо-

ложения.

— Доброе утро, сэр, — произнес Вулф.

— Ищете кого-нибудь? — кивнув в ответ, поинтересовался мужчина.

— Да. Нам нужен мистер Энди Красицки. Это, случайно, не вы?

— Нет, не я. Меня зовут Нил, Нил Имбри. Я здесь и дворецкий, и шофер, и мастер на все руки. А вы, похоже, коммивояжер? Или страховой агент?

Да уж, подумалось мне, стоит подъехать к черному ходу, и дворецкие уже принимают тебя бог весть за кого. Но если предположение Имбри и оскорбило Вулфа, то он даже виду не показал. Заверив дворецкого, что вовсе не является страховым агентом, он пояснил, что у него к Красицки дело личного и весьма приятного свойства. Услышав это, Нил отвел нас за гараж, в котором, судя по числу дверей, могло разместиться пять автомобилей, и указал на извивавшуюся змеей тропинку, которая исчезала в кустарнике.

— Ступайте по этой дорожке, она выведет вас аккурат к коттеджу Энди. Он находится за теннисным кортом. Летом из-за листьев его и вовсе разглядеть нельзя, а сейчас вон виднеется краешек. Вы наверняка застанете Энди: он небось дрыхнет, поскольку вчера до самой ночи дез-

инфекцией занимался. Я тоже порой баранку допоздна кручу, но мне потом днем отоспаться не дают. В следующий раз буду наниматься на работу — попрошусь садовником.

Поблагодарив дворецкого, Вулф двинулся по тропинке. Я шел следом, прикрывая тыл. Тучи для разнообразия решили на время перестать поливать нас дождем, но кругом все равно было очень сыро. И вот мы добрались до кустарника. Теперь приходилось постоянно нагибаться, чтобы не задеть ветки, готовые обрушить на нас ливень брызг. Мне-то что? Я молодой, гибкий, поджарый — для меня это плевое дело. А вот тучному Вулфу, в плотном твидовом пальто, шляпе и с тростью, постоянно лавировать было весьма непросто. Кустарник закончился, и мы оказались за теннисным кортом. После чего углубились в хвойную рощу, а затем вышли на прогалину, где и стоял коттедж.

Вулф постучал в дверь. Нам открыл блондин чуть старше меня, спортивного телосложения, с большими сияющими голубыми глазами на веселом смешливом лице. Честно говоря, я всегда считал, что, если я рядом, девушки должны смотреть только на меня, и очень изумлялся, когда происходило иначе. Впрочем, я бы не стал особен-

но удивляться, если бы рядом со мной оказался этот блондин. Вулф пожелал ему доброго утра и поинтересовался, не имеет ли честь видеть перед собой мистера Энди Красицки.

— Да, это я. — Молодой человек чуть поклонился. — А могу я спросить… Боже, да ведь вы Ниро Вулф! Вы же Ниро Вулф, да?

— Да, — скромно признался Вулф. — Вы позволите войти, мистер Красицки? Мне бы хотелось кое о чем с вами поговорить. Я написал вам письмо, но не получил ответа. Вчера я попытался дозвониться, но…

— Все в порядке, — перебил блондин Вулфа, — я уже принял решение!

— Да ну? И какое же именно?

— Я согласен! Я как раз написал вам письмо.

— И когда вы сможете приехать?

— Когда скажете. Хоть завтра. У меня очень толковый помощник, который займет здесь мое место.

Вместо того чтобы запрыгать от радости, Вулф поджал губы и втянул носом воздух. Мгновение спустя он произнес:

— Черт побери! Да позволите вы мне наконец войти? Я хочу сесть.

Глава 2

Реакция Вулфа была вполне естественной. Да, совершенно верно, он только что услышал прекрасную новость, но одновременно с этим понял, что если бы остался дома, то с тем же успехом узнал бы обо всем завтра утром, получив почту. Понятно, что после такого удара ему захотелось сесть. Вулф просто ненавидит выходить из дому и потому крайне редко показывает нос на улицу. Он предпочел бы оказаться в одной комнате с тремя-четырьмя врагами, нежели целый час трястись в автомобиле по ухабам.

Увы, в данном случае у него не осталось иного выхода. Обстоятельства, как говорится, приперли его к стенке. Дело в том, что в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице живут четыре человека. Во-первых, сам Вулф. Во-вторых — я, Арчи Гудвин. Мне приходится помогать Вулфу не только в детективных расследованиях, но и буквально во всем, вплоть до того, что иной раз я исполняю обязанности привратника. В-третьих, Фриц Бреннер, наш повар и домоправитель. И наконец, Теодор Хорстман — хранитель и защитник десяти тысяч

орхидей, что произрастают в расположенной на крыше оранжерее. Именно у этого четвертого обитателя дома и случилась неприятность, в результате чего теперь нас осталось только трое. Из Иллинойса пришло известие, что мать Теодора тяжело больна, так что он должен немедленно приехать. Теодор укатил на первом же поезде. И если раньше, до отъезда Хорстмана, Вулф проводил в оранжерее по четыре часа в день, наслаждаясь отдыхом, но при этом делая вид, что работает там не покладая рук, то теперь ему и впрямь приходилось пахать там до седьмого пота. Мы с Фрицем помогали чем могли, но какие из нас садоводы? Поняв, что толку от нас мало, Вулф немедленно принялся подыскивать Теодору замену, рассылая повсюду объявления об открывшейся вакансии. Особенно бурную деятельность он развил после того, как получил от Теодора весточку. Тот извещал, что не знает, когда вернется: может быть, через шесть дней, а может — через шесть месяцев. Объявления Вулфа не остались без ответа, но все соискатели вызывали у него серьезные сомнения. Он никак не мог решиться доверить им редчайшие экземпляры орхидей, среди которых было немало гибридов. При этом Вулфу уже доводилось слышать об

Энди Красицки, которому удалось скрестить Odontoglossum cirrhosum с O. nobile veitchianum. Когда же Вулф узнал от Льюиса Хьюитта, что Красицки проработал у того три года и прекрасно себя зарекомендовал, то принял решение. Задавшись целью во что бы то ни стало заполучить замечательного садовника, Вулф сперва написал ему, но не получил ответа. Попытался дозвониться — опять неудача. Затем он предпринял еще одну попытку связаться с Красицки по телефону, но результат оказался аналогичным. Оставался, как вы понимаете, один-единственный выход. Вот почему тем промозглым декабрьским утром Вулф, дойдя до отчаяния, раздраженным тоном приказал мне идти в гараж и готовить машину. Когда я подкатил к крыльцу дома, он, преисполненный мрачной решимости, уже стоял на тротуаре в шляпе, пальто и с тростью. Умри, но своего добейся! Генри Стэнли, отправившийся в африканские джунгли на поиски Ливингстона, и в подметки не годился Вулфу, принявшему решение поехать в Уэстчестер за Красицки.

И вот те на! Красицки заявляет, что уже написал ответ с обещанием приехать! Его слова оказались для бедняги страшным разочарованием.

— Я хочу сесть, — твердым голосом повторил

Вулф.

Однако сесть ему так и не пришлось. Разумеется, Красицки ответил, пожалуйста, мол, заходите и чувствуйте себя как дома, но упомянул при этом, что ему придется нас ненадолго оставить, поскольку он как раз сейчас собирался идти в оранжерею. Услышав это, я предложил Вулфу вернуться домой и заняться делом. У нас ведь как-никак своя оранжерея имеется. Тут Вулф вспомнил о моем существовании, представил меня Красицки, и мы обменялись рукопожатиями. После чего наш новый знакомый сказал, что у него зацвел Phalaenopsis Aphrodite, и поинтересовался, не хотим ли мы на него взглянуть.

— Какой вид? — ревниво спросил Вулф. — У меня их восемь.

— Очень редкий! — В голосе Красицки слышались нотки снобизма; я и не думал, что он присущ садовникам. — Phalaenopsis Sanderiana. Целых девятнадцать побегов.

— Святые небеса! — с завистью произнес Вулф. — Я желаю на них взглянуть.

Таким образом, мы так и не сели отдохнуть. В машину мы тоже не вернулись. Впрочем, какая разница — в любом случае Красицки с нами прямо сейчас не поехал бы. Садовник повел нас по

уже знакомой дорожке в обратном направлении. Приблизившись к особняку и пристройкам, мы свернули влево, на тропинку, огибавшую кусты и живые бордюры из многолетних растений. Они стояли абсолютно нагие, без листвы, но при этом все равно были аккуратно подстрижены. По пути мы встретили какого-то парня в радужной рубашке, который подкладывал торф под кустарник.

— С тебя десять центов, Энди! — крикнул он. — Как видишь, снега пока нет!

— Обратись к моему адвокату, Гас, — осклабился Красицки.

При подъезде к имению мы не видели оранжерею, поскольку, как оказалось, она располагалась на южной стороне дома. Даже в промозглый декабрьский день оранжерея производила сильное впечатление: особняк на ее фоне выглядел несколько бледно. Мощный каменный фундамент, как и у дома, куполообразная стеклянная крыша — оранжерея была высокой, просторной и красивой. С одной стороны к ней примыкал крытый шифером одноэтажный домик. Как раз к нему и шла тропинка, по которой нас вел Красицки. Всю стену дома опутывал плющ, а дубовая дверь была отделана железом. На ней красовалась здоровенная табличка. Заключен-

ная в рамочку надпись была выполнена красной краской, буквами такими большими, что можно было прочесть и за двадцать шагов:

ОПАСНО!
НЕ ВХОДИТЬ!
ДВЕРЬ СМЕРТИ!

— Не слишком-то любезное приветствие, — пробормотал я себе под нос.

А Вулф, склонив голову, посмотрел на табличку и спросил:

— Цианистый газ?

Красицки, сняв табличку, вставил ключ в замочную скважину и покачал головой:

— Цифоген. Ничего страшного, все в порядке, мы проветривали несколько часов. Надпись на табличке излишне образна, даже поэтична, но она уже была, когда я устроился на работу. Насколько я понимаю, ее сделала сама миссис Питкэрн.

Оказавшись внутри оранжереи, я первым делом тщательно принюхался. Цифоген — средство для окуривания, которое использовал в своей оранжерее и Вулф, поэтому я знал, сколь смертельно опасен данный препарат. Однако я ощутил лишь едва заметный запах этого фуми-

ганта и потому с чистым сердцем продолжил дышать и дальше. Внутри домика располагались кладовка и подсобка. Вулф тут же принялся осматриваться.

— Вы уж простите, — вежливо, но при этом торопливо произнес Энди, — но после окуривания я по утрам всегда запаздываю…

Вулф, сама любезность, проследовал за садовником в оранжерею. Я поплелся за ними.

— Здесь располагается холодный отсек, — пояснил Красицки, — потом идет теплый, а за ним — третий, умеренный. Он примыкает к оранжерее. Мне надо перекрыть вентиляцию и включить кое-какую автоматику.

Владения садовника впечатляли, однако мне, человеку, привыкшему к образу жизни Вулфа, который возводил порядок в абсолют, показалось, что как раз порядка здесь и не хватает. Затем мы проследовали в теплый отсек, и там я всласть насладился радующим душу зрелищем: выражением лица Вулфа, когда он разглядывал Phalaenopsis Sanderiana с девятнадцатью побегами. Я редко видел, чтобы глаза его так горели от восхищения и зависти. Не буду отрицать, цветы и впрямь оказались хоть куда. Ни на что не похожие, совершенно особенные: ярко-розо-

вые лепестки с коричнево-фиолетово-желтыми разводами.

— Это ваши орхидеи? — жадно поинтересовался Вулф.

— Они принадлежат мистеру Питкэрну, — пожал плечами Энди.

— Меня не волнует, кому они принадлежат. Кто их вырастил?

— Я. Из семян.

— Мистер Красицки, позвольте пожать вам руку, — пророкотал Вулф.

Энди милостиво разрешил это сделать, после чего отправился в соседнее помещение, видимо, для того, чтобы отключить остальные вентиляторы. Вулф задержался в теплом отсеке еще на несколько минут. Вдоволь наглядевшись на Phalaenopsis Sanderiana, он двинулся в следующее помещение. Там были собраны самые разные растения, начиная от фиолетовой герани и заканчивая растущим в кадке неизвестным деревцем, усыпанным невероятным количеством крохотных беленьких цветочков. Если верить табличке, это чудо называлось Serissa foetida, или серисса вонючая. Я понюхал ее, но ничего не почувствовал. Тогда я растер один из цветков пальцами, поднес их к носу и втянул воздух. Больше вопро-

сов насчет названия у меня не возникало. Как назло, сок впитался в кожу, поэтому пришлось вернуться в подсобку, где была раковина, и вымыть руки с мылом.

Когда я вернулся обратно, Энди как раз собирался продемонстрировать Вулфу еще одно свое достижение:

— Вам, конечно, доводилось слышать о Tibouchina semidecandra? Иногда ее еще называют Pleroma mecanthrum или Pleroma grandiflora…

— Разумеется, — заверил садовника Вулф.

Бьюсь об заклад, он слышал эту тарабарщину впервые в жизни.

— Так вот, — продолжил Энди, — у меня имеется двухлетний экземпляр. А вырастил я его из побега. Сейчас цветок всего два фута высотой, а уже пошли ветки. Листочки не овальные, а круглые, такие необычные… Погодите, я вам сейчас покажу, я убрал растение подальше от света…

Он подошел к зеленой занавеске, прикрывавшей до самого пола длинный выступ, располагавшийся вдоль стены на уровне пояса. Приподняв занавеску за край, садовник присел на корточки и залез в нишу под выступом, так что голова и плечи скрылись из виду. Вдруг он замер. Прошла секунда, другая, а Энди по-прежнему оставался

неподвижным. Наконец он выбрался, стукнувшись головой о бетонный выступ, выпрямился и застыл, словно сам был из бетона. Лицо садовника покрывала мертвенная бледность, а глаза были закрыты.

Тут мы зашевелились, и он поднял веки. Увидев, что я потянулся к занавеске, Красицки прошептал:

— Не смотрите, не надо. Хотя нет, смотрите. Пожалуй, вам лучше это увидеть.

Я приподнял занавеску, заглянул в нишу и… застыл, точь-в-точь как перед этим Энди. Наконец я пришел в себя, выбрался обратно, в отличие от садовника избежав столкновения с выступом, и, повернувшись к Вулфу, сообщил:

— Там труп. Труп женщины.

— Мне кажется, она умерла, — прошептал Энди.

— Ну да, я же и говорю: труп, — согласился я. — Мало того, тело успело окоченеть.

— Проклятье! — прорычал Вулф.

Глава 3

А теперь позвольте вам кое-что объяснить. Несмотря на то что частный детектив, в отличие от полицейского или адвоката, не дает клятву служить закону, он действует на основании лицензии, которая накладывает на него определенные обязанности. Я не был исключением, поскольку в моем кармане лежало удостоверение частного детектива на имя Арчи Гудвина. Однако в тот самый момент, когда я стоял там, в оранжерее, и переводил глаза с Вулфа на Красицки и обратно, то думал вовсе не о своих профессиональных обязанностях. В голове у меня вертелась лишь одна мысль: как же нам все-таки не везет. Ну почему Вулф даже до Уэстчестера за садовником толком прокатиться не может, не наткнувшись при этом на труп? Тогда я еще не знал, что убийство это самым тесным образом связано с поисками садовника, которые Вулф развернул, а потому не усмотрел причинно-следственной связи, посчитав все простым совпадением.

Энди продолжал стоять неподвижно, словно статуя. Вулф двинулся к выступу.

— У вас не получится так низко нагнуться, —

предупредил я.

Он все же попробовал, убедился в моей правоте, опустился на колени и поднял занавеску. Я присел рядом на корточки. Света было мало, но его вполне хватало для того, чтобы все осмотреть. Наверняка смерть исказила черты женщины, но не слишком. У покойной были изящные руки и красивые светло-каштановые волосы. Одета в платье из синего искусственного шелка с рисунком. Несчастная лежала, вытянувшись на спине, открыв рот и широко распахнув глаза. Кроме трупа, в нише ничего не было, разве что опрокинутый горшок диаметром восемь дюймов, из которого торчало растение с практически полностью отломанной веткой. Вулф подался назад и встал. Я последовал его примеру. За все это время Энди не сдвинулся с места.

— Она умерла, — произнес он, на этот раз громким голосом.

Вулф кивнул и заметил:

— А ваше растение тоже сильно пострадало. Ветка безнадежно сломана.

— Что? Какое еще растение?

— Ваша Tibouchina semidecandra.

Энди нахмурился, покачал головой, словно проверяя, крепко ли она сидит на плечах, снова

присел на корточки перед занавеской, поднял ее, и его голова и плечи опять исчезли в нише. Нам с Вулфом следовало предупредить его, чтобы он ничего не трогал, но мы не стали этого делать, тем самым махнув рукой на свои профессиональные обязанности. Когда Красицки выбрался из ниши, мы поняли, что он не просто кое-что тронул на месте преступления, но стащил улику. В руке он сжимал отломанную ветку Tibouchina. Средним пальцем садовник сделал лунку в грядке, воткнул туда ветку, а затем утрамбовал почву.

— Это вы убили ее? — резко спросил Вулф.

С одной стороны, он поступил правильно, задав этот вопрос, а с другой — не очень. Да, он вывел Энди из транса, и это было просто прекрасно, но одновременно у несчастного садовника явно возникло желание от души врезать Вулфу. Он быстро и решительно направился к нему, но, во-первых, проход между грядками был слишком узким, а во-вторых, на пути Красицки стоял я. Бить меня ему определенно не хотелось, поскольку он понимал, что я дам сдачи. Энди остановился прямо передо мной: грудь в грудь, глаза в глаза.

— Не дергайтесь понапрасну, вам это не поможет, — раздраженно произнес Вулф. — Завтра вы собирались приступить к работе у меня. В

оранжерее. И что мне теперь прикажете делать? Бросить вас здесь с трупом? Нет, это не вариант. Вы окажетесь за решеткой, прежде чем я доберусь до дому. Понимаю, вам пришелся не по нраву мой вопрос, но сегодня вам его еще неоднократно зададут, и всякий раз придется отвечать.

— О господи! — ужаснулся Энди. — Ну и влип же я!

— Согласен. Так что давайте для начала ответьте мне. Итак, это вы убили ее?

— Нет! Боже упаси, я никого не убивал!

— Кто эта женщина? Вы знаете ее?

— Да… Это Дини. Дини Лауэр. Сиделка миссис Питкэрн. Мы собирались пожениться. Вчера — господи, это было лишь вчера! — я сделал Дини предложение, и она ответила, что согласна. И вот теперь я стою здесь… — Энди поднял ладони с растопыренными пальцами и потряс ими. — Я стою здесь! Что же мне теперь делать?

— Для начала успокоиться, — посоветовал я.

— Сейчас вы пойдете со мной, — сказал Вулф, протиснувшись мимо меня. — В подсобке я видел телефон, однако прежде, чем им воспользоваться, мы немного потолкуем. Арчи, ты останешься здесь.

— Я сам останусь здесь, — отрезал Энди; теперь

вид у него был уже не такой безумный, но садовник все еще был очень бледен, а на лбу сверкали капельки пота. — Я останусь здесь, — повторил он.

У меня ушло добрых две минуты на то, чтобы убедить Энди уступить эту честь мне. Наконец Красицки двинулся прочь. Следом за ним пошел Вулф. Через стекло я видел, как они миновали теплый и холодный отсек и скрылись в подсобке, прикрыв за собой дверь. Я оказался в одиночестве, хотя в оранжерее невозможно почувствовать себя одиноким. Помимо того, что ты находишься в компании цветов и других растений, тебя окружают стеклянные стены, сквозь которые ты видишь всю округу. Ну и соответственно, сам я тоже был очень хорошо виден. Эта деталь позволила мне сделать первый вывод: преступник не мог спрятать в нишу тело Дини Лауэр в промежутке между семью часами утра и пятью часами вечера. Я тут же задался вопросом: а была ли девушка еще жива в тот момент? В поисках ответа я присел на корточки и поднял краешек занавески. Раньше в оранжерее у Вулфа мы использовали цианистый газ и никофен, а четыре года назад нам установили баллон с цифогеном. Когда это произошло, я специально изучил со-

ответствующую литературу, в которой, помимо всего прочего, описывалось, что произойдет с человеком, проявившим небрежность в обращении с этим смертельным газом. Я еще раз с особой тщательностью осмотрел лицо и горло Дини, что позволило мне сделать второй вывод: девушку убил именно цифоген. Поскольку бедняжка, будучи в здравом уме, никак не могла сама залезть в нишу и улечься в ней, я принялся искать на голове следы удара: шишку или кровоподтек. Но ни того ни другого не обнаружил.

Когда я выпрямился, кто-то забарабанил костяшками пальцев по дереву. Раздался приглушенный голос:

— Энди! — И снова, на этот раз громче: — Энди!

Голос доносился из-за деревянной двери, которая находилась в противоположной части помещения, примыкавшей к стене особняка. Грядки заканчивались примерно в двадцати футах от двери, образуя площадку, покрытую циновкой в обрамлении кадок и горшков с разросшейся зеленью. Стук возобновился, теперь он был гораздо сильнее, а голос звал Энди еще громче прежнего. Я подошел к двери и обратил внимание на три обстоятельства: во-первых, она

открывалась наружу; во-вторых, была заперта изнутри на мощный латунный засов, а в-третьих, края этого засова, в тех местах, где он примыкал к косяку, были залеплены белой лентой.

Голос и стук становились все настойчивее. Я решил, что лучше не общаться через запертую дверь, тем более что я был здесь абсолютно посторонним человеком. С другой стороны, если я буду стоять столбом, непрошеный гость наверняка попытается проникнуть в оранжерею через другой вход, ведущий в подсобку, а я знал, что Вулф терпеть не может, когда ему мешают. Приняв во внимание все эти обстоятельства, я счел за лучшее пообщаться с человеком, который звал Энди.

Отодвинув засов, я чуть приоткрыл дверь, проскользнул наружу и тут же снова ее прикрыл, прижавшись к ней спиной.

— Вы кто такой, черт подери?! — раздался голос.

Так, наверняка это Джозеф Дж. Питкэрн. Я оказался не в холле и не в вестибюле, а в огромной гостиной его дома. Я сразу понял, что передо мной хозяин имения, хотя Питкэрн не был настолько известен, чтобы все узнавали его с первого взгляда. Дело в том, что, когда мы приступили к

операции по переманиванию садовника, я навел о Питкэрне кое-какие справки. Я узнал, что он любитель гольфа, бездельник в третьем поколении, стригущий купоны, а кроме того, мне удалось раздобыть описание его внешности. Да одного только носа в данном случае было вполне достаточно! Его свернули на правый бок в результате случайного удара железной клюшкой во время игры в гольф.

— Где Энди? — сурово спросил Питкэрн, так и не дав мне возможности ответить, кто, черт подери, я такой.

— Меня зовут... — начал я.

— Мисс Лауэр здесь? — требовательно поинтересовался он.

В первую очередь мне нужно было выиграть время для Вулфа. Поэтому на злобный взгляд плебея я ответил улыбкой истинного аристократа и тихо произнес:

— Дойдите до дюжины, и я начну отвечать.

— До дюжины чего?

— Вопросов. Или, если хотите, давайте я вас тоже поспрашиваю. Вам доводилось слышать о Ниро Вулфе?

— Конечно. А он тут при чем? Он вроде как орхидеи разводит, да?

— Можно сказать и так. Как говорит сам Вулф, дело не в том, кому принадлежат орхидеи, главное — кто их вырастил. И представьте, какая у нас приключилась история. Теодор Хорстман, наш садовник, проводил в оранжерее по двенадцать часов в день, но потом у него приболела мать и ему пришлось поехать к ней. Вчера как раз исполнилась неделя, как он отбыл. Мистер Вулф помыкался-помыкался, а потом решил переманить у вас Энди Красицки. Как вы, наверное, помните…

Вопреки ожиданиям прервал меня вовсе не Джозеф Дж. Как оказалось, мы с ним в гостиной были не одни. Я с опозданием заметил, что позади Питкэрна стояли двое: девушка и молодой человек. Кроме них, слева от хозяина имения застыла женщина в униформе горничной. Я не назвал бы ее юной, однако она еще вполне могла нравиться мужчинам. Ну и наконец, справа от себя я обнаружил Нила Имбри, по-прежнему одетого в замасленный комбинезон. Итак, мой безудержный поток пустословия прервал не Питкэрн, а девушка, которая буквально накинулась на меня:

— Хватит здесь стоять столбом! Ишь, перегородили дорогу! Отойдите от двери! Там что-то

случилось? Дайте посмотреть! Пустите! — Она схватила меня за рукав, чтобы оттащить в сторону.

— Осторожнее, Сибби! — крикнул молодой человек, не сдвинувшись с места. — Это, должно быть, Арчи Гудвин. Он не посмотрит, что ты женщина: ударит — и глазом не моргнет!

— Тихо, Доналд! — резко бросил Джозеф Дж. — Сибил, будь любезна, веди себя более сдержанно. — Его холодные серые глаза так и впились в меня. — Вас действительно зовут Арчи Гудвин и вы работаете на Ниро Вулфа?

Я подтвердил, что это именно так.

— Вы утверждаете, что приехали поговорить с Красицки?

— Не поговорить с ним, а забрать его у вас. — Я рассчитывал, что такой ответ спровоцирует затяжной спор, ведь мне надо было выиграть время.

Однако Джозеф не клюнул на мою приманку.

— И что же, вы считаете, будто это дает вам право вломиться в мой дом и забаррикадировать эту дверь?

— Нет, что вы! — горячо возразил я. — Позвольте все объяснить. Красицки сам пригласил меня в оранжерею. Там я и стоял, когда вы вдруг начали

его звать и стучать в дверь. Энди в тот момент был занят с мистером Вулфом. Я глянул на дверь, увидел, что она заперта на задвижку, и решил, что вы имеете полное право войти в собственную оранжерею. Ну я и открыл ее. А вы говорите, что я забаррикадировался. Вот мы и подходим к сути вопроса. Не буду спорить, я веду себя странно. Боюсь, причина моего странного поведения неким образом связана с мисс Лауэр, с которой я никогда не был знаком. Одним словом, позвольте полюбопытствовать: почему вы спрашиваете, здесь ли мисс Лауэр? Мистер Питкэрн, почему вы задали этот вопрос?

Джозеф Дж. сделал широкий шаг и вплотную подошел ко мне.

— Прочь с дороги! — произнес он, и в его голосе слышалась угроза.

Я покачал головой, по-прежнему улыбаясь рафинированной улыбкой аристократа. Питкэрн протянул руки, чтобы оттолкнуть меня в сторону. К этому моменту я уже решил, что не допущу превращения холодной войны в горячую, поскольку численный перевес был на стороне Джозефа: к нему на помощь в любой момент могли прийти Доналд и Нил Имбри. На крайний случай я был готов поделиться с Питкэрном кое-какими факта-

ми и уже открыл было рот, но тут необходимость в этом отпала. В тот самый момент, когда мои мышцы рефлекторно напряглись, почувствовав прикосновение рук Джозефа, с улицы донесся рокот моторов. Имбри, стоявший в двух шагах от окна, выглянул наружу и, повернувшись к хозяину имения, пояснил:

— Полиция штата, мистер Питкэрн, — целых две машины.

Я сразу понял, что беседа Вулфа и Энди оказалась краткой и безрезультатной. Вулф, не откладывая дела в долгий ящик, обратился в полицию. Так он поступал, только когда у него не оставалось другого выхода.

Глава 4

Пять часов спустя, в три пополудни, Ниро Вулф, сидя на самом приличном стуле, который нашелся для него в подсобке, предпринял последнюю отчаянную попытку выправить ситуацию.

— Можете обвинить Красицки в чем угодно, кроме предумышленного убийства, — настойчиво уговаривал он полицейских. — Я согласен на любой залог — тут же внесу необходимую сумму. Риск минимальный. Вы же сами меня потом еще будете благодарить, когда в конце концов получите факты и пустите их в ход.

Но трое мужчин в ответ дружно покачали головой. Их решение было окончательным.

Первый сказал:

— Советую вам махнуть на это дело рукой. Поищите другого садовника, не успевшего замарать себя убийством.

Это был Бен Дайкс, глава детективов округа.

Другой мужчина раздраженно произнес:

— Будь моя воля, вам бы пришлось вносить залог за самих себя. Я бы отправил вас за решетку как важных свидетелей.

Это был лейтенант Кон Нунан из полиции

штата. Он с самого начал вел себя как последний козел. Отношение к нам изменилось только после приезда окружного прокурора, прекрасно помнившего, какую неоценимую помощь мы оказали ему в расследовании одного дела.

Третий мужчина заключил:

— Бесполезная затея, Вулф. Конечно, мы с радостью выслушаем все то, что вам удастся узнать.

Это был Кливленд Арчер, окружной прокурор Уэстчестера. При других обстоятельствах он бы непременно пошел нам навстречу, но не сейчас, когда столкнулся не просто с убийством, но с убийством, связанным, пусть даже и косвенно, с Джозефом Дж. Питкэрном.

— В чем, интересно, еще мы можем обвинить Красицки, если как раз и имеем дело с предумышленным убийством? — продолжил Арчер. — Впрочем, я не утверждаю, что дело закрыто и готово к передаче в суд. Завтра будет новый день. Нам нужно прояснить кое-какие моменты, и мы это непременно сделаем. Но пока мне представляется, что убийца — садовник.

Наконец мы остались наедине с представителями закона. Вулф, как я уже упоминал, сидел на самом лучшем стуле, который только удалось найти, я примостился на заставленной горшками

скамейке, а остальные стояли. Труп давно увезли, скрылась из виду орда криминалистов. Полиция задала всем обитателям поместья тысячи вопросов, получила тысячи ответов, запротоколировала показания и увезла Энди Красицки, пристегнув его наручниками к одному из детективов. Действовали копы быстро и ловко.

У Вулфа с самого завтрака маковой росинки во рту не было, за исключением четырех сэндвичей и трех чашек кофе. И сейчас он пребывал в еще большем отчаянии, чем мрачным утром, когда садился в машину. Энди Красицки, можно сказать, был уже у него в руках, и вот теперь он упустил его.

Дела у подозреваемого складывались не лучшим образом. Все в один голос показали, что садовник с первого взгляда по уши втрескался в Дини Лауэр. Девушка появилась в имении два месяца назад: ее наняли ухаживать за миссис Питкэрн, которая упала с лестницы и повредила себе позвоночник. Гас Требл, помощник Энди, тот самый парнишка в радужной рубашке, которого мы встретили по дороге в оранжерею, горой стоял за своего шефа, но даже он подтвердил: Красицки был без ума от Дини. Кроме того, Гас показал, что Дини дала Энди от ворот поворот, причем в

очень категоричной форме. Я подумал, что если помощник садовника действительно искренне сочувствовал Красицки, то поступил не слишком разумно, рассказав об этом эпизоде.

Естественно, неизбежно возникал вопрос: с какой стати Энди вдруг понадобилось избавляться от Дини в тот самый день, когда она, уступив его ухаживаниям, наконец согласилась выйти за него замуж? Ответ был простой: а кто сказал, что она и впрямь согласилась? Только сам Энди. Больше никто этого подтвердить не мог. Мало того, выяснилось, что Красицки поделился этим радостным известием только со мной и Вулфом. Получается, Энди отравил девушку смертоносным газом, потому что не мог ее заполучить? В частности, окружной прокурор хотел прояснить именно этот момент. Было ли это предумышленное убийство на почве ревности? В этом случае, сами понимаете, куда больше шансов убедить присяжных и судью вынести обвинительное заключение. Однако тут имелись определенные сложности, так что мне было вполне понятно желание прокурора все хорошенько обдумать. Если имел место любовный треугольник, возникал логичный вопрос: кто был его третьим углом? Нил Имбри? Не похоже. Гас Требл? Тоже вряд ли,

поскольку тогда он вел бы себя иначе. Отец и сын Питкэрны? Их прокурор без крайней необходимости трогать не смел. Вот бедняга Арчер! Несмотря на то что он тщательно всех опросил и вопросы задавал очень толковые, однако ничего ценного так и не узнал.

Нунан и Дайкс еще до этого допросили всех присутствовавших в имении и выяснили, кто где был накануне и чем занимался. Затем в районе полудня из Уайт-Плейнса пришли первые предварительные результаты анализов: в крови потерпевшей обнаружили морфин. Окружной прокурор приказал всех допросить по новой. Из лаборатории сообщили, что доза морфина не была смертельной и Дини погибла от отравления газом. Теперь стало ясно, каким образом преступнику удалось ввести Дини в бессознательное состояние, запихать в нишу и отравить цифогеном. Однако одновременно с этим возник другой вопрос: где Энди раздобыл морфин? Ответ нашли без особого труда за считаные минуты. Повариха Вера Имбри, супруга Нила, та самая женщина в униформе горничной, которую я увидел, когда влетел в гостиную, страдала невралгией лицевого нерва и потому принимала морфин в таблетках, которые держала в кухонном шкафу. Сейчас боли

ее не беспокоили, и она уже месяц не притрагивалась к лекарству. Заглянув в шкаф, полиция обнаружила, что коробочка с морфином пропала. Энди, как и все остальные, знал и про лекарство, и про то, где оно хранилось. Таким образом, у стражей закона появился серьезный повод обыскать все имение. С десяток полицейских убили на это целый час, однако так и не нашли ни таблеток, ни коробочки. Естественно, обыскали и коттедж Энди — с тем же нулевым результатом.

Тогда окружной прокурор распорядился еще раз всех допросить, но ничего нового не узнал. Разумеется, в первую очередь допросили садовника. По словам Энди, они с Дини накануне встретились с глазу на глаз у него дома, и она наконец сдалась. Девушка не только пообещала в скором времени выйти за Красицки замуж, но и собиралась уйти от миссис Питкэрн и найти себе подходящую работу в Нью-Йорке, поскольку хотела, чтобы Энди принял предложение Вулфа. При этом Дини попросила садовника держать рот на замке и никому ничего не говорить, пока она сама обо всем не расскажет миссис Питкэрн. Все это случилось около пяти вечера. В следующий раз Дини и Энди встретились часа через четыре, в самом начале десятого. Он как раз находился

в оранжерее — совершал вечерний обход, а она вошла туда из гостиной. Они полюбовались цветами, поболтали, потом отправились в подсобку — посидеть и выпить пива, которое девушка принесла с кухни. В одиннадцать вечера Дини пожелала Энди спокойной ночи и ушла в дом, скрывшись за дверью, которая вела в гостиную. Больше он ее живой не видел. Вот что поведал нам Красицки.

После ухода Дини сам Энди, по его словам, вышел из оранжереи, воспользовавшись другой дверью, вернулся в свой коттедж и написал письмо Вулфу. Спать он решил не ложиться, потому что, во-первых, ему в тот момент хотелось прыгать от радости, а во-вторых, ему все равно в три часа надо было вставать. Потрудившись над заметками о размножении растений, он сложил вещи. Теперь их оставалось только упаковать. В три часа ночи Красицки отправился обратно в оранжерею. Там к нему присоединился Гас Требл, которому предстояло получить последний практический урок по проведению в оранжерее дезинфекции. Они проработали до четырех. В частности, они заперли и загерметизировали дверь, ведущую в гостиную, открыли и через восемь минут закрыли расположенный в подсобке

главный кран подачи цифогена, заперли наружную дверь и повесили на нее предупреждающую табличку «Дверь смерти». После этого Гас отправился домой, а Энди вернулся к себе в коттедж. В ту ночь Красицки, опять же по его собственному признанию, так и не лег спать. В семь утра он вернулся в оранжерею, с помощью внешних переключателей активировал вентиляторы и систему вытяжки, а затем пошел к себе, наконец-то почувствовал усталость и уснул. Проснулся он в половине девятого, быстро позавтракал, выпил кофе и собрался было отправиться по делам, но тут в дверь постучали. Открыв, Энди обнаружил на пороге Ниро Вулфа и меня.

К этому времени полиция сняла показания и с других обитателей имения. Тут все оказалось гораздо проще. Гас Требл провел вечер со своей девушкой в Бедфорд-Хиллсе. Они засиделись допоздна и расстались, только когда Гасу настало время идти к трем часам ночи в оранжерею. Нил и Вера Имбри поднялись в свою комнату ближе к десяти, полчаса слушали радио, а потом легли спать. Джозеф Дж. Питкэрн сразу после обеда уехал на собрание Ассоциации налогоплательщиков Северного Уэстчестера, проводившееся в чьем-то доме в Норт-Салеме. Вернулся он неза-

долго до полуночи и немедленно улегся спать. Доналд, пообедав с отцом и Дини Лауэр, поднялся к себе и сел писать. Когда у него поинтересовались, что именно, он ответил — роман. При этом показать рукопись его не попросили. Сибил обедала наверху, с матерью, которая уже научилась вставать и немного ходить, но при этом все еще не могла спускаться на первый этаж в столовую. Покончив с едой, Сибил пару часов читала матери, потом помогла ей приготовиться ко сну, после чего отправилась в свою комнату, где и провела всю ночь.

Никто из опрошенных не видел Дини после обеда. Но почему же сиделка не заглянула вечером к своей пациентке? Когда полицейские озвучили этот вопрос, все в один голос ответили, что Сибил всегда сама укладывала мать в постель. Затем полиция еще раз опросила обитателей имения: кто знал о морфине, который принимала миссис Имбри, и о том, где она держала лекарство? И вновь последовал единодушный ответ: об этом знали абсолютно все. Таким образом, свидетели косвенно признали, что любой из них теоретически мог угостить Дини бокалом пива с морфином, после чего оттащить потерявшую сознание девушку в оранжерею и затолкать ее в нишу. Однако обсто-

ятельство это никого особенно не встревожило, за исключением Веры Имбри. Она выставила себя дурой, заявив, что не знала о планах Энди устроить ночью в оранжерее дезинфекцию, но потом взяла свои слова назад, когда остальные сказали, что всех, как обычно, заблаговременно об этом предупредили. Полицейские не стали цепляться к миссис Имбри, да и я на их месте поступил бы так же.

Показания свидетелей о событиях следующего утра тоже ни в коей мере не противоречили друг другу. Домочадцы встали поздно и завтракали по отдельности. Например, Сибил — наверху, с матерью. Отсутствие Дини не показалось им странным, и ее хватились только после девяти утра. В результате в гостиной собрался народ, а мистер Питкэрн принялся стучать в дверь, ведущую в оранжерею, и на все лады выкрикивать имя Энди.

Словом, ни к чему не придерешься и не подкопаешься. Абсолютно все указывало на одного-единственного человека — на Энди.

— Кто-то из домочадцев врет, — упрямо заявил Вулф.

— Кто именно и в чем? — тут же заинтересовались представители закона.

— Откуда мне знать? — Он был крайне раздражен. — Выясняйте! Это ваша работа!

— Сами выясняйте! — ощерился лейтенант Нунан.

Вулф и без того порядком испортил ему настроение своими вопросами. В частности, Вулфу хотелось узнать, почему Энди, решившись на убийство, при всем изобилии вариантов выбрал именно тот способ и то место, которые неизбежно указывали на него. Ответ полицейских был предсказуем и очевиден: Энди так поступил, поскольку знал, что ни один присяжный не поверит, будто подсудимый был способен совершить такую сказочную глупость. Впрочем, своим вопросом Вулф попал в яблочко. Полагаю, окружного прокурора тоже мучили сомнения на этот счет. Должен признать, даже с моей точки зрения, на все вопросы Вулфа, чисто теоретически, можно было найти вполне внятные ответы. Однако главный аргумент, на котором основывались все его сомнения, был совершенно особым. По его собственному признанию, прочие доводы лишь ставили вину Красицки под сомнение, и только этот, основной, доказывал невиновность Энди. И полицейские, и Вулф сходились в одном: преступник, когда заталкивал бесчувственную

Дини Лауэр в нишу, перевернул стоявший там горшок с редким растением. Совершенно немыслимо, чтобы это мог сделать Энди Красицки, который никуда не торопился. Он либо непременно переставил бы горшок в другое, безопасное место, либо, по неосторожности сломав ветку, немедленно принял бы какие-то меры. Опытный садовник, каковым, несомненно, являлся Красицки, тут же поднял бы опрокинутый горшок и спас сломанную ветку, причем сделал бы это не задумываясь, просто автоматически, тем более что в тот момент Энди ничто не мешало. Между прочим, он сделал это в куда более непростых обстоятельствах, все еще находясь в состоянии шока, сразу после того, как обнаружил труп любимой девушки.

— В состоянии шока? — фыркнул Нунан. — Черта с два! Да о каком шоке вы говорите, если он же сам ее туда и засунул? Я слышал о ваших приемчиках, Вулф. Если это один из них, мне за вас стыдно.

К этому моменту я уже был не в том состоянии, чтобы воспринимать доводы Вулфа. Мне страшно хотелось схватить Нунана за шею и душить, душить, душить. Поскольку это представлялось невозможным, я был готов из кожи вон вылезти,

лишь бы доказать невиновность Красицки и тем самым насолить лейтенанту. Я успел привязаться к Энди, который все это время вел себя как настоящий мужчина. Особенно сильное впечатление на меня произвела следующая сцена. Когда его приковали одной рукой к детективу и собрались вести к машине, Энди, прощаясь, протянул свободную руку Вулфу:

— Ладно, сэр, оставляю это дело вам. Честно говоря, мне плевать, что со мной будет, но вот ублюдок, который это сотворил…

— Надеюсь, вы задержитесь в полиции всего на несколько часов, — кивнул Вулф. — Возможно, уже эту ночь вы проведете у себя дома.

Как оказалось, он смотрел на вещи излишне оптимистично. Я уже упоминал, что к трем часам полиция покончила со всеми формальностями и собралась уезжать. На прощание Нунан не упустил возможности поддеть Вулфа:

— Будь моя воля, отправил бы вас за решетку как важных свидетелей. Платили бы залог за собственное освобождение.

Быть может, в один прекрасный день мне все же представится шанс и я заставлю этого наглеца за все ответить.

Глава 5

После того как стражи закона уехали, я повернулся к Вулфу:

— Итак, давайте подведем приятный итог. Мало того что вы так и не заполучили Энди и вам теперь придется несолоно хлебавши возвращаться домой и самому поливать тысячи орхидей, — это бы еще полбеды. Но нет, этим дело не ограничится… Все идет к тому, что примерно через месяц вы получите повестку в суд в Уайт-Плейнсе, где вам придется выступать в качестве свидетеля. — Я пожал плечами. — Ну что ж, если будет гололед и снег, нацеплю на колеса цепи. Авось не разобьемся.

— Заткнись! — прорычал он. — Я пытаюсь думать. — Глаза его были закрыты.

Я примостился на краешке скамейки и замолчал. Через несколько минут Вулф проворчал:

— Не получается. Черт бы побрал этот стул!

— Точно. Насколько мне известно, единственное кресло, которое вас устроило бы, находится в пятидесяти милях отсюда. Кстати, а у кого мы сейчас в гостях? Вопрос, между прочим, не праздный. Человек, к которому мы сюда приехали, в

данный момент находится за решеткой.

Вскоре я получил ответ на свой вопрос, но не от Вулфа. Дверь в оранжерею распахнулась, и к нам направился Джозеф Дж. в сопровождении своей дочери Сибил. К тому времени я уже хорошо запомнил его свернутый набок нос, а также острый подбородок и беспокойные зеленые глаза.

Остановившись посреди помещения, Джозеф спросил ледяным тоном:

— Вы кого-нибудь ждете?

Вулф приоткрыл глаза, бросил на него хмурый взгляд и ответил:

— Да.

— Правда? И кого же?

— Не важно. Например, вас. Да кого угодно.

— Он чудак, — пояснила Сибил, — большой оригинал.

— Помолчи, Сибил! — бросил ей отец, не сводя с Вулфа глаз. — Перед тем как откланяться, лейтенант Нунан обещал оставить у въезда в имение своего сотрудника, чтобы сюда не проникали посторонние. Он решил, что нас, возможно, начнут донимать газетчики, зеваки или психи. Однако уехать отсюда можно спокойно. У полицейского нет приказа останавливать отъезжающих.

— Вполне разумно, — одобрил Вулф. — Мистера

Нунана следует за такое поощрить. — Он глубоко вдохнул. — Значит, вы меня гоните? Что ж, с вашей точки зрения, это тоже вполне разумно. — При этом он не сдвинулся с места.

— Я бы не стал называть это решение разумным или неразумным, — нахмурился Питкэрн. — Оно просто уместно. Конечно, вы были вынуждены задержаться, поскольку в ваших показаниях нуждалась полиция, но теперь… э-э… надобность в вас отпала. Теперь, когда в этой мерзкой, гадкой истории наконец-то поставлена точка, я вынужден попросить вас…

— Нет! — резко оборвал его Вулф. — На самом деле нет.

— Что значит «нет»?

— В этой истории еще не поставлена точка. Когда я сказал, что мистера Нунана следует поощрить, то имел в виду поощрение с вашей стороны, а не с моей. Между прочим, он поступил как осел, позволив любому желающему покинуть территорию вашего имения, ведь один из тех, кто находится сейчас здесь, и есть убийца. Нельзя спускать глаз ни с кого из вас. Что же касается…

Сибил расхохоталась. И смех ее в данных обстоятельствах прозвучал настолько неуместно, что она и сама, похоже, это поняла, поскольку резко

прижала ладонь ко рту, чтобы заглушить его.

— Ну вот, — сказал ей Вулф, — у вас началась истерика. — Он перевел взгляд обратно на Питкэрна. — Почему у вашей дочери истерика?

— Нет у меня никакой истерики! — с презрением в голосе произнесла Сибил. — На моем месте любой рассмеялся бы. Какую же напыщенную банальщину вы несете! — Вздернув нос, она покачала головой. — Вы меня разочаровали, Ниро. Я была о вас лучшего мнения.

Думаю, Вулф принял окончательное решение ввязаться в бой именно потому, что она назвала его так фамильярно — Ниро. Вплоть до этого момента его еще терзали сомнения. Да, когда Вулф обнадежил Энди, сказав, что его через несколько часов освободят, он в некоем роде дал обещание. Кроме того, Господь свидетель, Красицки был позарез ему нужен. Ну и еще, разумеется, полицейские, особенно лейтенант Нунан, вели себя донельзя нахально, и Вулфу хотелось утереть им нос. Все это так. Однако, вплоть до этого момента, желание поехать домой не позволяло Вулфу с головой углубиться в расследование. Я хорошо знал его, все признаки были налицо. Но наглое поведение незнакомой девицы и ее столь пренебрежительное отношение к его персоне

оказались для Вулфа просто невыносимыми. И он немедленно ринулся в атаку.

Начал он с того, что поднялся со стула.

— Мне неудобно, — чопорно объявил он Джозефу Дж., — я сижу, в то время как вы — хозяин дома — стоите. Мистер Красицки обратился ко мне с просьбой доказать его невиновность, что я и собираюсь сделать. С моей стороны было бы наивно полагать, что ради истины, правосудия и прочих аналогичных абстракций вы станете терпеть такую занозу, как я. Проявление подобной добродетели в наши дни — дело практически неслыханное, однако это не значит, что вы на такое не способны. Таким образом, я хочу задать вам следующий вопрос. Позволите ли вы нам с мистером Гудвином остаться здесь и побеседовать с вами, вашими родными и слугами, пока мне не станет очевидной вина мистера Красицки или же пока я не получу доказательств его непричастности к совершенному преступлению?

Несмотря на то что с лица Сибил не сходило презрительное выражение, она одобрительно кивнула:

— Так-то лучше. Совсем другое дело.

— Нет, не позволю, — ответил Питкэрн, сдерживая себя из последних сил. — Если представители

закона удовлетворены результатами расследования, а вы — нет, то это ваши проблемы, и они меня нисколько не волнуют. — Он сунул руку в боковой карман пиджака. — Вы и так уже слишком долго испытываете мое терпение. Я больше не собираюсь с этим мириться. Вы помните, где оставили свою машину, или вас проводить?

Тут Джозеф вытащил руку из кармана, и, черт подери, в ней оказался кольт 38-го калибра — старый, но в прекрасном состоянии!

— Предъявите разрешение на оружие, — твердо потребовал я.

— Пф! — презрительно фыркнул Вулф и едва заметно пожал плечами. — Что ж, сэр, как хотите. Придется мне пойти другим путем. — И тоже сунул руку в карман.

Мне стало не по себе. А вдруг он сейчас достанет пистолет и попытается пристрелить Питкэрна? Однако испугался я совершенно напрасно. Когда Вулф извлек из кармана руку, он сжимал в ней обычный ключ.

— Это ключ от коттеджа мистера Красицки. Он отдал его мне, чтобы я смог войти и забрать его вещи — то, что осталось после того, как там успели похозяйничать полицейские. Кстати сказать, действовали они незаконно. Мы с мисте-

ром Гудвином отправимся туда одни. Когда мы вернемся в машину, можете прийти и осмотреть багаж. Если хотите, пришлите вместо себя кого-нибудь. Желаете еще что-нибудь сказать?

— Я… — Питкэрн запнулся, нахмурился и наконец покачал головой. — Нет.

— Хорошо. — Вулф повернулся, подошел к столу, взял пальто, шляпу и трость. — Пойдем, Арчи! — С этими словами он направился к выходу.

Когда мы подошли к двери, Сибил крикнула нам в спину:

— Если найдете коробочку морфина, никому об этом не говорите!

На улице я помог Вулфу надеть пальто и облачился сам. День с самого утра выдался пасмурным, а сейчас стало еще мрачнее. Сгущались сумерки. Ледяной ветер гнал темные тучи от горизонта к горизонту. Зайдя за дом, я немного отклонился от маршрута, свернув влево, чтобы взять из машины фонарик. Вулфа я нагнал уже на тропинке. На этот раз нам не пришлось лавировать между мокрыми ветками, поскольку они успели высохнуть. Мы миновали теннисный корт и углубились в рощу — там было довольно сумрачно.

Я глянул на циферблат и весело бросил в спину

Вулфу:

— Четыре часа. Если бы мы были дома, а Теодор никуда бы не уезжал или же если бы у нас работал Энди, вы бы сейчас как раз отправились в оранжерею бить баклуши.

Но он даже не велел мне заткнуться, поскольку давно уже был не в том состоянии, чтобы реагировать на мои колкости.

В коттедже оказалось достаточно темно, и я включил свет. Вулф осмотрелся, приметил более или менее большое кресло, снял шляпу, пальто и с облегчением сел. Я приступил к осмотру. Полиция не стала переворачивать все вверх дном — в доме царил порядок. Гостиная средних размеров производила приятное впечатление, хотя ковры и мебель явно знавали лучшие дни. Справа располагалась спальня, слева — еще одна комната. В дальней части дома находились ванная и кухня.

После поверхностного осмотра я вернулся к Вулфу и сообщил:

— Ничего интересного. Что мне делать? Паковать вещи?

— Зачем? — с несчастным видом спросил он.

— Мне еще раз все осмотреть? Вдруг я упустил что-нибудь важное?

Вулф лишь невнятно заворчал. Мне не хотелось

сидеть сложа руки и глядеть на него, а потому я начал повторный осмотр. Стол и секретер — ничего занятного: разные материалы по садоводству и личные вещи, столь же малоинтересные. Больше в гостиной осматривать было нечего. Комнатушка рядом со спальней оказалась еще менее примечательной. Саму спальню я на всякий случай обшарил вдоль и поперек, но, увы, даже если здесь и таились улики, с помощью которых я мог бы утереть нос лейтенанту Нунану, то мне не удалось их найти. Содержимое ванной комнаты тоже не обрадовало. Опечалила и кухня, хотя там меня ждала находка. На одной из полок, в самой глубине за пакетами с овсянкой и черносливом, я обнаружил маленькую картонную коробочку. Морфина в ней не оказалось. Впрочем, ничто не говорило о том, что сей препарат в ней когда-то хранился. И все же я решил сообщить о своей находке Вулфу — просто так, чтобы начать разговор.

— Ключи, — объявил я, погремев коробочкой, — на одном из них написано «зап», точка, «оранж». Видимо, это означает «запасной от оранжереи». Он может нам пригодиться, если в одну прекрасную ночь мы решим тайком пробраться сюда, чтобы спереть Phalaenopsis.

Вулф не проронил ни слова. Я сунул ключи в карман и молча сел, но молчал я недолго.

— Знаете, буду с вами откровенен, — начал я, — мне не нравится ваше поведение. Сколько раз, сидя в своем кресле в кабинете, вы отдавали мне распоряжения: «Арчи, привези мне на допрос такого, привези мне на допрос сякого...» И как правило, я ваши приказы всегда исполнял. Однако если вы сейчас велите отвезти вас домой, а по приезде вдруг пожелаете, чтобы я доставил к вам семейство Питкэрн, супругов Имбри и Гаса Требла в придачу — а от вас этого запросто можно ожидать, — то сразу хочу сказать: даже и не мечтайте. Честно говоря, меня удивляет, что вы устроили здесь трагедию из-за сущей мелочи! Подумаешь, ерунда какая! Ну назвала вас красивая девушка по имени. Что с того?

— Никакая она не красивая, — проворчал Вулф.

— Да перестаньте! Красивая, и даже очень. Впрочем, нравится мне Сибил ничуть не больше вашего. Просто я хочу обрисовать вам перспективы: что может случиться, после того как мы приедем домой.

Вулф вперил в меня изучающий взгляд. Через некоторое время он, поджав губы, кивнул, будто

бы окончательно смирившись с малоприятной неизбежностью.

— Там телефон, — сказал он. — Соедини меня с Фрицем.

— Телефон я уже и сам заметил. Но у меня такое подозрение, что он внутренний.

— А ты проверь.

Я подошел к столу, снял трубку, набрал номер телефонной станции. Поскольку никаких посторонних подозрительных шумов я не услышал, то спокойно продиктовал телефонистке наш домашний номер. Мгновение спустя я услышал голос Фрица. Вулф встал, приблизился ко мне и отобрал трубку.

— Фриц? Нам придется задержаться. Нет, со мной все в порядке. На сколько задерживаемся? Не знаю. Нет, черт подери, он в тюрьме! Пока не могу сказать, но обещаю, что свяжусь с тобой до обеда. Как там орхидеи? Ясно. Нет, ничего страшного, это им не повредит. Ясно. Нет, нет, нет! Те, что стоят спереди, вообще не трогай! Даже не думай! Конечно, но…

Дальше я не стал слушать. Нет, я не бессердечный сухарь, просто мое внимание привлекло кое-что другое. Повернув голову без всякой на то особой причины, я кинул взгляд в окно. И уви-

дел, как ветка куста ходит из стороны в сторону. Постепенно ее колебания делались все меньше, и вот уже она окончательно замерла. Я, конечно, не специалист, но, на мой взгляд, лишенная листьев ветка вряд ли станет так раскачиваться даже от сильного ветра. Я подошел к Вулфу, послушал с минуту его беседу с Фрицем, а затем направился из гостиной на кухню. Выключив там свет, я осторожно, практически беззвучно приоткрыл дверь черного хода и выскользнул наружу.

На улице было темно, хоть глаз выколи, но я обождал с полминуты, и кое-что стало видно. Моя рука сама потянулась к наплечной кобуре. Оружие я извлекать не стал, просто проверил — это у меня происходит автоматически. Теперь я мог разглядеть, что стою на крылечке, а от земли меня отделяет всего лишь одна ступенька. Аккуратно сделав шаг влево, я спустился и медленно двинулся к углу дома. Проклятый ветер так громко выл и свистел, что на слух особо полагаться не приходилось. И вот, как раз в тот момент, когда я добрался до угла, на меня вдруг кто-то налетел. Я попытался схватить незнакомца, но он, вместо того чтобы покориться, двинул меня кулаком прямо в шею. Рассвирепев от боли, я отскочил в сторону, развернулся и врезал противнику,

целясь в почки, однако из-за темноты промазал, чуть не сломав себе костяшки пальцев о его бедро. Незнакомец с размаху нанес мне новый удар, при этом полностью раскрывшись, словно книга. Я пригнулся, отчего кулак прошел над моей головой, а противник, потеряв равновесие, по инерции пролетел мимо меня, но тут же развернулся, чтобы еще раз попытать счастья. В этот момент я узнал его: передо мной стоял Гас Требл, помощник Энди.

Я сделал шаг назад и поднял кулаки: исключительно в целях самообороны, нападать я пока не собирался.

— Слушай, — обратился я к нему, — если тебе так уж сильно хочется, можем продолжить. Вот только зачем тебе это? Ты уж поясни, пожалуйста. Когда знаешь, за что огребаешь, драться гораздо веселее.

— Ах ты, двуличный сукин сын! — бросил Гас, совсем не запыхавшийся от потасовки.

— Интересная мысль, но пока я все равно ничего не понимаю. Я кого-то обманул? Кого же? Питкэрна? Его дочь? Или есть еще варианты?

— Сначала вы оба дали понять, что хотите его спасти, а потом сами же и помогли его подставить.

— Занятно. То есть ты считаешь, что мы подставили Энди?

— Да, черт подери! Мне это яснее ясного.

— Слушай, братец! — Я опустил руки. — Знаешь, кто ты? Ты ответ на наши молитвы! Ты подарок, который я мечтал получить на Рождество! Правда, ты чудовищно заблуждаешься, но все равно молодец! Давай заходи, пообщаемся с Ниро Вулфом.

— Я не собираюсь разговаривать с этим мошенником.

— Но при этом ты смотрел на него в окно. Зачем?

— Я хотел узнать, что вы замышляете.

— Это же проще простого. Тебе достаточно было лишь спросить. Ничего мы не замышляли. Мы крепко сели на мель. Завязли по уши. Нам позарез был нужен Энди. Он нужен нам и сейчас. Мы бы забрали его с собой, он бы у нас как сыр в масле катался! Но копы не позволили этого сделать.

— Наглая ложь! Я не верю ни единому вашему слову.

— Прекрасно. В таком случае тебе следует зайти в дом и прямо в лицо сказать Вулфу, что он мошенник, плут и лжец. Такой шанс редко подворачивается. Хотя, может, ты боишься? Чего ты

испугался?

— Ничего я не боюсь! — С этими словами Гас развернулся, с решительным видом двинулся к черному ходу, открыл дверь и зашел в коттедж. Я не отставал ни на шаг.

— Арчи! Где, черт подери, тебя… — прогудел из гостиной Вулф.

Мгновение спустя он увидел нас обоих. К тому времени Вулф уже закончил разговаривать по телефону. Посмотрев на Гаса, он перевел взгляд на меня и поинтересовался:

— Где ты его откопал?

— Там, — я неопределенно махнул рукой, — вот решил потихоньку подтягивать к вам свидетелей.

Глава 6

У нас ушло добрых десять минут на то, чтобы убедить Гаса Требла в искренности наших намерений. Вулф заливался соловьем, превзойдя самого себя, однако решающую роль в данном случае сыграло не красноречие, а логика. Главный аргумент был простым: Вулф хотел, чтобы Энди как можно скорее приступил к работе в оранжерее. Дополнительный аргумент был еще проще: Энди не мог возиться с орхидеями в Нью-Йорке и одновременно с этим сидеть в тюрьме в Уайт-Плейнсе или же ожидать своей участи в камере смертников Синг-Синга. Мы подвели Гаса к выводу, но сделал он его сам, — возможно, именно поэтому у нас ушло на все десять минут. Последние две минуты я дословно пересказывал беседу, состоявшуюся с Джозефом Дж. и Сибил, перед тем как мы ушли из оранжереи.

Гас расположился за письменным столом лицом к Вулфу, а я сидел на стуле с прямой спинкой.

— В июле прошлого года этот Нунан избил моего друга. Ни за что. Просто так.

— Вот видите, — кивнул Вулф, — типичный

мерзавец в форме. Насколько я понимаю, мистер Требл, вы разделяете мое мнение и также считаете, что мистер Красицки никого не убивал. Я слышал, что вы тоже заявили о своей непричастности к преступлению, поэтому не будем останавливаться на вашей особе. Однако, несмотря на то что вы подробно и без всякой утайки ответили на все вопросы, касающиеся вас лично, вы, со всей очевидностью, не спешили откровенничать, когда речь заходила о других. Подобное поведение вполне понятно. Вы здесь работаете, а ваши показания записывали в протокол. Впрочем, в случае со мной подобный номер не пройдет. Я хочу вытащить мистера Красицки из тюрьмы, а сделать это удастся лишь в одном случае: если я найду настоящего убийцу. Если вы хотите мне помочь в этом деле — милости прошу. Только сразу предупреждаю: вам придется для этого забыть о своей работе, махнуть рукой на благоразумие и осторожность и выложить все, что вы знаете об обитателях имения. Итак, сэр, каков будет ваш выбор?

Гас нахмурился, отчего сильно повзрослел. Теперь его, пожалуй, даже пустили бы на избирательный участок голосовать. При электрическом свете он выглядел значительно бледнее, чем

утром, при естественном освещении, а радужная рубашка его казалась ярче.

— Я очень доволен своим местом. И работа садовника мне нравится, — пробормотал он.

— Понимаю, — сочувственно покивал Вулф. — Мистер Красицки весьма лестно о вас отзывался. Он сказал, что вы умны, чрезвычайно талантливы и прекрасно разбираетесь в садоводстве.

— Он правда такое говорил?

— Да, сэр. Правда.

— Вот черт! — Гас нахмурился еще больше. — Что вы хотите знать?

— Как я сказал, мне бы хотелось расспросить вас об обитателях имения. Начнем с мисс Лауэр. Насколько я понимаю, вы не питали к ней нежных чувств?

— Я? Нет, конечно. Она была совсем не в моем вкусе. Впрочем, вы же слышали, что я рассказал полицейским. Она искала себе легкую добычу.

— Хотите сказать, мисс интересовали деньги?

— Деньги? Нет, я имел в виду другое. Черт, ну как же это объяснить? Знаете, есть такие девчонки, которые обожают кружить парням голову. Вот Дини как раз и была такой. Любила быть в центре внимания. Причем не только молодых мужчин. Она пыталась охмурить даже Нила Имбри, а ведь

он ей в отцы годился! Видели бы вы, как она перед ним хвостом крутила, и это на глазах у жены. Нет, я не хочу сказать, что Дини вешалась на всех подряд без разбора, но она вполне могла сперва усиленно строить глазки, а потом вести себя так, словно ничего и не было. А уж голосом своим она что вытворяла! Иногда даже меня пробирало. Так что я старался на всякий случай держаться от нее подальше — у меня все-таки девушка в Бедфорд-Хиллсе.

— А мистер Красицки понимал, что представляет собой мисс Лауэр?

— Энди? — Гас подался вперед. — Видите ли, он втрескался в нее с первого взгляда. В этом-то все и дело. В первый же день: стоило только бедняге ее увидеть, услышать ее голос — и всё, пропал человек. Он даже не барахтался, сразу камнем пошел ко дну. Причем поймите, Энди не дурак, совсем даже не дурак, но все равно он ничего не мог с собой поделать. Влюбился сразу, да так, что вообще соображать перестал. Однажды я попытался объяснить ему, что к чему. Но только начал, пару слов всего сказал… Видели бы вы, как он на меня посмотрел. Я понял, что это дохлый номер. — Гас покачал головой. — Если бы я знал, что Энди все-таки уговорил Дини выйти за него замуж,

я бы ее сам газом отравил. Чтобы его спасти.

— Да, серьезный повод для убийства, — согласился Вулф. — Ладно, довольно о вас. Вы упомянули мистера Имбри. Допустим, мисс Лауэр оказывала ему знаки внимания не только в присутствии его супруги, но и когда они оказывались наедине. Допустим, она, как вы выразились, вскружила мистеру Имбри голову, он в нее влюбился. Допустим, вчера вечером мисс Лауэр сообщила ему о своем намерении уехать и выйти замуж за мистера Красицки. Вот мистер Имбри и решил ее убить. Хотя бы одно из моих допущений правдоподобно?

— Откуда мне знать? Я человек маленький…

— Да ладно, будет вам! — резко произнес Вулф. — Я, слава богу, не лейтенант Нунан. Советую вам отбросить осторожность, иначе мы снова застрянем. Итак, как по-вашему, мог мистер Имбри убить мисс Лауэр из ревности?

— Ясное дело, мог, если серьезно в нее втюрился.

— Располагаете ли вы какими-либо фактами, противоречащими моим допущениям?

— Нет.

— Значит, пока не будем сбрасывать эту версию со счетов. Как вы понимаете, ни у кого из оби-

тателей имения алиби нет. У преступника было четыре часа: с одиннадцати вечера, когда мисс Лауэр распрощалась с мистером Красицки, до трех часов ночи, когда вы с мистером Красицки вошли в оранжерею и приступили к дезинфекции. Согласно официальной версии, к тому времени все уже отошли ко сну: каждый в своей спальне, за исключением четы Имбри, — они провели ночь вместе. Супруги могут подтвердить алиби друг друга, но поскольку они состоят в браке, то являются лицами заинтересованными, а потому за их алиби я не дам и ломаного гроша. Мы уже выдвинули гипотезу о мотиве мистера Имбри. Мотив миссис Имбри очевиден: он вытекает из того, что вы нам поведали. Кроме того, женщинам вообще не нужен мотив. Они склонны совершать поступки, совершенно необъяснимые с точки зрения логики.

— И не говорите, — с чувством согласился Гас. — Гнут свое, и все тут.

Мне стало интересно, что такого учудила его девушка из Бедфорд-Хиллса. Вулф тем временем продолжил:

— Давайте закончим с представительницами прекрасного пола. Что скажете о мисс Питкэрн?

— Ну-у-у… — молодой человек широко раскрыл

рот, растянул губы, коснулся верхней кончиком языка, — даже не знаю. Не пойму я ее. Порой я просто ненавижу ее, хотя и сам толком не знаю почему. Наверное, потому, что разобраться в ней не могу.

— Может быть, я смогу вам помочь?

— Сомневаюсь. Ведет она себя, конечно, как последняя стерва, но однажды, дело было прошлым летом, я видел, как она рыдала в три ручья. Думаю, у нее комплекс, причем, скорее всего, не один. А потом она как-то страшно поцапалась на террасе со своим отцом. Я все видел и слышал: я работал в кустах, причем они это прекрасно знали. Это случилось через несколько недель после происшествия с миссис Питкэрн. Мистер Питкэрн решил отказаться от услуг дипломированной медсестры и нанять обычную сиделку. Вскоре после этого и приехала Дини Лауэр. Так вот, мисс Питкэрн закатила отцу скандал, потому что сама собиралась ухаживать за матерью без всякой посторонней помощи. Она орала как резаная и замолчала, только когда из окна высунулась медсестра и попросила разговаривать тише. Да, вот еще что. Мисс Питкэрн не просто ведет себя так, словно ненавидит всех мужчин на свете, она прямым текстом заявляет об этом

каждому встречному-поперечному. Может, как раз поэтому я ее тоже ненавижу: так сказать, плачу той же монетой.

— И часто у нее случаются истерики? — поморщился Вулф.

— Часто? Я бы не сказал. Хотя, с другой стороны, откуда мне знать? Я ведь у них в доме практически не бываю. Не пойму я эту дамочку.

— Не думаю, что вам стоит тратить усилия и пытаться в ней разобраться. Бросьте, это пустое и в данный момент не главное. Сейчас мне нужны факты. Вот, например, вам известно о мисс Питкэрн что-нибудь скандальное?

Гас растерянно посмотрел на собеседника.

— О ней и Дини? — уточнил он.

— Не принципиально. Можно просто о ней. Чем хуже, тем лучше. Например, вдруг она страдает клептоманией? Или, может, она наркоманка? Просаживает деньги в казино? Соблазняет женатых мужчин? Мухлюет в карты?

— Нет, ни о чем таком я не слышал. — Гас с минуту сосредоточенно размышлял. — Разве что… Она постоянно и по любому поводу лезет в драку. Это вам подойдет?

— Не уверен. На чем дерется? На шпагах?

— Я не совсем правильно выразился. Я хотел

сказать, мисс Питкэрн просто обожает устраивать свары. Со всеми подряд — с родными, близкими, друзьями, знакомыми. Она из тех особ, которые вечно считают себя умнее других. А уж какие скандалы она брату закатывает! Постоянно в его дела суется! Впрочем, этим типом действительно лучше постоянно руководить, иначе он таких дров наломает.

— А что с ним такое? У Доналда Питкэрна тоже комплексы?

— Еще какие! — фыркнул Гас. — Родня говорит, что он весь из себя такой чувствительный и ранимый, мол, у него тонкая душевная организация. Черт подери, может, я тоже ранимый, но я же не кричу об этом на всех углах! У него настроение меняется каждый час. Причем такое происходит с ним изо дня в день, без перерыва на выходные и праздники. Палец о палец за всю свою жизнь не ударил. Одним словом, лодырь и бездельник. Даже букет цветов нарвать не может. В четырех университетах учился — отовсюду выперли. Сперва из Йельского, потом из университета Уильямса, затем из Корнеллского и под конец из какого-то еще, совсем уж захудалого, что в Огайо.

— Что послужило причиной отчисления? — строго спросил Вулф. — Эти сведения могут

оказаться очень важными.

— Понятия не имею. Никогда не интересовался.

— Черт побери! Неужели вы совершенно лишены любопытства? В нашем случае даже один-единственный факт о сыне может оказаться более полезным, чем сведения о дочери. Ну что, может, припомните такой факт?

Гас принялся сосредоточенно размышлять. Прошла минута. Судя по лицу молодого человека, все попытки его пока были безуспешными.

— Может, его выгоняли из университетов из-за проблем с женщинами?

— Кого? Молодого Питкэрна? — Гас фыркнул. — Да если бы его привели на нудистский пляж и выстроили в две шеренги мужчин и женщин, он бы и то не разобрался, кто где стоит. Думаю, он отличает одних от других исключительно по одежде. Не скажу, что Доналд тупой, нет, он совсем не глуп, просто парень немножко не в себе. Вы спрашивали, есть ли у него комплексы…

В дверь постучали. Я подошел, открыл, смерил гостя взглядом и произнес:

— Заходите.

В дом вошел Доналд Питкэрн.

Я уже видел этого юношу и раньше, но сейчас

у меня появилась возможность приглядеться к нему повнимательнее. Черноволосый, с темными глубоко посаженными глазами, Доналд не производил впечатления ранимого человека, но, с другой стороны, я, разумеется, не знал, в каком он сейчас настроении. Ростом он был с меня, однако, скажу без ложной скромности, сложением мне уступал: этому парню явно следовало заняться спортом. Лицо Доналда я бы назвал привлекательным, если бы не чрезвычайно кислое его выражение. В целом он и впрямь производил впечатление человека закомплексованного.

— Ты здесь, Гас? — задал он не слишком умный вопрос.

— Да, я здесь, — дал исчерпывающий ответ Требл.

Доналд, заморгав от яркого света, повернулся к Вулфу и без долгих предисловий сразу перешел к делу:

— Нам показалось странным, что вы так долго пакуете вещи Энди. Вы ведь отправились сюда именно под этим предлогом, однако сами, похоже, заняты совсем другим.

— Нас отвлекли, — пояснил Вулф.

— Вижу. Вам не кажется, что пора заняться делом: собрать вещи и уехать?

— Кажется. Мы как раз и собирались этим заняться. Мистер Питкэрн, я очень рад, что вы сюда заглянули. Теперь у нас есть прекрасная возможность немного с вами поболтать. Конечно же, вы пони…

— Я не в настроении, — с виноватым видом произнес Доналд, развернулся и вышел, закрыв за собой дверь; вскоре мы услышали звук его шагов на крыльце.

— Вот видите, — с жаром произнес Гас, — в этом он весь. Папочка велел ему сходить сюда и выставить вас вон. Слышали, что он сказал?

— Да уж. Люди с тонкой душевной организацией часто ведут себя непредсказуемо, — вздохнул Вулф. — Нам лучше заняться делом. Я хочу уехать, прежде чем сюда заявится собственной персоной мистер Питкэрн-старший. Да, кстати, что вы можете о нем сказать? Общих слов не нужно, я уже имел счастье встретиться и пообщаться с ним. Меня интересуют подробности. Сегодня днем у меня сложилось впечатление, что, в отличие от своего малахольного сына, папенька далеко не промах, когда речь заходит о представительницах прекрасного пола. Я прав? Он может отличить мужчину от женщины?

— Еще бы, — хохотнул Гас, — с закрытыми гла-

зами. За милю.

— Вы говорите это так, словно у вас есть доказательства.

Гас открыл было рот, словно собирался что-то добавить, но, услышав слова Вулфа, тотчас же его закрыл. Искоса посмотрев на Вулфа, он бросил взгляд на меня, а потом снова перевел на него.

— Ага, — произнес он, — теперь вам понадобились доказательства.

— Отнюдь. Мало того, я даже не настаиваю на фактах. Предположения и догадки тоже вполне меня устроят. Выкладывайте все, что знаете.

Хмуро потирая большими пальцами кончики указательных, Гас напряженно думал. Наконец он резко махнул рукой и решительно произнес:

— А пошло все к черту! Я сперва взъелся на вас, посчитав, что вы обманули Энди, а на самом деле вы помогаете моему шефу, хотя ничем ему не обязаны. Так неужели я поведу себя как сволочь? Энди столько всего для меня сделал… Ладно, на этой работе свет клином не сошелся, если что, найду себе другое место. В общем, так: однажды он придушил девушку.

— Кто? Мистер Питкэрн?

— Да.

— Вы хотите сказать, что он убил ее?

— Да нет, не убил, а только придушил. Не до смерти.

— А что за девушка? Как ее звали?

— Флоренс Хефферан. Ее родители раньше ютились в развалюхе на Гриси-Хилл, а теперь у них очаровательный домик в долине и тридцать акров земли в придачу. Не думаю, что сама Флоренс хорошенько прижала Питкэрна. Небось это сделал ее папаша. Я точно знаю, что участок обошелся им в двадцать одну тысячу долларов. После того случая Флоренс переехала в Нью-Йорк, где тоже, мягко говоря, не нищенствует. И откуда, спрашивается, у них взялись денежки? Питкэрн дал — больше некому. Хотите знать, с чего он вдруг решил ее придушить? Ну, тут есть две версии. По одной, Питкэрн буквально сходил по Флоренс с ума, а когда она забеременела, заподозрил, что ребенок не от него, вот его ревность и обуяла. Это сама Флоренс рассказала своей лучшей подруге, моей девушке. По другой версии, Питкэрн вспылил, когда она потребовала у него слишком много денег. Это тоже рассказала сама Флоренс, но только потом, после того как перебралась в Нью-Йорк. Наверное, она решила, что вторая версия звучит правдоподобнее. Одним словом, из-за чего Питкэрн так завелся, не совсем

понятно, но то, что он душил ее, — это точно. У нее на шее отметины остались. Я своими глазами видел.

— Неплохо. — Вулф выглядел таким довольным, будто ему только что подарили плантацию орхидей в тридцать акров. — И когда это случилось?

— Года два назад.

— Вы знаете, где сейчас проживает мисс Хефферан?

— Конечно. Если надо, могу достать ее адрес в Нью-Йорке.

— Это хорошо. — Вулф погрозил ему пальцем. — Я уже сказал, что не стану настаивать на доказательствах, однако мне бы хотелось узнать, на сколько процентов ваш рассказ — правда, а на сколько — досужие сплетни.

— Никакие это не сплетни. Это — факты.

— А они когда-нибудь предавались огласке? Может, газеты освещали судебный процесс?

— Не было никакого процесса, — покачал головой Гас. — Какой уж там суд, если Питкэрн выложил сорок, если не все пятьдесят тысяч, чтобы Флоренс держала рот на замке?

— Именно это я и подозревал. Просто хотел убедиться. А что говорили в округе? Соседи были

в курсе случившегося?

— Ну… не то чтобы в курсе… — Гас неопределенно пожал плечами. — Конечно, пошли слухи, но на самом деле во всех подробностях о случившемся знали всего несколько человек. Я оказался одним из них по чистой случайности: моя девушка была лучшей подругой Флоренс. Ну а я не сплетник. До сегодняшнего вечера я был нем как могила, да и сейчас рассказал об этом исключительно ради Энди. Правда, убейте, не понимаю, каким образом эта история может ему помочь.

— Зато я понимаю, — с напором ответил Вулф. — Скажите, а мистер Питкэрн еще кому-нибудь делал столь щедрые подарки?

— Если и делал, то я насчет этого не в курсе. В тот раз с Флоренс он просто потерял голову. Но даже после того случая женским полом интересоваться не перестал. Я же вижу, как он ведет себя со своими гостьями. В этом смысле сынок не в папу уродился, можете быть уверены. Сам не знаю, чего это мистер Питкэрн никак успокоиться не может. Вроде бы уже дожил до седых волос — ну так все, угомонись, нагулялся уже, займись чем-нибудь другим, так ведь нет! Вот возьмем, к примеру, вас. У вас вон тоже седина в волосах. Вы ведь не вышагиваете гоголем при виде красоток,

не ходите за ними как привязанный…

— Вы правы, мистер Требл, я так не делаю. Ваши замечания общего характера, безусловно, занятны и справедливы, но толку мне от них никакого. Мне подойдет лишь нечто особенное, скандальное. Не вспомните ли что-нибудь еще в этом роде?

Увы, рассказав про Флоренс, Гас пустил в ход свой главный козырь. Он знал еще кое-какие мелочи о мистере Питкэрне и теперь горел желанием поделиться ими с нами. Мы внимательно выслушали все, что изложил он, но, к сожалению, больше ничего интересного так и не узнали. Лично у меня сложилось впечатление, что Питкэрн вряд ли тот человек, который нам нужен. По словам Гаса, он не проявлял никакого интереса к Дини Лауэр, хотя Гас опять подчеркнул, что в дом практически не заходит, а потому не знает о том, что там творится.

Наконец Вулф закончил расспрашивать Требла о Питкэрне и перешел к следующей кандидатуре:

— А что вы скажете о его жене? Об этой женщине за весь день упомянули не больше двух раз. Что она собой представляет?

— Тут все в порядке, — отрывисто произнес Гас.

— Можете о ней забыть.

— Хотите сказать, миссис Питкэрн выше любых подозрений и упреков?

— Она милая женщина. И уверен, очень порядочная.

— А как по-вашему, приключившаяся с ней трагедия и вправду была несчастным случаем?

— Конечно. Миссис Питкэрн пошла в сад полюбоваться на розы, стала спускаться по каменной лестнице, споткнулась и упала. Вот и все.

— Она сильно пострадала при падении?

— Я так понимаю, что достаточно сильно. Но сейчас дело, слава богу, пошло на поправку: она уже может сидеть, ну и ходить чуть-чуть. Энди каждый день поднимался к ней наверх за инструкциями. И она всегда так уважительно с ним разговаривала: не приказывала, а скорее советовалась.

— Я уже понял, что миссис Питкэрн вам по душе, — кивнул Вулф, — но я все же вынужден задать еще один вопрос. У вас есть доказательства того, что эта женщина не способна стащить объект весом сто десять фунтов вниз по лестнице, а затем перенести его в оранжерею?

— Да будет вам! — презрительно поморщился Гас. — Черт подери, у нее же был перелом позво-

ночника!

— Ладно, — согласился Вулф. — Просто усвойте простую вещь: преступник, который сперва обездвижил мисс Лауэр, а потом отнес ее в оранжерею, действовал в состоянии аффекта, а в такие моменты люди способны творить настоящие чудеса. И нельзя быть таким доверчивым. Так что мой вам совет, мистер Требл: никогда не занимайтесь расследованием преступлений. Даже и не пытайтесь, вы совершенно не расположены к детективной работе. Ну а сейчас скажите мне, пожалуйста, где находится комната миссис Питкэрн… Впрочем, нет, у меня есть идея получше: посмотрите-ка в ящиках стола — вдруг там имеются карандаш и бумага.

— Ага, имеются.

— Будьте любезны, набросайте план дома и оранжереи, нарисуйте схему обоих этажей. Сегодня я уже слышал о расположении комнат в доме, но хочу убедиться, что все правильно понял. Идеально точной схемы я от вас не требую, но обозначить, где какая комната, все же попрошу.

Гас подчинился. Достав из ящика стола блокнот и карандаш, он принялся за работу. Рисовал он быстро. Не успели мы оглянуться, как он вырвал из блокнота два листа бумаги, встал и протянул

их Вулфу со словами:

— Я не нарисовал лестницу с черного хода, которая ведет в спальню супругов Имбри, но туда также можно попасть и по маленькому коридорчику на втором этаже.

Вулф кинул взгляд на листки, сложил их и, сунув в карман, с признательностью в голосе произнес:

— Спасибо, сэр. Вы оказали нам…

Его оборвал донесшийся с крыльца звук тяжелых шагов. Не став дожидаться стука, я встал и направился к двери, намереваясь ее открыть. Впрочем, стука и не последовало. Вместо него мы услышали звук ключа, вставленного в замочную скважину. Щелкнул замок, дверь распахнулась, и в коттедж вошли двое мужчин.

Это были лейтенант Нунан и еще один полицейский — рядовой в форме.

— Кем, черт подери, вы себя возомнили?! — свирепо произнес лейтенант.

Глава 7

Гас вскочил. Я повернулся в сторону вошедших. Вулф не сдвинулся с места и сказал:

— Полагаю, мистер Нунан, ваш вопрос был риторическим. Но если…

— Молчать! Я, черт подери, прекрасно знаю, кто вы такой! Вы бродвейский хлыщ, который приперся к нам в Уэстчестер и решил тут установить свои законы. А ну-ка убирайтесь вон отсюда! Вон, я сказал! И пошевеливайтесь!

— Мистер Питкэрн разрешил мне…

— Черта с два он вам разрешил! Он только что позвонил мне. И ничего вы из этого коттеджа не возьмете. Может, вы и заставили плясать под свою дудку полицию Нью-Йорка и даже нашего прокурора с ребятами из округа, только со мной такой номер не пройдет. Сами пойдете или вам помочь?

Обхватив руками подлокотники кресла, Вулф подался вперед, грузно поднялся, бросил:

— Пойдем, Арчи, — надел пальто, шляпу, взял трость и двинулся к выходу, но у порога обернулся и мрачно произнес: — Надеюсь, мы еще встретимся, мистер Требл.

Желая спасти Вулфа от еще большего унижения, я поспешил раскрыть перед ним дверь, чтобы он сам не тянулся к дверной ручке. Оказавшись на улице, я достал из кармана фонарик, включил его и первым двинулся по тропинке.

Пока мы шли по той дорожке, уже в четвертый раз за день, мне хотелось сказать очень многое, но я счел за лучшее прикусить язык. Во-первых, за нами по пятам следовали Нунан и его приятель, а во-вторых, раз уж сам Вулф решил сдаться и отступить, то мне оставалось только с этим смириться. Когда мы вышли из хвойной рощи, я направил было луч света на теннисный корт, но Вулф недовольно заворчал, и впредь я подсвечивал только тропинку.

Наконец под нашими ногами захрустел гравий. Тяжело ступая, Вулф направился к машине. Когда я открыл перед ним заднюю дверцу, Нунан, стоявший справа от меня, заявил:

— Цените мою доброту. Я мог бы позвонить окружному прокурору и добиться разрешения задержать вас как важных свидетелей, но, как видите, не стал этого делать. Сейчас мы пойдем в свою машину. Доберетесь до въезда в имение — остановитесь и подождите нас. Мы пристроимся вам в хвост и проводим до границы округа. И

не вздумайте возвращаться обратно: ни сегодня ночью, ни когда-либо еще в будущем. Ясно?

Ответа не последовало. Я захлопнул за Вулфом заднюю дверцу, открыл переднюю, сел за руль и включил зажигание.

— Я спрашиваю, вам ясно? — рявкнул лейтенант.

— Да, — ответил Вулф.

Полицейские отошли в сторону, а я медленным ходом двинул машину вперед. Когда мы добрались до въезда в имение, я остановил автомобиль. Дежуривший там помощник Нунана осветил нас фонариком, но ничего не сказал.

— Сейчас я сверну направо и поеду на север, — бросил я Вулфу через плечо, — до Брустера всего десять миль, а это уже другой округ — Патнам. Нунан велел нам уехать из этого округа, но он же не уточнил, куда именно.

— Поворачивай налево и езжай в Нью-Йорк.

— Но…

— Не спорь, Арчи.

Дождавшись, когда полицейский автомобиль пристроится за нашим, я выехал на шоссе и свернул налево. После того как мы преодолели несколько миль, Вулф проговорил:

— Даже не пытайся его дразнить. Никаких

проселочных дорог, гонок по пересеченной местности и резких торможений. Это будет безрассудным, неоправданным риском. Этот человек невменяем. Он маньяк и способен на все, что угодно.

Я ничего не сказал в ответ, поскольку и сам был того же мнения. Нас скрутили в бараний рог, и сейчас лучше не рыпаться. Я выбрал оптимальный маршрут следования до Хоторн-серкл. Там, все еще с преследователями, висящими у нас на хвосте, я свернул на Сомилл-Ривер-парквей. Часы на приборной панели показывали без четверти семь вечера. Больше всего меня беспокоило то, что я не видел выражения лица Вулфа. Если он ломал голову над разгадкой преступления, то есть работал, значит все было прекрасно. Если же просто дергался и переживал, страшась дополнительных опасностей, которые сулила нам поездка на автомобиле в темное время суток, — это, наверное, тоже было не так уж и плохо. Но если Вулф мечтал поскорее вернуться домой и больше ни о чем другом не думал, это означало, что мне нужно как можно скорее с ним поговорить и привести его в чувство. Я ничего не имел против беседы, но вот беда: я не знал, что сейчас у Вулфа на уме. Вплоть до этого момента я даже

не подозревал, как для меня важно видеть его широкое мясистое лицо.

До первого светофора после Хоторн-серкл мы добрались за одиннадцать минут. Это означало, что мы ехали не очень быстро, но и не слишком медленно — в самый раз. Горел зеленый свет, и я не стал сбрасывать скорость. Еще через четыре минуты нас ждала встреча со вторым светофором. Горел красный, пришлось притормозить. Сзади в нас чуть не въехал Нунан. Снова тронувшись с места, мы заехали на холм, нависавший над городом Йонкерс, спустились по серпантину в долину, подъехали к шлагбауму перед платной трассой, заплатили десять центов, и еще через милю в окнах замелькали знаки, сулившие скорое свидание с Нью-Йорком.

Взяв вправо, я слегка скинул скорость. Я знал: стоит Вулфу вернуться домой, его оттуда на улицу уже на лебедке не вытянешь. Поэтому надо было как-то этому воспрепятствовать. Но как? Увы, несмотря на то что до дому нам еще предстояло ехать двадцать пять минут, дело казалось мне совершенно безнадежным. Но попытаться все-таки стоило. Сбросив скорость до тридцати миль в час, я заговорил:

— Мы покинули пределы Уэстчестера, Нуна-

на на хвосте нет. Он повернул еще до платной трассы. Пока никаких распоряжений от вас не поступало. Куда нам ехать?

— Где мы?

— В Ривердейле.

— Когда мы будем дома? — Я уже хотел было обмануть его, накинув полчасика, но тут он задал еще один вопрос: — Как нам убраться с этой гоночной трассы?

— Элементарно. Именно для этого в автомобиле есть руль.

— Тогда поскорее сверни отсюда и отыщи телефон-автомат.

Такое я услышал от Вулфа впервые в жизни. Я выбрал первый же съезд с трассы, проехал по боковой дороге несколько кварталов, свернул направо и перемахнул через холм. В Ривердейле я ориентировался плохо, однако даже в малознакомом месте не бог весть как сложно найти аптеку, в которой имеется телефон-автомат. Вскоре я притормозил у тротуара, как раз напротив одной из них.

Я поинтересовался, с кем Вулф собирается побеседовать, но он заявил, что звонить придется мне. Я повернулся и внимательно посмотрел на него.

— Не знаю, Арчи, — произнес он, — доводилось

ли тебе хоть раз видеть меня в состоянии, когда все мое естество, весь мой ум устремлены к достижению одной-единственной цели.

— Разумеется, доводилось, — кивнул я. — Вы практически всегда находитесь именно в таком состоянии. Эта цель у вас всегда одна — получить максимум комфорта.

— Сейчас я желаю другого. Мне очень хочется… Впрочем, не важно. Цели надо добиваться, а не языком болтать. Свяжись с Солом. Фред или Орри меня тоже устроят, но я все же предпочел бы Сола. Скажи ему, чтобы немедленно приехал. Мы с ним встретимся… Где мы с ним можем встретиться?

— В этом районе?

— Да, между этим местом и Уайт-Плейнсом.

— Сол должен быть на машине?

— Да.

— Тогда лучше всего встретиться в «Крытой веранде» около Скарсдейла.

— Хорошо, так ему и передай. Потом позвони Фрицу. Скажи, что мы еще задерживаемся. Узнай, как у него дела. Это все.

Я вылез. Мне страшно хотелось понять, что же происходит. И я решил прояснить ситуацию, даже рискуя навлечь на себя гнев Вулфа. Сунув голову в автомобиль, я спросил:

— А что насчет обеда? Фриц непременно об этом спросит.

— Скажи, что на обед мы не приедем. Я уже с этим смирился. Желание добиться поставленной цели достаточно велико, чтобы удержать меня от возвращения домой. Однако я не уверен, что найду в себе силы снова выйти на улицу, если окажусь в своем особняке.

Похоже, Вулф разбирался в себе ничуть не хуже, чем я. Я зашел в аптеку и проследовал к телефонной будке.

Сперва я позвонил Фрицу. Поначалу он решил, что я разыгрываю его, но потом понял: я не шучу. И тут же заподозрил, что стряслась какая-то страшная беда и я хочу это от него скрыть. Он просто не мог поверить, что Вулф, находясь на свободе в добром здравии и ясном уме, добровольно отказался вернуться домой на обед. Некоторое время я думал, что сейчас придется пойти к машине и позвать к телефону самого Вулфа, но в конце концов все же сумел успокоить Фрица. После этого я занялся поисками Сола.

Если помните, Вулф заявил, что ему вполне подойдут Фред и Орри, но он все-таки предпочел бы Сола. И неудивительно: Сол Пензер один стоил десятка таких, как они. Скажу вам больше: хотя я

и не знал, какую именно цель столь решительно поставил перед собой Вулф, у меня возникло чувство, что сейчас нам понадобится специалист экстра-класса. Поэтому, узнав, что Сола нет дома, я оставил его жене номер телефона-автомата и попросил передать, что буду ждать его звонка. Ждать пришлось так долго, что когда я, переговорив наконец с Пензером, направился к машине, то рассчитывал услышать от Вулфа как минимум пару саркастических замечаний. Однако, вопреки моим расчетам, он лишь что-то невнятно пробурчал. Видно, и впрямь решил любой ценой добиться цели. Я объяснил, что Солу понадобится как минимум час, чтобы добраться от своего дома в Бруклине до заведения, где назначена встреча, тогда как мы запросто доедем туда минут за тридцать. Таким образом, у нас есть в запасе немного времени. Быть может, Вулф захочет им воспользоваться? Но он лишь покачал головой, велев ехать прямо на встречу, сказав, что мы подождем Сола на месте. Пожав плечами, я завел машину и повернул в сторону автострады.

Сол Пензер появился в «Крытой веранде» почти в девять вечера. Мы с Вулфом устроились за столиком в укромном уголке, как можно дальше от игравшего на сцене ансамбля. Вулф уже

успел расправиться с двумя дюжинами больших устриц. Заказав суп из моллюсков, он проглотил пять ложек, после чего с недовольным видом отодвинул тарелку, потом съел кусочек непрожаренного ростбифа без овощей, а затем принялся за галеты и виноградное желе. При этом я не услышал от Вулфа ни одного язвительного замечания о качестве еды.

К тому моменту, когда он принялся за кофе, покончив с виноградным желе и галетами, Сол только-только приступил к телячьей отбивной. Вулф сказал, что подождет, пока Сол не доест, но тот возразил, попросив собеседника немедленно объяснить, зачем он ему понадобился. Пензер, в отличие от Вулфа, любил говорить о делах за столом. Сперва Вулф рассказал Солу о преступлении, поведав вполне достаточно для того, чтобы у Пензера сложилась в голове картина произошедшего. Затем он в подробностях изложил свой план на будущее. На это у него ушло немало времени, поскольку Вулф решил в деталях остановиться на всех мыслимых и немыслимых непредвиденных обстоятельствах. В частности, он допустил, что ключ с пометкой «зап. оранж», который я хранил в кармане, может не подойти к замку. Помимо ключа, нам предстояло воспользоваться планом

дома, выполненным Гасом Треблом. Немаловажную роль должен был сыграть и листок обычной бумаги, который по просьбе Вулфа принес официант. Воспользовавшись моей авторучкой, он написал на листке пару абзацев, после чего вручил бумагу Солу, который убрал ее в карман.

С моей точки зрения, в плане Вулфа была масса слабых мест, но я не стал ничего говорить. Если уж бедолага дошел до того, что отказался от обеда в домашней обстановке, то будь я проклят, если стану упираться. Плевать, что вероятность неудачи очень велика! Плевать, что в случае провала мы еще до полуночи присоединимся к Энди в тюрьме! В общем, я согласился без всяких-яких, решив лишь уточнить относительно оружия.

— На этот счет мне нужны самые подробные инструкции, — заявил я Вулфу. — Когда нам дадут по пять лет и вас посадят в соседнюю камеру, я не хочу, чтобы на протяжении всего срока вы трепали мне нервы, сетуя на то, что я все испортил, достав в самый неподходящий момент свой пистолет. Так что скажите: можно ли мне вообще стрелять и если можно, то при каких обстоятельствах?

— Не знаю, Арчи, — весьма миролюбиво ответил он, — я не могу всего предусмотреть. Действуй

по обстоятельствам. Решай сам.

— А если вдруг кто-нибудь бросится к телефону?

— Бросайся следом. Перехвати его. Врежь, если надо.

— А если кто-нибудь начнет орать?

— Значит, ты заставишь крикунью замолчать.

Я сдался. Я вовсе не против того, чтобы действовать на свое усмотрение, но вот только у меня всего лишь одна пара рук, и к тому же я не могу находиться в двух местах одновременно.

Согласно договоренности, поначалу мы с Вулфом должны были ехать впереди, а Сол — у нас в хвосте. В одиннадцатом часу мы выехали со стоянки «Крытой веранды» и понеслись на север.

Когда уже на территории вражеского округа я притормозил на обочине, часы на приборной панели показывали без двенадцати одиннадцать. Пошел снег. Сзади донесся шелест шин — это остановился Сол.

Выключив фары, я вышел из машины, подошел к его автомобилю и сказал:

— Проедешь вперед где-то полмили, может, чуть больше. Затем свернешь налево. Там увидишь большие каменные колонны, их трудно не заметить.

Сол резко вырулил обратно на дорогу и скрылся из виду. Я вернулся к нашей машине, залез в нее и повернулся к расположившемуся на заднем сиденье Вулфу, желая разрядить обстановку веселой беседой. Увы, он не желал разговаривать, и я прекрасно понимал почему. Затаив дыхание, Вулф ждал возвращения Сола, гадая, какие же вести тот принесет — хорошие или плохие. Сможем ли мы поехать дальше, наслаждаясь комфортом, или же?..

Сол не заставил себя долго ждать. Вести он принес дурные. Его машина мигнула фарами, развернулась и застыла неподалеку позади. Сол подошел к нам в ореоле пляшущих вокруг него снежинок и объявил:

— Он все еще там.

— Мне нужны подробности, — раздраженно бросил Вулф.

— Как только я резко повернул к въезду в имение, охранник посветил фонариком и начал орать: чего, мол, надо. Я назвался журналистом из Нью-Йорка, а он велел мне ехать прочь, да побыстрее, потому что начинается снегопад. Я попытался проявить настойчивость, чтобы не выходить из образа, но он был явно в дурном расположении духа. Ну я и решил сдать назад.

— Проклятье! — мрачно произнес Вулф. — И впрямь начинается снегопад, а у меня нет галош.

Глава 8

По дороге до оранжереи Питкэрна Вулф упал два раза, я — четыре, а Сол — всего один. Меня угораздило всех обставить по числу падений, потому что я шел первым.

Понятное дело, мы не могли воспользоваться фонариками, поэтому приходилось идти в кромешной тьме, ну а кроме того, шел снег. С одной стороны, это было нам на руку, но с другой — белая пороша уже полностью укрыла землю, а вместе с ней и ямы. Когда идешь в темноте, причем стараясь при этом не поднимать лишнего шума, куда легче двигаться по ровной дороге. Увы, мы не могли позволить себе такой роскоши. Наш маршрут лежал совсем в другом направлении.

Мы действовали по наитию. Свернув с шоссе, мы углубились в настоящие джунгли, за добрых триста ярдов обогнув въезд в имение и копа, пребывавшего, по словам Сола, в дурном расположении духа. После того как мы преодолели первое препятствие, нам практически сразу пришлось карабкаться вверх по склону. Наступив на камень, я поскользнулся, покачнулся, попытался

схватиться за дерево, но промахнулся.

— Аккуратнее, здесь камень, — прошептал я.

— Заткнись! — прошипел Вулф.

Стоило мне привыкнуть к подъему по склону, как вдруг он закончился, сменившись лесом с чередой кочек и ухабов. Потом лес тоже закончился, и мы уперлись в густой кустарник. Возможно, я бы через него и сумел продраться, но вот Вулфу он явно был не по зубам, и потому нам пришлось двинуться в обход. Только после того, как моя нога трижды соскочила вниз, я понял, что иду по краю крутого обрыва. Оказавшись затем на дне оврага, мы уперлись в ручей, причем до меня дошло, что темная полоса передо мной — именно ручей, лишь после того, как я в него забрел. Я сделал шаг назад, прыгнул, словно тигр, и с большим трудом оказался-таки на противоположном берегу. Приземлился я, правда, на колени, но падением это не считаю. Поднявшись, я с ужасом подумал, что Вулфу прыжок мой ни за что не повторить. Однако, оглянувшись, я увидел, что тот уже переходит ручей вброд, одной рукой придерживая края пальто, а в другой сжимая трость, которой нащупывал дно.

Я никогда не утверждал, что хорошо ориентируюсь в лесу, и той темной ночью лишний раз

убедился, что не обладаю выдающимися способностями в этой области. Наверное, я что-то напутал, просчитался с количеством поворотов на шоссе. По моим расчетам, мы должны были выйти прямо к дому, к которому примыкала оранжерея. Однако после того как мы перемахнули еще через несколько холмов, я четыре раза свалился в грязь, а Вулф кубарем скатился с утеса прямо под ноги Солу, я начал подозревать, что мы заблудились. Черт подери, а я еще радовался, что ельник такой густой и потому нас не заметят! Лучше бы он был пожиже, зато мы бы увидели огни особняка. В тот самый момент, когда меня уже начало охватывать отчаяние, мы вышли на тропинку. После того как мы свернули по ней налево и отмахали шагов тридцать, она начала казаться мне знакомой. Ну а когда мы добрались до края ельника и увидели огни дома, отпали последние сомнения: это была та самая тропинка, по которой сегодня мы уже проходили несколько раз.

Дальше дело пошло легче. Поскольку снег повалил еще гуще, нам не пришлось ползти к дому по-пластунски. Добравшись до развилки, где от тропинки ответвлялась дорожка, забиравшая налево, к южной части дома, я повернулся к Вулфу и спросил:

— Все нормально?

— Заткнись и шагай дальше! — прорычал он.

Так я и сделал. Вскоре мы достигли оранжереи. Я достал из кармана ключ, вставил его в замочную скважину и с облегчением вздохнул — ключ подошел. Я аккуратно распахнул дверь, мы вошли, и я беззвучно прикрыл ее. Пока все шло как по маслу. Мы добрались до подсобки. Но здесь было темно!

В соответствии с планом мы сняли облепленные снегом пальто и бросили их на пол. За ними последовали шляпы. Только потом я обнаружил, что Вулф решил оставить себе трость, видимо, для того, чтобы дубасить ею тех, кто станет кричать или попытается добраться до телефона. Я двинулся первым, за мной шел Вулф, а замыкал процессию Пензер. Мы миновали холодный отсек, в котором было на удивление жарко. Пробираться по проходу между грядками оказалось на редкость непросто. Там я сделал очередное открытие: если в снежную ночь в оранжерее выключен весь свет, то стекло кажется совершенно черным.

Не повредив ни одного растения, мы прошли в теплый отсек, в котором было еще жарче, и очутились в среднем. В тот самый момент, когда,

по моим оценкам, мы находились примерно в центре помещения, я сбавил скорость. Теперь я останавливался каждые несколько футов, ощупывая выступ слева. Вскоре я почувствовал под своими пальцами занавеску и, взяв Вулфа за руку, помог ему нащупать ее. Общими усилиями мы закинули занавеску наверх, и Сол забрался в нишу — туда, где убийца спрятал тело Дини Лауэр. Я не видел Пензера, поэтому пошарил руками, желая убедиться, что он там, и только после этого вновь опустил занавеску. Затем мы с Вулфом выбрались на открытую площадку за скамейками.

К этому моменту мы уже знали, что в окутанной тьмой оранжерее нет ни единой живой души, а потому вполне можно общаться шепотом. Но мы молчали — говорить было нечего. Я вытащил пистолет из наплечной кобуры, сунул его в боковой карман и направился к двери, ведущей в гостиную. Вулф шел за мной по пятам. Дверь была хорошо пригнана, но все же внизу имелась тоненькая щелочка, сквозь которую в оранжерею проникал свет.

И вот теперь нам предстояло получить ответ на самый главный вопрос: заперта ли дверь со стороны дома? Из-за толстой двери доносились звуки голосов, и это обнадеживало. Крепко взяв-

шись за ручку, я стал медленно, со скоростью минутной стрелки, ее поворачивать. Когда она дошла до упора, я осторожно нажал на дверь. Она легко поддалась. Ее оставили незапертой.

— Путь свободен, — прошептал я Вулфу и, резко распахнув дверь, шагнул в гостиную.

Одного взгляда оказалось вполне достаточно, чтобы понять: нам крупно повезло. Первая удача заключалась в том, что мы накрыли в гостиной всех троих: Джозефа Дж., его дочь и сына. Второй нашей удачей можно считать то, как они отреагировали, увидев оружие у меня в руке. Согласитесь, что хотя бы один из них запросто мог закричать, однако Питкэрны лишь ошеломленно молчали. Диспозиция была такая. Сибил сидела на диване, откинувшись на подушки и сжимая в руках высокий бокал. Доналд расположился рядом в кресле и тоже что-то пил. Отец семейства стоял. Он единственный из всех троих пошевелился, когда мы вошли, повернув голову на звук открывающейся двери.

— Ни с места, — быстро проговорил я, — и мы никого не тронем.

Джозеф Дж. издал странный звук, больше всего похожий на возмущенный смешок. Сибил же этим не ограничилась и выразила свое негодова-

ние на словах:

— Вы не посмеете выстрелить! Не посмеете!

Вулф обошел меня и двинулся к троице, но я, выставив руку, остановил его. Меньше всего мне хотелось, чтобы началась пальба. Полицейский, дежурящий у въезда в имение, может и не услышать крики и вопли, а вот выстрел, скорее всего, привлечет его внимание. Я приблизился к Джозефу Дж., наставив пистолет, обыскал его, а затем подошел к Доналду и повторил процедуру. Я бы с удовольствием обыскал и Сибил в длинном синем вечернем платье, но веских оснований для этого у меня не имелось: ее наряд был достаточно облегающим, чтобы понять — оружия у девушки нет.

— Все в порядке, — кивнул я Вулфу.

— Вы совершаете уголовное преступление! — взвизгнул Питкэрн; слова были достаточно мужественными, да вот голос подвел.

Вулф подошел к нему, покачал головой и совершенно спокойно возразил:

— Не думаю, что в наших действиях имеется состав преступления. Дверь мы не взламывали, у нас имелся ключ. Да, признаю, пистолет в руках мистера Гудвина несколько усложняет дело, однако я не собираюсь требовать от вас

ничего особенного. Мне просто хочется с вами поговорить. Сегодня днем я просил разрешения побеседовать с вами, но мне было отказано. Сейчас я намереваюсь все-таки добиться своего.

— Как бы не так! — Питкэрн бросил взгляд на сына. — Доналд, ступай к парадному входу и крикни полицейского!

— Если вы не заметили, пистолет по-прежнему у меня в руках, — сказал я, покрутив оружие, — и я могу выстрелить из него или им ударить. Если вы думаете, что я прихватил его для красоты, то жестоко ошибаетесь.

— Опять этот тип взялся за свое, — презрительно процедила Сибил, уютно устроившаяся на диване среди подушек. — Неужели вы всерьез думаете, будто мы настолько испугались, что станем беседовать с вами под дулом пистолета?

— Нет, — покачал головой Вулф. — Разумеется, пистолет — это ребячество, пустая формальность. Я полагаю, вы станете со мной разговаривать совсем по другим причинам, которые я сейчас изложу. На это мне потребуется несколько минут. Вы позволите присесть?

— Нет! — хором воскликнули отец, дочь и сын.

Вулф подошел к широкому креслу с пестрой обивкой, сел и невозмутимо произнес:

— К сожалению, я вынужден проигнорировать ваш запрет, принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства. Мне пришлось переходить вброд ваш проклятый ручей. — И, наклонившись, он расшнуровал один ботинок, стащил его, затем проделал то же самое со вторым, снял носки, закатал мокрые брюки почти до колен, а потом, наклонившись вправо, схватил кончик маленького коврика и потянул его на себя. — Вы уж извините, я тут у вас немного наследил, — виновато сказал он, оборачивая ковриком ноги.

— Какая прелесть! — с чувством воскликнула Сибил. — Вы, наверное, решили, что мы постесняемся выставить вас босым на улицу под снег?

— Если он действительно так думает, то фатально ошибается! — в гневе произнес Питкэрн; он уже не визжал, а говорил нормальным голосом.

— Я налью ему что-нибудь выпить, — предложил Доналд и двинулся было прочь.

— Не надо! — твердо сказал я, преградив ему дорогу. — Вы останетесь здесь! — В правой руке я по-прежнему сжимал пистолет.

— Думаю, Арчи, ты уже можешь убрать оружие в карман, — бросил мне Вулф. — Скоро мы узнаем: имеет нам смысл здесь задержаться или же лучше уйти. — Он окинул взглядом присут-

ствующих, остановив его на Джозефе Дж. — Могу предложить вам два варианта. Либо мы остаемся здесь и вы разрешаете нам задавать любые вопросы об обстоятельствах смерти мисс Лауэр, либо я возвращаюсь к себе домой в Нью-Йорк…

— Ни в какой Нью-Йорк вы не поедете. Вы отправитесь в тюрьму, — возразил Питкэрн, продолжавший стоять, хотя его гость сел.

— Разумеется, если вы так настаиваете, — кивнул Вулф. — Однако даже если я сперва окажусь в тюрьме, то все равно потом вернусь домой — просто чуть позже, сразу же, как только внесу залог, а тянуть с этим я не буду. Вернувшись домой, я моментально начну действовать. Я во всеуслышание объявлю, что убежден в невиновности мистера Красицки и намерен его освободить, для чего собираюсь отыскать и вывести на чистую воду настоящего убийцу. Уже сейчас я готов назвать как минимум три крупные газеты, которые заинтересуются этой новостью и протянут мне руку помощи. Вполне естественно, что все обитатели этого имения немедленно станут объектами самого пристального внимания широкой общественности. Причем интерес вызовет любое событие минувших лет, свидетельствующее в пользу виновности или невиновности того или

иного фигуранта. Разумеется, все эти истории незамедлительно появятся на первых полосах газет.

— Та-ак, — презрительно произнесла Сибил, по-прежнему не меняя позы.

— Пикантность ситуации заключается в том, что каждому человеку есть что скрывать, — продолжил Вулф, не обратив на нее никакого внимания. — Взять, к примеру, загадочную историю мистера Хефферана, который приобрел коттедж с участком в тридцать акров всего в паре миль отсюда. Я уверен, эта фамилия вам знакома. Откуда у него вдруг взялись деньги? Куда уехал один из членов его семьи и почему? Газетчики захотят выяснить все до малейших подробностей, особенно учитывая то обстоятельство, что вы их к себе ни в какую не пускаете. Я же, со своей стороны, с большой охотой поделюсь с журналистами всем, что мне известно. Видите ли, мне уже удалось кое-что узнать.

Джозеф Дж. сделал было шаг, но вдруг застыл на месте. Сибил, оттолкнувшись от подушек, села прямо. А Вулф продолжал:

— Подобные факты, естественно, не станут выносить на рассмотрение суда, слушающего дело об убийстве мисс Лауэр. Однако они привлекут

внимание тех, кто захочет провести независимое расследование, о результатах которого пожелает знать общественность. Люди пожелают узнать, как сейчас поживает мисс Флоренс Хефферан, не причиняет ли ей неудобства травма, нанесенная в тот момент, когда ее душили, окончательно ли исчезли синяки с горла… Идя навстречу читателям, газетчики опубликуют фотографии мисс Хефферан. Ну а затем…

— Ах ты, жирная гнида! — вскричала Сибил. — Ловко ты все обстряпал!

— Нет, мисс Питкэрн, я тут вовсе ни при чем, — покачал головой Вулф, — это лишь неизбежные последствия убийства.

— Бог свидетель, ну до чего же я жалею, что сегодня вас не пристрелил! — резко проговорил Питкэрн. И хотя он пытался взять себя в руки, его буквально трясло от злобы. — Эх, надо было…

— В любом случае вы этого не сделали, — сухо заметил Вулф. — Так что теперь дайте мне договорить. Поймите, ни один из вас ничего не сможет утаить от журналистов. Ни единого секрета. Все тайное непременно станет явным. Вполне допускаю, мистер Питкэрн, что у мисс Хефферан закончились деньги, которые вы ей дали, и она не прочь получить еще. Поверьте, найдется

немало желающих заплатить ей кругленькую сумму за подробный рассказ о своей жизни. Вы и сами все прекрасно понимаете. Но одной лишь мисс Хефферан дело не ограничится. Интерес у газетчиков вызовет и ваша дочь, обладающая уникальным талантом устраивать скандалы на пустом месте, и ваш сын, кочующий из университета в университет. Ему не подошли Йель, университет Уильямса, Корнелл, потому что не устраивал учебный план или потому что?..

И тут совершенно неожиданно у Доналда резко сменилось настроение. После того как он бросился за выпивкой для Вулфа, а я его остановил, молодой человек покорно вернулся в свое кресло и вроде бы спокойно там сидел все это время. Но теперь он внезапно вскочил и кинулся к Вулфу. Когда я преградил ему дорогу, Доналд налетел на меня, отскочил и попытался правой рукой нанести мне удар в челюсть. Мятеж следовало подавить как можно быстрее, в самом зародыше. В этом деле лишние сложности только мешают, поэтому левой рукой я отбил его кулак, а правой от души врезал Доналду плашмя пистолетом по почке. Он покачнулся, согнулся в три погибели и повалился на пол. Я на него даже не посмотрел, так как не хотел выпускать из виду папу с дочкой:

кто знает, на что эта семейка способна.

— А ну прекратите! — донесся откуда-то женский голос. — Я сказала — прекратите!

Все закрутили головой в поисках источника голоса. Из-за портьеры, прикрывавшей арку в дальней части комнаты, показалась женщина, которая направилась к нам мелкими аккуратными шажками. Издав сдавленный вопль, Сибил кинулась к ней. Ее примеру последовал и Джозеф Дж. Подбежав к незнакомке, они взяли ее под руки, причем Джозеф громко бранился, а Сибил мягко увещевала. Оба при этом хотели знать, как ей удалось спуститься по лестнице. Затем они попытались ее развернуть и увести, но у них ничего не получилось. Женщина с удивительной настойчивостью продолжала двигаться вперед, пока наконец не остановилась в шаге от Доналда, по-прежнему корчившегося на полу. Посмотрев на него, мать семейства, а я не сомневался, что это была именно миссис Питкэрн, повернулась ко мне:

— Вы сильно его ударили?

— Не очень, — ответил я. — Поболит денек-другой и пройдет.

— Со мной все в порядке, мам, — сообщил Доналд. — Ты слышала, что тут?..

— Да, я все слышала.

— Немедленно ступай наверх! — приказал жене Джозеф Дж.

Однако миссис Питкэрн пропустила слова мужа мимо ушей. Интересная женщина. Я бы не назвал ее красавицей — невысокого роста и при этом довольно полная, с простеньким круглым лицом. Ее осанка показалась мне странной: она стояла, отведя назад плечи, — видимо, это было следствием травмы позвоночника. Однако, несмотря на все это, имелась в миссис Питкэрн какая-то изюминка. Особенно сильное впечатление производил голос — низкий, грудной, полный внутренней силы.

— Я слишком долго стояла, — сказала она.

Сибил повела мать к дивану, но та, покачав головой, заявила, что предпочитает кресло, и попросила поставить его так, чтобы развернуть к Вулфу. Когда миссис Питкэрн села, Доналд, который к этому моменту уже встал, подошел к ней, погладил по плечу и сказал:

— Со мной все в порядке, мам.

Но она его будто и не заметила, устремив свой взгляд на Вулфа.

— Вы Ниро Вулф, — сообщила она ему.

— Верно, — согласился он. — А вы миссис Пит-

кэрн?

— Да. Разумеется, мистер Вулф, вы человек знаменитый, и мне доводилось о вас слышать. В иных обстоятельствах я была бы страшно рада познакомиться с вами. Я стояла за портьерой и слышала все, что вы сказали. Разумеется, вы разбираетесь в расследовании убийств гораздо лучше меня, и я никоим образом не собираюсь с вами спорить. Я прекрасно понимаю, что ждет каждого из нас, если мы окажемся в центре внимания газетчиков, и потому, вполне естественно, хочу по возможности этого внимания избежать. У меня есть деньги… Я имею в виду не состояние мужа, а мои собственные средства. Я считаю, что нам нужен человек, способный предотвратить столь нежелательное развитие событий, о котором вы только что говорили, и мне кажется, вы идеально подходите на эту роль. В качестве гонорара я готова выплатить вам пятьдесят тысяч долларов. Половина этой суммы…

— Милая, я хочу тебя предупредить… — выпалил Джозеф и вдруг замолчал.

— О чем? — холодно поинтересовалась миссис Питкэрн, честно выдержала паузу, но, поскольку ее супруг так и не заговорил, продолжила, обращаясь к Вулфу: — Конечно, было бы глу-

по отрицать, что нам нечего скрывать. Как вы справедливо заметили, у каждого человека непременно есть свои тайны. Да, нам не повезло. В результате чудовищного преступления, совершенного у нас в доме, мы, как вы изволили выразиться, окажемся в центре самого пристального внимания широкой общественности. Итак, половину вашего гонорара, двадцать пять тысяч, мы выплатим вам сразу, а оставшуюся сумму вы получите… э-э… об этом, в конце концов, можно договориться позже.

Такой расклад нравился мне гораздо больше. Теперь мы стояли перед альтернативой: либо согласиться на взятку в пятьдесят тысяч долларов, либо отправиться за решетку.

— Простите, — нахмурившись, возразил Вулф, — но, если не ошибаюсь, вы сказали, что слышали весь наш разговор?

— Да, это так.

— В таком случае, мадам, вы упустили самую суть. Я здесь сижу исключительно по одной-единственной причине: я уверен, что мистер Красицки непричастен к убийству мисс Лауэр. Спрашивается, могу ли я, черт подери, вытащить его из тюрьмы и одновременно защитить от внимания прессы вашу семью?! Нет, мадам, прошу

меня простить, но это совершенно исключено. Вы совершенно правы: я пришел сюда, чтобы шантажировать вас, но цель моего шантажа — не деньги. Свою цену я уже назвал: я хочу, чтобы вы разрешили мне остаться здесь с мистером Гудвином и провести частное расследование. Если вы ответите отказом, я вернусь к себе домой и превращу вашу жизнь в ад, который только что вам описал. Я прибыл к вам ненадолго и не собираюсь находиться здесь ни минуты сверх необходимого времени. Я не требую от вас ничего невероятного, мне просто нужны правдивые ответы на вопросы, причем, как я уже сказал, в пределах разумного.

— Ах ты, поганый неподкупный шантажист! — со злобой в голосе проговорила Сибил.

— Говорите, вы к нам ненадолго? — оживился Доналд. — Завтра к полудню управитесь?

— Нет, — твердо произнес Вулф, — я не могу вам сказать, когда точно завершу свое расследование. Однако можете быть уверены, мне хочется побыстрее уехать отсюда столь же сильно, как и вам выставить меня за дверь.

— Если нужно, я могу заплатить вам больше, — не сдавалась миссис Питкэрн. — Гораздо больше. Будьте уверены, я в состоянии удвоить озвучен-

ную ранее сумму. — Она оказалась упрямой, как и все женщины, и совершенно определенно была настроена заплатить нам немалые деньги.

— Нет, мадам. Сегодня вечером я сказал мистеру Гудвину, что сейчас у меня лишь одна-единственная цель — поставить точку в этом деле. Я отказался от обеда дома. Я шел сюда в кромешной тьме, через буран, воду, лес и ухабы. Я ворвался в ваш дом силой, заставил вас говорить под дулом пистолета мистера Гудвина. Теперь же я намереваюсь остаться здесь, пока не закончу расследование и не выясню правду. Альтернатива вам известна.

Миссис Питкэрн поочередно посмотрела на мужа, на сына и на дочь, а затем тихо произнесла:

— Ну что ж, я хотя бы попыталась.

Джозеф Дж., продолжавший все это время стоять, наконец сел и, вперив взгляд в лицо Вулфа, резко сказал:

— Ладно, валяйте. Спрашивайте, что хотели.

— Прекрасно, — облегченно вздохнул Вулф. — Пригласите сюда, пожалуйста, мистера и миссис Имбри. Мне нужны все.

Глава 9

Как только стало очевидно, что нас пригласят остаться на ночлег, у меня появился новый повод для беспокойства. Изначально план у нас был следующий: принудив обитателей поместья к сотрудничеству, Вулф попросит всех пройти на кухню и показать ему, где миссис Имбри хранила коробочку с морфином. Однако из-за неожиданного появления миссис Питкэрн эта простая задача превращалась в достаточно серьезную проблему. Согласитесь, не слишком гуманно тащить на кухню женщину с перебитым позвоночником ради того только, чтобы она ткнула пальцем в полку, тогда как с этим может прекрасно справиться любой из трех здоровых домочадцев.

Вернее, даже не из трех, а из пяти, ведь теперь к нам присоединились мистер и миссис Имбри. Впервые я видел Веру Имбри без униформы, на ней было некое подобие халата. Муж ее облачился в костюм дворецкого, который понравился мне куда меньше заляпанной маслом спецовки. Супруги выглядели одновременно сонными и напуганными и явно не испытывали никакого

восторга по поводу того, что их подняли с постели и заставили спуститься вниз. Как только они присоединились к нам, Вулф объявил, что желает посмотреть, где именно миссис Имбри хранила исчезнувшую коробочку с лекарством, и предложил всем проследовать на кухню. Судя по его тону, он рассчитывал по выражению лиц присутствующих вычислить злоумышленника, укравшего морфин с целью усыпить Дини Лауэр.

Увидев реакцию присутствующих, я понял, что пока еще плохо разбираюсь в людях. Я переживал совершенно напрасно. Хотя один человек из этой компании, бесспорно, был убийцей, все беспрекословно и даже с облегчением подчинились Вулфу: видимо, никто не ожидал, что он начнет с такой ерунды. Даже миссис Питкэрн не стала протестовать и послушно отправилась вместе с остальными.

В тот самый момент, когда все двинулись на кухню, Вулф босиком подошел ко мне и сказал:

— Арчи, ты не повесишь мои носки сушиться? Обогреватель вон там. Можешь их выжать в оранжерее.

Итак, Вулф решил меня оставить здесь. Как только из гостиной вышел последний человек, я бросился в оранжерею, предусмотрительно

не прикрыв дверь, и одним движением выжал носки. Наклонившись к нише, я приподнял занавеску и прошептал:

— Ну как ты там, Сол? Не уснул?

— Ты что, рехнулся? — прошипел он.

— Ладно уж, вылезай. Миссис Питкэрн решила присоединиться к нам. Дверь за собой можешь не закрывать.

Я вернулся в гостиную, проследовал к двери, за которой исчезла вся компания, и, повернувшись спиной к доносившимся издалека голосам, проследил за тем, как Сол вошел в комнату из оранжереи, стремительно метнулся к двери на другом конце гостиной и скрылся за ней. Затем я подошел к журнальной стойке и повесил на нее носки поближе к решетке обогревателя, после чего быстрым шагом направился на кухню.

Отыскав кухню, я обнаружил, что все стоят, столпившись, у открытого буфета. После того как мы мельком переглянулись, Вулф быстренько закруглился с осмотром места кражи и предложил вернуться в гостиную. По дороге Сибил стала настаивать на том, чтобы мать немедленно отправилась к себе наверх. Безуспешно. Миссис Питкэрн категорически отказалась это сделать, чему я несказанно обрадовался. Во-первых, у Сола

были полностью развязаны руки, а во-вторых, теперь у него появилось столь необходимое дополнительное время. Сейчас Вулф при желании мог хоть до самого утра мариновать здешних обитателей в гостиной.

— Итак, — начал Вулф, снова усевшись в полюбившееся ему кресло и завернув ноги в коврик, — дело обстоит следующим образом. Если полиция не удовлетворится показаниями мистера Красицки, а так, скорее всего, и будет, она обратится к вам с дальнейшими расспросами. Вполне допускаю, что подобный поворот никого не обрадует, но избежать этого не удастся. Так или иначе, сначала с вами побеседую я. Мои вопросы могут вам не понравиться, однако прошу отвечать на них максимально честно. Полиция считает, что бóльшая часть свидетельских показаний — сплошные ложь и увертки, и с этим трудно не согласиться. Однако каждому хорошему сыщику присуща наблюдательность. Если бы все говорили только правду, даже дурак смог бы раскрыть самое головоломное преступление. Итак, приступим. Мистер Имбри, вам когда-нибудь доводилось держать в своих объятиях мисс Лауэр?

— Да, — без малейших колебаний ответил Имбри.

Мне показалось, что его голос звучал излишне громко.

— Где и когда?

— Ну, дело было здесь, в этой комнате. Мне показалось, что мисс Лауэр хочется, чтобы я обнял ее. При этом она знала, что жена нас видит. А я-то нет! Ну я и рассудил: если женщине так хочется, то дай, думаю, обниму.

— Это ложь! — с возмущением произнесла Вера Имбри.

Ну вот и первый результат: жена назвала мужа лжецом. Мистер Нил повернулся к супруге и строгим голосом произнес:

— Пойми, Вера, сейчас у нас нет выбора — надо рассказывать все как было. Когда полицейские уехали, я решил: все, допросам конец. Но ошибся. Поверь, я знаю этого сыщика, он крепкий орешек. Речь идет об убийстве, так что не стоит вешать ему лапшу на уши. Откуда мне знать, может, нас с Дини еще кто-нибудь видел, кроме тебя? Сейчас я совру, скажу, мол, никогда даже и близко к ней не подходил, а потом кто-нибудь заявит, что видел, как мы обнимались. Зачем мне это?

— В этом все и дело, — с сарказмом в голосе произнесла Сибил. — В конце концов мы все во всем сознаемся. Давай, Нил, раз уж начал, испо-

ведуйся дальше.

Спустя три минуты Нил начал изворачиваться и врать. Он утверждал, что жена, застукав его с Дини Лауэр, не приняла случившееся близко к сердцу и сочла инцидент за невинную шутку.

Так продолжалось больше двух часов. Кинув в очередной раз взгляд на циферблат, я обнаружил, что уже без пяти три. Не могу сказать, что я помирал со скуки. Мне было очень интересно наблюдать за Вулфом, который обращался с очередным вопросом то к одному, то к другому из присутствующих, словно бы виртуозно кидая мяч. Слушать ответы собравшихся и следить за их реакцией было не менее увлекательно. Однако, несмотря на то что происходящее представлялось мне весьма интересным, у меня сложилось впечатление, что мы так ни на йоту и не приблизились к разгадке. Порой, особенно когда Вулф заводил речь о растениеводстве, мне и вовсе казалось, что мы напрасно тратим время. Только представьте: он убил добрых сорок минут, выясняя, что каждый из домочадцев думает о тех или иных цветах и других растениях, а потом затеял с Джозефом Дж. спор о бегониях. Я понимал, что задумал Вулф. Поскольку их показания не стоили и ломаного гроша, я заподозрил, что Вулф

специально тянет время ради Сола, надеясь, что тому, вопреки всему, удастся невозможное.

Помимо растениеводства, Вулфа очень занимала персона Дини Лауэр. Он постоянно пытался спровоцировать присутствующих, надеясь, что они, забыв обо всем, начнут обсуждать покойную. Увы, они решительно отказывались плясать под его дудку. Вулф не мог добиться от них даже признания того совершенно невинного факта, что Сибил изначально не желала прибегать к помощи сиделки, предпочитая заботиться о матери самостоятельно. Все уже поняли: Вулф из тех, кто, получив палец, тут же откусит целиком руку. А потому крепко держали оборону.

Когда без пяти три я глянул на часы, Вулф окликнул меня:

— Арчи! Что, мои носки высохли?

Я подошел к стойке и пощупал их:

— Почти.

Услышав это, Вулф попросил подать их ему. Когда он принялся натягивать первый носок, к нему обратилась миссис Питкэрн:

— К чему вам надевать ботинки? Они все равно мокрые, а вы решили остаться у нас на ночлег. Вера, принеси-ка тапочки…

— Нет, благодарю, — живо отозвался Вулф;

надев второй носок, он взялся за ботинок. — Слава богу, не жмут. — И, сунув ногу в ботинок, он натянул его, зашнуровал и выпрямился, чтобы перевести дух. К тому моменту, когда Вулф справился со вторым ботинком, в гостиной стояла такая мертвая тишина, словно на наши головы обрушился потолок.

Нарушил ее мистер Питкэрн.

— Уже почти утро, — хриплым голосом объявил он. — Мы идем спать. Ваш допрос превратился в какой-то нелепый фарс.

Вулф тяжело вздохнул.

— Происходящее было фарсом с самого начала, — кивнул он и огляделся по сторонам. — Но этот фарс устроил не я, а вы. Моя позиция вполне ясна, логична и непоколебима. Давайте рассмотрим обстоятельства смерти мисс Лауэр. Во-первых, ее усыпили с помощью морфина миссис Имбри. Во-вторых, преступник заранее знал о предстоящей дезинфекции. Я мог бы перечислять и дальше, но зачем? И так понятно, что все свидетельствует об одном: убийцей является кто-то из обитателей имения. Имея более чем серьезные основания, я считал и продолжаю считать, что мистер Красицки не причастен к преступлению, а значит, убийца сейчас находится в этой комнате. Я руко-

водствовался и продолжаю руководствоваться именно этим соображением. Я не имел ни малейшего понятия, кто именно из вас преступник. Чтобы вывести убийцу на чистую воду, я силой прорвался сюда и собираюсь оставаться здесь, пока не добьюсь своего или пока вы не выставите меня вон. Каковы будут в данном случае последствия, я уже объяснил. Итак, я ваш опасный, можно сказать, заклятый враг. Для начала я собрал всех вместе, пообщался с вами, а теперь буду разговаривать с каждым по отдельности. Начнем с миссис Питкэрн. Но время позднее, скоро начнет светать. Мадам, вы не желаете сперва вздремнуть?

Я не поверил своим глазам: миссис Питкэрн пыталась улыбнуться.

— Боюсь, — произнесла она твердым громким голосом, — я допустила ошибку, предложив вам деньги в обмен на просьбу уберечь нас от внимания прессы. Мне кажется, я произвела на вас не самое приятное впечатление. Если вы меня неправильно поняли… Господи, а это еще кто?

Это был Сол Пензер. Он вошел в гостиную, отдернув портьеру, за которой прежде скрывалась жена хозяина, подслушивая наш разговор. Сол был точен как часы. Согласно плану, он должен

был войти в гостиную ровно в три.

Бóльшая часть собравшихся сидела лицом к Солу, однако Вулфу пришлось повернуть голову и выглянуть из-за широкой спинки кресла. Тем временем Имбри, Доналд и Джозеф Дж. одновременно вскочили и бросились к Пензеру. Я оказался быстрее. Преградив им дорогу, я резко произнес:

— Успокойтесь. Это наш человек. Бояться его нечего. Он не кусается.

Все стали возмущаться и требовать объяснений. Не обратив на это ни малейшего внимания, Вулф спросил Сола:

— Ты что-нибудь нашел?

— Да, сэр.

— Важное?

— Полагаю, что да, сэр. — Сол протянул сложенный листок бумаги.

— Арчи, оружие на изготовку! — приказал Вулф, взяв листок.

Я и так уже достал пистолет. Решив, что будет лучше, если обитатели поместья встанут подальше от Вулфа, пока он осматривает находку Сола, я ткнул стволом в Джозефа Дж. и произнес:

— Еще одна пустая формальность. Сдайте назад.

Не переставая возмущаться, он все-таки выполнил мой приказ, а другие последовали его примеру. Я посмотрел из стороны в сторону и слегка повернулся, так чтобы все присутствующие оказались в моем поле зрения. К этому моменту Вулф уже успел развернуть бумагу и углубиться в чтение. Сол стоял справа от него, тоже держа оружие наготове.

Наконец Вулф поднял взгляд.

— Я должен объяснить, что, собственно, произошло, — заявил он. — Это мистер Сол Пензер. Он работает на меня. Когда мы ушли на кухню, он проник в дом через оранжерею, поднялся наверх и приступил к осмотру помещений. Дело в том, что меня не удовлетворили результаты обыска, проведенного полицией. Я считаю, что он был недостаточно тщательным. И это… — Вулф помахал бумагой, — доказывает мою правоту. Где ты нашел этот листок, Сол?

— Под матрасом в спальне мистера и миссис Имбри, сэр, — отрапортовал Сол.

Вера и Нил хором ахнули. Вдруг Нил вскочил и бросился к Вулфу, но замер, увидев, что я направил на него пистолет.

— Не надо так нервничать, — сказал я. — Он же не уточнял, кто именно спрятал там бумагу, а

просто сообщил, где ее нашел.

— Что это? — спросила миссис Питкэрн, и в ее голосе больше не слышалось былой твердости.

— Я вам сейчас прочитаю, — заверил ее Вулф. — Как видите, это листок бумаги. На нем послание, написанное чернилами. Я бы сказал, что почерк женский. Здесь стоит дата, шестое декабря, значит написали это письмо вчера… вернее, позавчера, ведь сейчас уже перевалило за полночь. Так вот, написано здесь следующее: «Уважаемый мистер Питкэрн! Как видите, я исполняю Ваше пожелание впредь никогда более не называть Вас по имени. Я решила изложить свою просьбу в письменном виде и очень надеюсь, что и ответ также получу в аналогичной форме. Как я уже говорила, сумма Вашего подарка должна составить не менее двадцати тысяч долларов. Вы были со мной очень милы и ласковы, но ведь и я отвечала Вам взаимностью, а потому я нисколько не сомневаюсь, что заслужила это вознаграждение. Поскольку теперь я решила выйти замуж и уехать, прошу Вас, не рассчитывайте, что я буду долго ждать. Моего терпения хватит на день, от силы — на два. Жду Вас сегодня в своей комнате в обычное время. Надеюсь, Вы согласитесь с тем, что я очень скромна и не прошу у Вас

лишнего». — Вулф поднял взгляд. — Здесь стоит подпись: «Дини», — добавил он. — Разумеется, экспертиза…

— Я в глаза этого письма не видела! — воскликнула Вера Имбри. — Я никогда…

Закончить ей не дали. Лично я даже не посмотрел в ее сторону. Пока Вулф читал, внимание всех присутствующих, вопреки моим ожиданиям, оказалось сосредоточено отнюдь не на нем. Когда он добрался до третьего предложения, даже человеку недальновидному стало бы ясно, что с Доналдом происходит нечто странное. Сперва его лицо окаменело, затем вытянулось, а рот от изумления приоткрылся. Под конец он стал совершенно пунцовым. Я никогда не видел, чтобы выражение лица человека менялось с такой скоростью, и это зрелище меня настолько поглотило, что, когда Вера закричала, я не удостоил ее и взглядом.

— Так вот почему ты запретил мне жениться на ней! — в следующую секунду заорал Доналд и прыгнул на отца.

Конечно же, у меня был пистолет, но он предназначался для самозащиты, а не для наведения порядка и прекращения свары в стане врагов. Женщины ничего не могли поделать, а Нилу

Имбри не хватило бы сил остановить разбушевавшуюся бурю. Да и очень уж стремительно все происходило.

Доналд, накинувшись на отца с кулаками, сбил того с ног и, навалившись на него всем телом, принялся яростно его колотить, крича:

— Ты думал, что я не мужчина! Но я был с ней! Я любил ее! Я полюбил впервые в жизни! Ты не позволял мне жениться на ней! А она собралась уезжать! Теперь я все понял! Богом клянусь, если у меня хватило духу ее убить, то тебя я и подавно убью! Убью! Убью!

Поскольку мне показалось, что Доналд вознамерился прямо сейчас воплотить свою угрозу в жизнь, я, подскочив, принялся оттаскивать его от отца. На помощь поспешил Сол.

— Сынок… — простонала миссис Питкэрн. — Господи, какой ужас!

— Мадам, я вполне понимаю ваши чувства. Но у мистера Красицки тоже есть мать, — низким голосом произнес Вулф.

Я и не подозревал, что он способен на такие сантименты.

Глава 10

На следующий день в шесть часов вечера я в одиночестве сидел за своим столом в кабинете и занимался мелкими делами, до которых у меня раньше не доходили руки. Из-за двери донесся шум лифта — это Вулф спускался из оранжереи. Через несколько мгновений он вошел в кабинет, устроился за столом в своем огромном кресле, позвонил Фрицу, распорядившись подать пива, и с глубоким удовлетворением вздохнул.

— Как Энди справляется с работой? — спросил я.

— Учитывая, что ему перед этим пришлось пережить, просто великолепно.

Я убрал бумаги в ящик стола и повернулся к Вулфу:

— А знаете, что мне тут пришло в голову? Если бы не вы, Дини Лауэр могла бы остаться в живых и по-прежнему кружить мужчинам голову.

— Не подумайте, что это были досужие домыслы, я основывался на фактах. — Час назад я разговаривал по телефону с Беном Дайксом. Только представьте, сэр, Доналд признался, что решился на убийство, когда узнал про скорое замужество

и отъезд Дини. Если бы вы не предложили Энди работу, у садовника, возможно, и не хватило бы духу уговорить девушку выйти за него замуж… ну или, по крайней мере, добиться от нее обещания это сделать. Поэтому напрашивается вывод: в определенной мере смерть мисс Лауэр на вашей совести.

— Только тебе могло прийти в голову подобное, — фыркнул Вулф, откупоривая одну из доставленных Фрицем бутылок пива.

— Да, кстати, — продолжил я, — по словам Дайкса, эта макака Нунан все еще пытается уломать окружного прокурора привлечь вас к ответственности за уничтожение вещественных доказательств. Ему никак не дает покоя то письмо, которое вы написали Питкэрну от имени Дини, а потом сожгли.

Вулф в ответ снова фыркнул и принялся наливать пиво, наблюдая, как поднимается пена.

— Это никак нельзя считать уликой, — наконец отозвался он. — Никто ведь даже не видел, что было написано на том листке. С тем же успехом бумага могла быть девственно-чиста. Может, я просто делал вид, что читаю? Согласен?

— Да, разумеется. Впрочем, так или иначе, окружной прокурор сейчас не в том положении,

чтобы выдвигать против вас какие бы то ни было обвинения. Доналд дал подробные признательные показания, которые скрепил своей подписью. Он рассказал обо всем: о том, что Дини была его первой и единственной любовью; о том, что родители пригрозили лишить сына наследства, если он на ней женится; о том, как он умолял ее не выходить замуж за Энди и как она над ним посмеялась; о том, как он предложил ей распить по бутылочке пива в полночь; о том, как подсыпал ей морфин, и даже о том, как затащил бедняжку в оранжерею, чтобы подозрение пало на Энди. Более того, Вера Имбри тоже дала показания: дело в том, что она несколько раз случайно видела романтические свидания Доналда и Дини…

Вулф поставил опустевший стакан и, вытащив платок, вытер им губы.

— Это, конечно, поможет следствию, — благодушно изрек он.

— «Поможет» — не то слово, — проворчал я. — Дело закончено. Но позвольте полюбопытствовать: а что бы вы, черт возьми, стали делать, если бы в ответ на это ваше фальшивое письмо присутствующие просто усмехнулись и пожали плечами?

— Даже не представляю. Впрочем, я не сомне-

вался, что мой план сработает. — Вулф налил себе еще пива. — Я знал, что как минимум один из присутствующих причастен к преступлению. Он словно ходил по канату, и в мою задачу входило хорошенько его встряхнуть, чтобы выбить из равновесия. Именно поэтому я велел Солу сказать, что записку он якобы обнаружил в комнате супругов Имбри. Этой парочке тоже требовалась встряска. Если бы все, узнав о содержании письма, просто усмехнулись, я бы как минимум исключил из числа подозреваемых мистера Питкэрна и его сына и в дальнейшем исходил бы из их невиновности. Уже неплохо, учитывая, сколько в этом деле оказалось фигурантов. Я не верил, что убийца — Энди, поскольку… — Он не закончил фразу, резко отодвинул кресло, встал и пробормотал: — Боже мой, я совсем забыл сказать Энди о рассаде Miltonia.

С этими словами Вулф спешно вышел.

Ну а я, в свою очередь, отправился на кухню поболтать с Фрицем.